

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Иметь и не иметь

Эрнест Миллер Хемингуэй

Аннотация
Эрнест Хемингуэй. Иметь и не иметь
Часть первая. ГАРРИ МОРГАН. (Весна)
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
Часть вторая. ГАРРИ МОРГАН. (Осень)
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
Часть третья. ГАРРИ МОРГАН. (Зима)
  Глава девятая
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
  Глава четырнадцатая
  Глава пятнадцатая
  Глава шестнадцатая
  Глава семнадцатая

Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая

Аннотация

«Иметь и не иметь» (англ. To Have and Have Not) — роман Эрнеста Хемингуэя, вышедший в 1937 году. Книга рассказывает об американском рыбаке Гарри Моргане, который в силу обстоятельств становится контрабандистом. В основе повествования — судьба главного героя, ставшего преступником. Но кроме этого, «Иметь и не иметь» — остросоциальный роман, в центре которого — конфликт бедности и богатства, имущих и не имущих, людей, которых бедность вынуждает преступать закон, и людей, наслаждающихся жизнью и прожигающих ее. Кто же из них более достоин порицания?

Эрнест Хемингуэй
Иметь и не иметь

Часть первая
ГАРРИ МОРГАН
(Весна)

Глава первая

Представляете вы себе Гавану рано утром, когда под стенами домов еще спят бродяги и даже фургонов со льдом еще не видно у баров? Так вот, мы шли с пристани в «Жемчужину Сан-Франциско» выпить кофе, и на площади не спал только один нищий, он пил воду из фонтана. Но когда мы вошли в кафе и сели, там нас уже ожидали те трое.

Мы сели, и один из них подошел к нам.

— Ну? — сказал он.

— Не могу, — ответил я ему. — Рад бы помочь вам. Но я уже вчера сказал, что не могу.

— Назовите свою цену.

— Не в этом дело. Я не могу. Вот и все.

Двое других тоже подошли и смотрели на нас с огорчением. Они были славные молодые люди, и я был бы рад оказать им эту услугу.

— По тысяче с головы, — сказал тот, который хорошо говорил по-английски.

— Мне самому неприятно, — ответил я ему. — Но я вам по совести говорю: не могу.

— Потом, когда все здесь изменится, это вам сослужит службу.

— Знаю. Рад бы душой. Но не могу.

— Почему?

— Лодка меня кормит. Если я потеряю ее, я останусь без куска хлеба.

— За деньги можно купить другую лодку.

— Но не в тюрьме.

Они, должно быть, решили, что меня только нужно уговорить, потому что первый продолжал:

— Вы получите три тысячи долларов, и впоследствии это может сослужить вам службу. То, что тут сейчас, знаете, долго не продержится.

— Слушайте, — сказал я. — Мне совершенно все равно, кто у вас будет президентом. Но у меня правило: не перевозить в Штаты ничего такого, что может болтать.

— Вы хотите сказать, что мы будем болтать? — сказал один из тех, которые до сих пор молчали. Он сердился.

— Я сказал: ничего такого, что может болтать.

— Вы считаете нас lenguas largas?

— Нет.

— Вы знаете, что такое lengua larga?

— Да. Тот, у кого длинный язык.

— Вы знаете, как мы поступаем с такими?

— Не петушитесь, — сказал я. — Вы ко мне обратились. Я вам ничего не предлагал.

— Замолчи, Панчо, — сказал сердитому тот, что говорил первым.

— Он сказал, что мы будем болтать, — сказал Панчо.

— Слушайте, — сказал я. — Я вам говорил, что не берусь перевозить ничего такого, что может болтать. Ящики с вином не могут болтать. Четвертные бутыли не могут болтать. Есть еще многое, что не может болтать. Люди могут болтать.

— А китайцы не могут болтать? — сказал Панчо со злостью.

— Они могут болтать, но я их не понимаю, — ответил я ему.

— Значит, вы не хотите?

— Я вам уже вчера сказал. Я не могу.

— Но вы не станете болтать? — сказал Панчо. Он меня не понимал и оттого злился. Да, пожалуй, и оттого, что дело не выходило. Я ему даже не ответил.

— Вы-то сами не из lenguas largas? — спросил он все еще злобно.

— Кажется, нет.

— Это что такое? Угроза?

— Слушайте, — ответил я ему. — Охота вам петушиться в такую рань. Я уверен, что вы немало

глоток перерезали. Но я еще даже кофе не пил.

— Так вы уверены, что я режу людям глотки?

— Нет, — сказал я. — И вообще мне на это наплевать. Разве нельзя говорить о деле и не беситься?

— Да, я взбешен, — ответил он. — Я вас убить готов.

— Тьфу, черт, — сказал я ему. — Да придержи ты язык.

— Ну, будет, Панчо, — сказал первый. Потом мне: — Очень жаль. Я бы хотел, чтоб вы перевезли нас.

— Мне тоже очень жаль. Но я не могу.

Все трое направились к двери, и я смотрел им вслед. Они были красивые молодые люди, хорошо одетые: все без шляп, поглядеть на них, так было похоже, будто у них денег хоть отбавляй. Послушать их, так, во всяком случае, было на то похоже; они и по-английски говорили, как говорят кубинцы из богатых.

Двое из них были, видно, братья, а третий, Панчо, чуть повыше ростом, но из той же породы. Знаете, статная фигура, хороший костюм, блестящие волосы. Я подумал, что не такой уж он, верно, злой, как кажется. Он, верно, просто нервничает.

Как только они вышли из кафе и повернули направо, я увидел, что через площадь мчится к

ним закрытая машина. Первым делом зазвенело оконное стекло, и пуля врезалась в пирамиду бутылок в правом углу витрины. Я услышал выстрелы, и — боп-боп-боп, вся пирамида разлетелась вдребезги.

Я прыгнул за стойку и видел все, выглядывая слева из-за края. Машина остановилась, и возле нее присели на корточках два человека. У одного был автомат Томпсона, а у другого магазинный дробовик с отпиленным стволом. Тот, что с автоматом, был негр. Другой был в белом шоферском пыльнике.

Один из кубинцев лежал на тротуаре ничком, как раз под разбитой витриной. Два других спрятались за фургон компании «Тропическое пиво», только что подъехавший со льдом к соседнему бару. Одна лошадь упала и билась в упряжи, другая неистово мотала головой.

Один из кубинцев выстрелил из-за фургона, и пуля отскочила, ударившись о тротуар. Негр с «томпсоном» пригнулся почти к самой земле и выпустил заряд под фургон, — и верно: за фургоном один упал, головой на тротуар. Он судорожно дергался, закрыв голову руками, и шофер выстрелил в него из дробовика, пока негр вставлял новую обойму. Заряд был основательный. По

всему тротуару виднелись следы дроби, точно серебряные брызги.

Второй кубинец за ноги оттащил раненого под прикрытие фургона, и я увидел, как негр снова пригнулся к мостовой, чтобы выпустить еще заряд. Но тут вдруг мой друг Панчо стал огибать фургон с другой стороны, прячась за той лошадью, которая устояла на ногах. Он вышел из-за лошади, белый, как грязная простыня, и выстрелил в шофера из своего люгера, держа его обеими руками для большей устойчивости. Он, не останавливаясь, дважды выстрелил поверх головы негра и один раз ниже.

Он попал в шину, потому что я видел, как взвилась струя пыли, когда воздух стал выходить из камеры, и негр, подпустив его на десять шагов, выстрелил ему в живот из своего «томми», истратив, должно быть, последний заряд, потому что я видел, как он отбросил автомат, а друг Панчо с размаху сел на мостовую и потом повалился ничком. Он пытался встать, все еще не выпуская из рук свой люгер, но не мог поднять головы, и тогда негр взял дробовик, который лежал у колеса машины, рядом с шофером, и снес ему половину черепа. Ай да негр.

Я живо глотнул из первой откупоренной бутыл-

ки, попавшейся мне на глаза, даже не разобрал, что в ней было. Вся эта история очень мне не понравилась. Я юркнул прямо из-за стойки в кухню и черным ходом выбрался на улицу. Я миновал площадь в обход, ни разу даже не оглянувшись на толпу, которая сбежалась к кафе, прошел через ворота и вышел на пристань прямо к лодке.

Тип, который зафрахтовал ее, был уже там и ждал. Я рассказал ему, что произошло.

— А где Эдди? — спросил Джонсон, этот самый тип, который нас зафрахтовал.

— Как началась стрельба, я его больше не видел.

— Может быть, он ранен?

— Какого черта! Я же вам говорил, выстрелы попали только в витрину. Это когда автомобиль их нагонял. Когда застрелили первого прямо под окном кафе. Они ехали вот под таким углом…

— Откуда вы это все так хорошо знаете? — спросил он.

— Я смотрел, — ответил я ему.

Тут, подняв голову, я увидел, что по пристани идет Эдди, еще более длинный и расхлябанный, чем всегда. Он ступал так, словно у него все суставы были развинчены.

— Вот он.

У Эдди вид был неважный. Он и всегда-то не слишком хорош по утрам, но сейчас у него вид был совсем неважный.

— Ты где был? — спросил я его.

— Лежал на полу.

— Вы видели? — спросил его Джонсон.

— Не говорите об этом, мистер Джонсон, — сказал ему Эдди. — Мне тошно даже вспоминать об этом.

— Выпить вам надо, — ответил Джонсон. Потом он сказал мне: — Ну как, выйдем сегодня?

— Зависит от вас.

— Какая будет погода?

— Такая же, как вчера. Может быть, даже лучше.

— Так давайте выйдем.

— Ладно, как только принесут наживку. Мы уже три недели возили этого молодчика на рыбную ловлю, и я пока не видел от него ни цента, кроме сотни долларов, которые он мне дал еще до переезда на Кубу, чтобы уплатить консулу, получить разрешение на выход из порта, запасти бензину и кой-какой еды. Мы уговорились по тридцать пять долларов в день, рыболовная снасть моя. Он ночевал в отеле и каждое утро приходил на пристань. Устроил мне это дело Эдди, так что

пришлось и его взять с собой. Я платил ему четыре доллара в день.

— Мне надо запасти бензину, — сказал я Джонсону.

— Ну что ж.

— На это нужны деньги.

— Сколько?

— Галлон стоит двадцать восемь центов. Надо галлонов сорок, не меньше. Это будет одиннадцать двадцать.

Он вынул пятнадцать долларов.

— Может, остальные засчитаем за пиво и лед? — спросил я.

— Превосходно, — сказал он. — Пусть это идет в счет моего долга.

Я подумал, что три недели — срок не маленький, но если ему вообще можно верить, то не все ли равно, в конце концов. Конечно, лучше бы рассчитываться каждую неделю. Но мне случалось и месяц возить в долг и потом все получать сполна. Это была моя ошибка, но сначала я всегда соглашался ждать, на радостях, что случился клиент. Только последние дни я начал беспокоиться, но не стал ничего говорить, боясь, как бы он не рассердился. Если ему вообще можно верить, так чем дольше он будет ездить, тем лучше.

— Бутылку пива? — спросил он, вскрывая ящик.

— Нет, спасибо.

Тут как раз показался на пристани негр, который наживлял нам удочки, и я сказал Эдди, чтоб он приготовился отчаливать.

Негр с наживкой вошел в лодку, и мы отчалили и пошли к выходу из гавани, а негр стал насаживать макрелей на крючки: он вставлял им крючок в рот, пропускал его под жабрами, вспарывая бок, и, проткнув туловище насквозь, выводил крючок наружу, потом завязывал рот, прижав его к проволочному поводку, и накрепко привязывал крючок, так чтоб он не выскальзывал, и наживка двигалась плавно, не вертясь.

Это был самый настоящий черный негр, подтянутый и мрачный, с голубым амулетом на шее под рубашкой и в старой соломенной шляпе. На лодке он больше всего любил спать и читать газеты. Но он был проворный и хорошо умел наживлять удочки.

— Разве вы сами не умеете наживлять, капитан? — спросил меня Джонсон.

— Умею, сэр.

— Зачем же вы берете негра?

— Когда пойдет крупная рыба, тогда увидите, —

ответил я ему.

— А что?

— Негр делает это проворнее, чем я.

— А Эдди не может это делать?

— Нет, сэр.

— По-моему, это лишний расход. — Он платил негру доллар в день, и негр каждый вечер ходил танцевать румбу. Я видел, что его уже клонит ко сну.

— Без негра не обойтись, — сказал я.

Тем временем мы уже миновали смаки, стоявшие на якоре против Кабаньяс, и рыбачьи ялики, бросившие якорь, чтобы ловить рыбу с каменистого дна у форта Морро, и я повел лодку туда, где чернел Мексиканский залив. Эдди достал два больших поплавка, а негр наживил три удочки.

Гольфстрим подходил к самому мелководью, и когда мы приблизились, вода казалась почти фиолетовой в частых водоворотах. Дул легкий восточный ветер, и мы вспугнули много летучих рыб, знаете, таких больших, с черными крыльями: они когда взлетают — точь-в-точь самолет на картинке, изображающей трансатлантический перелет Линдберга.

Эти большие летучие рыбы — самый верный признак. Всюду, насколько хватало глаз, видне-

лись кучки тех желтоватых водорослей, которые показывают, что главное течение проходит на большой глубине; а впереди над стаей мелких тунцов кружились птицы. Видно было, как тунцы выпрыгивают из воды: маленькие, не больше двух-трех фунтов весу.

— Теперь можете закидывать, — сказал я Джонсону.

Он надел на себя пояс и закинул самую большую удочку с катушкой Гарди на шестьсот ярдов лесы в тридцать шесть нитей. Я оглянулся и увидел, что наживка спокойно плывет сзади, чуть покачиваясь на волнах, а оба поплавка подпрыгивают и ныряют. Мы шли с нужной скоростью, и я направил лодку к главной струе Гольфстрима.

— Укрепите удилище в гнезде у борта, — сказал я. — Тогда не так тяжело будет держать. Освободите тормоз, чтобы можно было отпустить лесу, когда клюнет. Если рыба клюнет при завинченном тормозе, она вас стащит за борт.

Каждый день мне приходилось повторять ему это, но я не сердился. Из пятидесяти любителей, которых приходится возить, умеет ловить рыбу ну разве что один. Да и этот один чаще всего валяет дурака и непременно выбирает такую лесу, которая слишком слаба для настоящей рыбы.

— Ну как денек? — спросил Джонсон.

— Лучше не придумаешь, — ответил я ему. И верно, день выдался хороший.

Я передал штурвал негру и велел ему держать вдоль края Гольфстрима, на восток, а сам пошел к Джонсону, который сидел и смотрел, как его наживка покачивается на волнах.

— Может, мне закинуть вторую удочку? — спросил я его.

— Да нет, не стоит, — сказал он. — Я сам хочу и подсекать, и тянуть, и втаскивать свой улов.

— Хорошо, — сказал я. — Может, Эдди только закинет удочку, а как клюнет, он передаст ее вам, чтобы вы могли сами тянуть?

— Нет, — сказал он. — Пусть будет только одна удочка.

— Ладно.

Негр все еще разворачивался, и я посмотрел и увидел стаю летучих рыб, которая поднялась в воздух немного впереди лодки. Негр, видно, тоже ее заметил. Оглядываясь назад, я видел Гавану, красиво освещенную солнцем, и пароход, который выходил из порта со стороны Морро.

— Я думаю, сегодня вам что-нибудь удастся заполучить, мистер Джонсон, — сказал я ему.

— Пора бы, — сказал он. — Сколько времени

мы уже плаваем?

— Сегодня три недели.

— Немалый срок для рыбной ловли.

— Такая уж это рыба, — ответил я ему. — Пока не пойдет, так ни одной нет. Но зато как пойдет, так ее прямо прорва. А пойти она должна. Если сегодня не пойдет, значит, никогда не пойдет. Луна теперь в самый раз. Течение хорошее, и поднимается хороший ветер.

— Мы видели несколько мелких в первый наш выход.

— Да, — сказал я. — Я так вам и говорил. Мелкая рыба разбредается и исчезает, а потом идет крупная.

— У вас, у лодочников, всегда одна и та же песня. Или слишком рано, или слишком поздно, или ветер неподходящий, или луна не годится. А деньги все равно берете.

— Как сказать, — ответил я ему. — Беда в том, что обычно так оно и бывает: или слишком рано, или слишком поздно, и ветер тоже чаще всего неподходящий. А когда выдается такой день, что все как нужно, так сидишь на берегу без клиентов.

— Но сегодня, по-вашему, хороший день?

— Как сказать, — ответил я ему. — Я сегодня

уже много чего насмотрелся. Но я уверен, что вы наловите прорву рыбы.

— Будем надеяться, — сказал он.

Мы приготовились к лову. Эдди пошел на бак и улегся там.

Я стоял и следил, не мелькнет ли в воде хвост. Негр то и дело клевал носом, так что приходилось следить и за ним тоже. Бьюсь об заклад, он не терял времени ночью.

— Вам не трудно передать мне бутылку пива, капитан? — спросил Джонсон.

— Нет, сэр, — сказал я и запустил руку в лед, чтобы достать ему похолоднее.

— А вы не хотите? — спросил он.

— Нет, сэр, — сказал я. — Я подожду вечера. Я откупорил бутылку и уже протянул ему, как вдруг вижу, здоровенная бурая рыбина, с мечом чуть не в метр длиной, высунула голову из воды и бросилась на нашу макрель. Она казалась толщиной с бревно.

— Отпустите лесу! — заорал я.

— Она не клюнула, — сказал Джонсон.

— Тогда завинтите тормоз.

Она всплыла из самой глубины и промахнулась. Я знал, что она нырнет и возвратится.

— Теперь смотрите — как только она схватит

наживку, сейчас же освобождайте лесу.

Тут я увидел, что она подплывает сзади, под водой. Видны были ее плавники, растопыренные, как красные крылья, и красные полосы по бурому туловищу. Она плыла, точно подводная лодка, и ее спинной плавник высунулся на поверхность, и видно было, как он рассекает воду. Потом она подплыла к самой наживке и тогда высунула меч и словно помахала им над поверхностью воды.

— Дайте ей схватить, — сказал я. Джонсон снял руку с катушки, и катушка завизжала, и огромная рыбина повернулась и ушла под воду, и было видно, как ее туловище блеснуло серебром, когда она изменила направление и быстро поплыла к берегу.

— Подвинтите чуть-чуть тормоз, — сказал я. — Но не слишком.

Он стал завинчивать тормоз.

— Только не слишком, — сказал я. Я увидел, как леса отклонилась в сторону. — Завинтите тормоз и тяните, — сказал я. — Нужно тянуть. Она непременно выпрыгнет.

Джонсон завинтил тормоз и снова взялся за удилище.

— Дергайте, — сказал я ему. — Загоняйте крючок глубже. Дерните раз пять.

Он дернул довольно сильно еще раза два, и потом удочка согнулась вдвое, и катушка заскрипела, и вот она выпрыгнула, — гоп! — длинная и прямая, сверкнув серебром на солнце, и снова нырнула с таким всплеском, словно лошадь сорвалась со скалы.

— Отпустите тормоз, — сказал я ему.

— Она ушла, — сказал Джонсон.

— Какого черта, — ответил я ему. — Живо отпустите тормоз.

Я увидел, как прогибается леса, и когда рыба выпрыгнула опять, она была уже за кормой и плыла в открытое море. Потом она показалась еще раз и взбила вокруг себя пену, и я увидел, что крючок зацепил ее за угол рта. Полосы на ней были ясно видны. Это была великолепная меч-рыба, вся серебряная, в красных полосах, и толщиной с бревно.

— Ушла, — сказал Джонсон. Леса свободно повисла.

— Сматывайте, сматывайте, — сказал я. — Крючок вошел крепко. Давай полный ход! — заорал я на негра.

Потом она выпрыгнула еще раз и другой, прямая, как столб, всем туловищем кидаясь прямо на нас и при падении высоко разбрызгивая воду.

Леса туго натянулась, и я увидел, что она плывет опять к берегу, и видно было, как она поворачивает.

— Вот теперь начнется гонка, — сказал я. — Если она станет рваться, я наддам ходу. Держите тормоз совсем свободно. Лесы на катушке еще много.

Наша рыбина поплыла на северо-запад, как полагается всякой крупной рыбе, и, ух ты, до чего же она рвалась! Она стала прыгать большими скачками и всякий раз ныряла, рассекая воду с таким всплеском, точно быстроходная лодка при большой волне. Мы шли за ней. Я стоял у штурвала и не переставал орать на Джонсона, чтобы он свободно держал тормоз и сматывал побыстрее. Вдруг я увидел, что его удочка подскочила и леса повисла. Кто не понимает, не заметил бы этого, потому что леса своей тяжестью все-таки тянула удочку. Но я-то понимаю.

— Ушла, — сказал я ему. Рыба все еще прыгала и продолжала прыгать, пока не скрылась из виду. Это была в самом деле великолепная рыба.

— Но я чувствую, как она тянет, — сказал Джонсон.

— Это тяжесть лесы.

— Сильно тянет. Может быть, она издохла?

— Посмотрите, — сказал я. — Вон она прыгает. — В полумиле от нас было видно, как она фонтаном разбрасывала вокруг себя воду.

Я тронул тормоз его катушки. Он был завинчен до отказа. Леса не сматывалась. Она должна была лопнуть.

— Разве я вам не говорил, чтобы вы держали тормоз свободно?

— Но она все тянула.

— Ну и что же?

— Ну и я завинтил тормоз.

— Слушайте, — сказал я. — Если не отпускать лесу, когда рыба так рвется, леса непременно лопнет. Нет такой лесы, которая могла бы выдержать. Раз рыба требует, нужно отпускать. Тормоз нужно держать совсем свободно. Иначе такую рыбу не удержать даже гарпунной веревкой. А наше дело не отставать от нее, пока не кончится гонка, чтобы она не смотала всю лесу. А когда кончится гонка и она уйдет на дно, тогда можно завинтить тормоз и выбирать лесу.

— Значит, если б леса не лопнула, я бы поймал ее?

— Могли бы поймать.

— Она же не может прыгать так без конца.

— Она еще не то может. Только когда кончится

гонка, начинается самая борьба.

— Ну давайте поймаем другую, — сказал он.

— Раньше надо выбрать лесу, — ответил я ему. Мы успели зацепить и упустить рыбу, а Эдди все спал. Теперь только Эдди пришел на корму.

— Что случилось? — спросил он.

Эдди был когда-то хорошим матросом, пока не спился, но теперь он никуда не годится. Он стоял передо мной, длинный, вислогубый, со впалыми щеками, с беловатыми сгустками в углах глаз, с выгоревшими на солнце волосами. Я знал, что ему до смерти хочется опохмелиться.

— Возьми выпей пива, — сказал я ему. Он вытащил из ящика бутылку и выпил.

— Что ж, мистер Джонсон, — сказал он. — Я, пожалуй, еще вздремну. Очень вам благодарен за пиво, сэр. — Ай да Эдди. Рыба его нимало не интересовала.

А около полудня мы подцепили еще одну, но она ушла. Видно было, как крючок взлетел футов на тридцать, когда она выбросила его.

— Опять я что-нибудь не так сделал? — спросил Джонсон.

— Нет, — сказал я. — Просто она выбросила крючок.

— Мистер Джонсон, — сказал Эдди, который

тем временем проснулся, чтобы выпить еще бутылку пива, — мистер Джонсон, вам просто не везет. Может, вам везет в любви. Погуляем с вами вечерком, мистер Джонсон? — Затем он снова пошел на бак и улегся.

Часов около четырех, на обратном пути, когда мы шли совсем близко к берегу и против течения, — оно бурлило, как в мельничном лотке, а солнце светило нам в спину, — у Джонсона клюнула такая большая черная меч-рыба, какой я никогда не видал. Мы поймали четырех маленьких тунцов, и негр насадил одного из них на крючок Джонсона. Это была неплохая наживка, только очень громко плескалась за кормой.

Джонсон снял с себя пояс и положил удилище на колени — у него устали руки, оттого что он все время держал его на весу. Устав следить за лесой, которую оттягивала крупная наживка, он завинтил тормоз, когда я отвернулся. Я понятия не имел, что он его завинтил. Мне не нравилось, как он держит удилище, но неохота было все время ворчать на него. К тому же, когда тормоз открыт, леса сматывается, так что это не опасно. Но по-настоящему так рыбу не ловят.

Я стоял у штурвала и вел лодку вдоль главной струи к тому месту напротив старого цементного

завода, где она опускается на большую глубину и образует невдалеке от берега что-то вроде воронки, и там всегда полно мелкой рыбы для наживки. Вдруг я увидел впереди фонтан брызг, как от бомбы, и меч, и глаз, и раскрытую пасть, и огромную красно-черную голову черной меч-рыбы. Ее спинной плавник весь торчал над водой, высотой чуть не с оснащенное судно, и хвост тоже весь высунулся из воды, когда она бросилась на нашего тунца. Меч у нее был толщиной с бейсбольную биту и скошен кверху, и, когда она схватила наживку, поверхность океана широко раздалась перед ней. Она была вся черная с красным, и каждый глаз у нее был с суповую чашку. Огромная была рыбина. Бьюсь об заклад, она потянула бы тысячу фунтов.

Я заорал на Джонсона, чтоб он отпустил лесу: но прежде, чем я успел вымолвить слово, я увидел, как Джонсон взлетел на воздух, точно вздернутый подъемным краном, и еще секунду он держался за свое удилище, но удилище согнулось, как лук, а потом, распрямившись, ударило его толстым концом в живот, и вся снасть полетела за борт.

Тормоз был завинчен до отказа, и когда рыба дернула, Джонсона сорвало с сиденья, и он не мог удержать удочку. Удилище лежало у него на

правом колене и толстым концом было подсунуто под левое. Если б он не снял пояса, его бы стащило в воду.

Я выключил мотор и пошел на корму. Он сидел и держался за живот, куда угодил конец удилища.

— Пожалуй, на сегодня хватит, — сказал я.

— Что это было? — спросил он меня.

— Черная меч-рыба, — сказал я.

— Как это случилось?

— Вы лучше подсчитайте, — сказал я. — Катушка стоила мне двести пятьдесят долларов. Теперь такая стоит еще дороже. Удочка стоила сорок пять. Там было без малого шестьсот ярдов лесы в тридцать шесть нитей.

Тут Эдди хлопнул его по спине.

— Мистер Джонсон, — сказал он, — вам просто не везет. Первый раз в жизни вижу такое.

— Заткнись ты, пьянчуга, — сказал я ему.

— Нет, правда, мистер Джонсон, — сказал Эдди. — В жизни не видел ничего подобного.

— Что бы со мной было, если б меня потащила такая рыбина, — сказал Джонсон.

— Вы же хотели все сделать сами, — ответил я. Я был зол как черт.

— Очень они большие, — сказал Джонсон. —

Это уже не удовольствие, а мученье.

— Да, — сказал я. — Такая рыба могла бы убить вас.

— Но ведь ловят же их.

— Ловит тот, кто умеет. Но вы не думайте, всякому приходится мучиться.

— Я видел фотографию девушки, которая поймала такую.

— Как же, — сказал я. — Только не живьем. Рыба проглотила наживку, и у нее вырвался желудок, тогда она всплыла на поверхность и издохла. А я говорю про ловлю волоком, когда крючок только зацепляет за губу.

— Ну, — сказал Джонсон, — уж очень они большие. Раз это не весело, зачем это делать?

— Вот именно, мистер Джонсон, — сказал Эдди. — Раз это не весело, зачем это делать? Слушайте, мистер Джонсон, вы попали не в бровь, а прямо в глаз. Раз это не весело — зачем это делать?

Мне все еще мерещилась эта рыба и было здорово досадно из-за снасти, и я их не слушал. Я велел негру повернуть на Морро. Я ничего не говорил им, и они мирно сидели, Эдди на одном стуле, с бутылкой пива в руках, а Джонсон на другом.

— Капитан, — сказал он немного спустя, — не

приготовите ли вы мне хайболл[1]?

Я приготовил, не говоря ни слова, а потом налил себе чистого. Я думал о том, как вот этот самый Джонсон третью неделю ездит на рыбную ловлю, подцепил наконец рыбу, за которую настоящий рыбак отдал бы год жизни, упустил ее, упустил мою снасть, разыграл дурака, а теперь сидит как ни в чем не бывало и распивает коктейли с пьянчугой-матросом.

Когда мы причалили и негр остановился в ожидании, я спросил:

— Ну, как завтра?

— Едва ли, — сказал Джонсон. — С меня, пожалуй, такой ловли хватит.

— Хотите сейчас расплатиться с негром?

— Сколько я ему должен?

— Доллар. Можете прибавить на чай, если хотите. И Джонсон дал негру доллар и две кубинских монетки по двадцать центов.

— Это за что? — спросил меня негр, показывая монеты.

— На чай, — сказал я ему. — Ты больше не нужен. Это он тебе подарил.

— Завтра не приходить?

---

[1] Примечания: 1
Название коктейля.

— Нет.

Негр берет клубок бечевки, которой он привязывал наживку, берет свои темные очки, надевает свою соломенную шляпу и уходит, не прощаясь. Этот негр всегда был невысокого мнения обо всех нас.

— Когда вы думаете рассчитаться, мистер Джонсон? — спросил я его.

— Завтра утром я пойду в банк, — сказал Джонсон. — Мы можем рассчитаться после обеда.

— Вы знаете, сколько всего дней?

— Пятнадцать.

— Нет. С сегодняшним шестнадцать, и по одному дню на переезд, туда и обратно, значит, восемнадцать. Потом еще сегодня удочка, и катушка, и леса.

— Снасть — это уже ваш риск.

— Нет, сэр. Ведь вы ее упустили.

— Я каждый день плачу за прокат. Это ваш риск.

— Нет, сэр, — сказал я. — Если б это рыба сломала удочку и не по вашей вине, тогда другое дело. Но вы сами по своей неловкости упустили всю снасть.

— Рыба вырвала у меня удочку.

— Потому что вы не держали ее в гнезде и за-

винтили тормоз.

— Вы не имеете права взыскивать за это деньги.

— Если вы наняли автомобиль и разбили его о скалу, по-вашему, вы не должны платить за него?

— Если я сам в нем ехал — нет, — сказал Джонсон.

— Вот это ловко, мистер Джонсон, — сказал Эдди. — Понимаешь, капитан, а? Если б он в нем ехал, он бы убился насмерть. Вот ему и не пришлось бы платить. Ловко придумано.

Я не обратил на пьянчугу никакого внимания.

— Вы мне должны двести девяносто пять долларов за удочку, катушку и лесу, — сказал я Джонсону.

— Нет, это неправильно, — сказал он. — Но если уж вы так считаете, давайте поделим убыток пополам.

— Мне не купить новой снасти меньше чем за триста шестьдесят. Лесу я вам в счет не ставлю. Такая рыба, как эта, могла смотать всю лесу, и вашей вины бы тут не было. Случись здесь кто-нибудь, кроме этого пьянчуги, вам бы подтвердили, что я с вас лишнего не спрашиваю. Конечно, может показаться, будто это деньги немалые, но

ведь когда я покупал снасть, это тоже были немалые деньги. На такую рыбу нечего и выходить, если не с самой лучшей снастью, какая только есть в продаже.

— Мистер Джонсон, он говорит, что я пьянчуга. Может, оно и так. Но я должен сказать — он прав. Он прав и рассуждает справедливо, — сказал ему Эдди.

— Не будем спорить, — сказал наконец Джонсон. — Я заплачу, хоть я и не согласен с вами. Значит, восемнадцать дней по тридцать пять долларов и еще двести девяносто пять.

— Сотню вы мне дали, — сказал я ему. — Я дам вам список всех своих покупок и вычту, что там еще осталось из еды. Из того, что вы покупали на дорогу туда и обратно.

— Это справедливо, — сказал Джонсон.

— Слушайте, мистер Джонсон, — сказал Эдди. — Если б вы знали, как тут всегда дерут с иностранцев, вы бы сами сказали, что это больше чем справедливо. Знаете, что я вам скажу? Это просто удивительно. Капитан поступает с вами так, как будто вы его родная мамаша.

— Завтра я схожу в банк и после обеда приду сюда. А с послезавтрашним пароходом я уеду.

— Вы можете вернуться с нами на лодке и сэко-

номить плату за проезд.

— Нет, — сказал он. — Пароходом я сэкономлю время.

— Ладно, — сказал я. — Может, выпьем?

— Отлично, — сказал Джонсон. — Значит, никто не в обиде?

— Никто, сэр, — ответил я. И вот мы уселись втроем на корме и вместе выпили по хайболлу.

На следующий день я все утро провозился с лодкой, менял масло, приводил в порядок то, другое. В полдень я отправился в город и закусил в китайском ресторанчике, где за сорок центов можно прилично позавтракать, а потом купил кое-какие подарки жене и нашим трем девочкам. Духи там, веера, три высоких испанских гребня. Покончив с этим, я завернул к Доновану, и выпил пива, и поболтал с хозяином, и потом пошел обратно на пристань Сан-Франциско, и по дороге еще два-три раза завернул выпить пива. В баре «Кунард» я угостил пивом Фрэнки и вернулся на лодку в самом лучшем расположении духа. Когда я вернулся на лодку, у меня оставалось ровно сорок центов. Фрэнки тоже пришел со мной, и пока мы сидели и дожидались Джонсона, мы с Фрэнки распили еще по бутылке холодного из ящика со льдом.

Эдди не показывался всю ночь и весь день, но я знал, что рано или поздно он явится, — как только ему перестанут давать в долг. Донован сказал мне, что накануне вечером они с Джонсоном заходили к нему ненадолго, и Эдди угощал в долг. Мы ждали, и я начал удивляться, почему это Джонсон не показывается. Я просил на пристани передать ему, если он придет раньше меня, чтобы он шел к лодке и там дожидался, но оказалось, что он не приходил. Я решил, что он вчера загулял и, должно быть, встал сегодня не раньше двенадцати. Банки открыты до половины четвертого. Мы видели, как ушел рейсовый самолет, и к половине шестого все мое хорошее настроение испарилось, и мне стало здорово не по себе.

В шесть часов я послал Фрэнки в отель узнать, там ли Джонсон. Я все еще думал, может, он загулял или, может, так раскис после вчерашнего, что не в силах встать и выйти из отеля. Я все ждал и ждал, пока уже совсем не стемнело. Но мне было здорово не по себе, потому что он мне остался должен восемьсот двадцать пять долларов.

Фрэнки не было около получаса. Наконец я его увидел, он шел очень быстро и тряс головой.

— Улетел на самолете, — сказал он.

Так. Нечего сказать. Консульство было уже

закрыто. У меня оставалось сорок центов, и все равно самолет теперь уже был в Майами. Я не мог даже дать телеграмму. Ай да мистер Джонсон, нечего сказать. Что ж, я сам виноват. Нужно быть умнее.

— Ладно, — сказал я Фрэнки. — Во всяком случае, можно выпить бутылку холодного. Это мистер Джонсон покупал. — В ящике оставалось еще три бутылки «Тропического».

Фрэнки был огорчен не меньше меня. Уж не знаю почему, но так казалось. Он все хлопал меня по спине и тряс головой.

Значит, так. Я нищий. Я потерял пятьсот тридцать долларов фрахта, а снасти мне такой не купить и за триста пятьдесят. Вот порадуются бездельники, которые вечно слоняются вокруг пристани, подумал я. Кое-кто из кончей[2] будет просто в восторге. А еще позавчера я не захотел взять три тысячи долларов только за то, чтобы переправить трех иностранцев на острова. Куда угодно, лишь бы подальше от Кубы.

Так, но что же все-таки теперь делать? Взять груз я не могу, потому что спиртного тоже без

---

[2] Примечания: 2

Кончами (от слова concha — ракушка) называют на Багамских и Флоридских островах беднейшую часть белого населения, занимающуюся главным образом сбором ракушек.

денег не купишь, и потом, сейчас на этом не заработаешь. Город наводнен спиртным, и покупать его некому. Что ж, значит, возвращаться домой нищим и голодать целое лето? Ведь у меня семья. Разрешение на выход из порта я оплатил, когда мы приехали. Обычно заранее вносишь деньги агенту, и он тебя регистрирует и выдает разрешение. Черт подери, у меня не хватит денег даже на бензин. Положение, нечего сказать. Ай да мистер Джонсон.

— Я что-нибудь должен повезти отсюда, Фрэнки, — сказал я. — Я должен заработать.

— Подумаем, — сказал Фрэнки. Он вечно слоняется на берегу и промышляет чем придется, и он почти глухой и напивается каждый вечер. Но лучше и добрей его трудно найти человека. Я его знаю с тех пор, как стал ездить в эти края. Он не раз помогал мне грузить товар. Потом, когда я бросил заниматься спиртным и стал сдавать лодку любителям и затеял эту ловлю меч-рыбы в заливе, я часто встречал его около пристани или в кафе. Он кажется дурачком и мало разговаривает, все больше улыбается, но это потому, что он глухой.

— Повезешь все равно что?

— Понятно, — сказал я. — Мне теперь разбирать

не приходится.

— Все равно что?

— Понятно.

— Подумаем, — сказал Фрэнки. — Где будешь?

— Я буду в «Жемчужине», — сказал я. — Надо поесть.

В «Жемчужине» за двадцать пять центов можно прилично пообедать. Любое блюдо, кроме супа, стоит десять центов, а суп стоит пять. Фрэнки проводил меня до кафе, и я вошел, а он пошел дальше. Прежде чем уйти, он потряс мою руку и еще раз хлопнул меня по плечу.

— Не унывай, — сказал он. — Вот я — Фрэнки: много политика. Много делá. Много выпивка. Мало деньги. Зато большой друг. Не унывай.

— Будь здоров, Фрэнки, — сказал я. — Ты тоже не унывай, приятель.

Глава вторая

Я вошел в «Жемчужину» и сел за столик. На место стекла, разбитого выстрелом, уже вставили новое, и витрину привели в порядок. Несколько gallegos[3] пили у стойки, другие закусывали. За одним столом шла игра в домино. Я взял бобовый суп и тушеную говядину с картофелем за пятнадцать центов. Вместе с бутылкой пива это составило четверть доллара. Я заговорил было с официантом про стрельбу, но он ничего не хотел отвечать. Они все здорово были напуганы.

Я кончил свой обед, и сидел откинувшись, и курил сигарету, и ломал голову над тем, как быть. Тут я увидел, что в дверь входит Фрэнки и за ним кто-то еще. Желтый товар, подумал я про себя. Так, значит, желтый товар.

— Это мистер Синг, — сказал Фрэнки и улыбнулся. Он быстро сумел найти мне клиента и гордился этим.

— Очень приятно, — сказал мистер Синг. В жизни не видал такого вылощенного джентльмена,

---

[3] Примечания: 3

Уроженец испанской провинции Галисия; применяется как насмешливое прозвище.

как этот мистер Синг. Он, правда, был китаец, но говорил точно англичанин, и на нем был белый костюм, шелковая рубашка с черным галстуком и панама из того сорта, что по сто двадцать пять долларов за штуку.

— Не выпьете ли чашку кофе? — спросил он меня.

— За компанию можно.

— Благодарю вас, — сказал мистер Синг. — Мы здесь совсем одни?

— Если не считать всю публику в кафе, — ответил я ему.

— Очень хорошо, — сказал мистер Синг. — У вас есть лодка?

— Тридцать восемь футов, — сказал я. — Кермановский мотор сто лошадиных сил.

— Вот как? — сказал мистер Синг. — Я себе представлял судно несколько больше.

— Она свободно берет двести шестьдесят пять ящиков груза.

— Я бы мог зафрахтовать ее?

— На каких условиях?

— Вам ехать не нужно. У меня есть и капитан и команда.

— Нет, — сказал я. — Куда лодка, туда и я с ней.

— Ясно, — сказал мистер Синг. — Может быть,

вы нас оставите вдвоем? — сказал он Фрэнки. Фрэнки изобразил на своем лице внимание и улыбнулся ему.

— Он глухой, — сказал я. — Он плохо понимает по-английски.

— Ясно, — сказал мистер Синг. — Вы говорите по-испански. Скажите ему, чтоб он присоединился к нам попозже.

Я сделал Фрэнки знак большим пальцем. Он встал и отошел к стойке.

— А вы не говорите по-испански? — спросил я.

— Ну что вы, — сказал мистер Синг. — Скажите, каковы обстоятельства, которые привели… которые побудили вас заинтересоваться?

— Мне нужны деньги.

— Ясно, — сказал мистер Синг. — За лодкой числятся какие-нибудь долги? На нее могут наложить арест?

— Нет.

— Превосходно, — сказал мистер Синг. — Сколько моих несчастных соотечественников можно разместить на вашей лодке?

— Вы хотите сказать — переправить?

— Совершенно верно.

— Как далеко?

— День пути.

— Не знаю, — сказал я. — Человек двенадцать, если без багажа.

— Без всякого багажа.

— Куда их требуется доставить?

— Это на ваше усмотрение, — сказал мистер Синг.

— Что именно, — где их высадить?

— Вы возьмете их с тем, чтобы везти на Тортугас, куда за ними должна прийти шхуна.

— Слушайте, — сказал я, — на Тортугас, на Логгерхед-Ки есть маяк и при нем радиостанция.

— Правильно, — сказал мистер Синг, — было бы, разумеется, глупо высаживать их там.

— Так как же?

— Я сказал: вы возьмете их с тем, чтобы везти туда. Так с ними условлено.

— Да, — сказал я.

— Высадите вы их там, где вы найдете нужным.

— Но шхуна придет за ними на Тортугас?

— Конечно, нет, — сказал мистер Синг. — Что за глупости.

— Сколько вы даете с головы?

— Пятьдесят долларов.

— Не пойдет.

— Ну, а если семьдесят пять?

— Сколько вы сами получаете с головы?

— О, это совершенно не относится к делу. Видите ли, мою роль в этом деле можно рассматривать с разных сторон, или, как говорится, под разными углами. Она этим не ограничивается.

— Да, — сказал я. — А то, что я должен сделать, по-вашему, не стоит денег? Так, что ли?

— Я вполне вас понимаю, — сказал мистер Синг. — Что ж, скажем по сто долларов.

— Слушайте, — сказал я. — Вы знаете, сколько лет тюрьмы я получу, если меня поймают?

— Десять, — сказал мистер Синг. — Не меньше десяти. Но почему непременно тюрьма, дорогой капитан? Для вас здесь есть только один рискованный момент — погрузка пассажиров. Все остальное зависит от вашей осмотрительности.

— А если они вернутся и потребуют вас к ответу?

— Нет ничего проще. Я обвиню вас в том, что вы меня обманули. Затем я частично возмещу им расходы и отправлю их снова. Им, конечно, известно, что это путешествие связано с трудностями.

— А со мной как?

— Думаю, что мне придется кое-что сообщить в консульство.

— Ясно.

— Тысяча двести долларов, капитан, в наше время не такая сумма, чтоб ею пренебрегать.

— Когда я получу деньги?

— Двести, как только вы дадите согласие, и тысячу при погрузке.

— А что, если я возьму эти двести и сбегу?

— Я, конечно, ничего не смогу поделать, — улыбнулся он. — Но я знаю, капитан, что вы так не поступите.

— Эти двести у вас при себе?

— Конечно.

— Положите их под тарелку.

Он положил.

— Ладно, — сказал я. — Утром я выправлю разрешение и, как только стемнеет, выйду в море. Теперь, где мы погрузимся?

— Что вы скажете о Бакуранао?

— Можно. У вас все налажено?

— Конечно.

— Ну, значит так, — сказал я. — Вы зажигаете на мысу два огня, один над другим. Как только я их увижу, я иду к берегу. Вы подъезжаете на лодке и с лодки грузитесь. Но чтобы вы сами тоже были и чтобы привезли деньги. Пока я не получу денег, я ни одного человека не возьму на борт.

— Нет, — сказал он, — половину при начале погрузки и половину, когда закончите.

— Ладно, — сказал я. — Это справедливо.

— Значит, обо всем сговорились?

— Как будто так, — сказал я. — Никакого багажа и никакого оружия. Ни револьверов, ни ножей, ни бритв; ничего. В этом я должен быть уверен.

— Капитан, — сказал мистер Синг, — вы мне не доверяете? Разве вы не видите, что наши интересы совпадают?

— Обещаете проверить?

— Прошу вас, не ставьте меня в неловкое положение. Разве вы не понимаете, что у нас общие интересы?

— Ладно, — сказал я ему. — В котором часу вы там будете?

— В двенадцатом.

— Ладно, — сказал я. — Ну, как будто все.

— Какие купюры вам удобнее?

— Давайте сотнями.

Он встал, и я смотрел, как он шел к выходу. Фрэнки улыбнулся ему, когда он выходил. Мистер Синг не взглянул на него. Вылощенный был китаец, что и говорить. Ай да мистер Синг.

Фрэнки подошел к столику.

— Ну как? — спросил он.

— Откуда ты знаешь мистера Синга?

— Он переправляет китайцы, — сказал Фрэнки. — Большой дело.

— Давно ты его знаешь?

— Он тут два лет, — сказал Фрэнки. — Раньше другой переправлял китайцы. Кто-нибудь его убил.

— Кто-нибудь и мистера Синга тоже убьет.

— Понятно, — сказал Фрэнки. — Так надо. Очень большой дело.

— Да уж, дело, — сказал я.

— Большой дело, — сказал Фрэнки. — Переправлена китайцы никогда назад. Другой китайцы пишет письма, пишет все хорошо.

— Замечательно, — сказал я.

— Такой китайцы не умеет писать. Умеет писать китайцы богатый. Такой ничего не кушает. Живет на один рис. Сто тысяч китайцы здесь. Только три китайски женщин.

— Почему?

— Правительство не пускал.

— Весело, — сказал я.

— Ты с ним делал дело?

— Может быть.

— Хороший дело, — сказал Фрэнки. — Лучше политика. Много деньги. Очень большой дело.

— Бутылку пива хочешь? — сказал я ему.

— Ты больше не унывай?

— Нет, нет, — сказал я. — Очень большой дело. Спасибо тебе.

— Ладно, — сказал Фрэнки и потрепал меня по плечу. — Вот и хорошо. Я только хочу, чтобы ты был довольный. Китайцы — хороший дело, а?

— Замечательное.

— Вот и хорошо, — сказал Фрэнки. Я видел, что он готов заплакать от радости, что все так хорошо устроилось, и я потрепал его по плечу. Ай да Фрэнки.

Утром я первым долгом изловил агента и попросил его выправить мне разрешение. Он потребовал список команды, и я сказал ему, что команды нет.

— Вы хотите возвращаться один, капитан?

— Именно так.

— А что с вашим помощником?

— Он запил.

— Одному очень опасно.

— Всего ведь девяносто миль, — сказал я. — От такого пьянчуги пользы тоже немного.

Я перегнал лодку на другую сторону порта, на пристань «Стандард-ойл», и набрал бензину в оба бака. Туда входит около двухсот галлонов. Очень

мне не хотелось покупать столько по двадцать восемь центов галлон, но кто его знает, где придется очутиться.

С того часа, как я встретился с китайцем и взял у него деньги, вся эта история не давала мне покоя. Ночью я почти не спал. Когда я вернулся на пристань Сан-Франциско, там меня ждал Эдди.

— Здорово, Гарри, — крикнул он мне и помахал рукой. Я бросил ему кормовую чалку, и он закрепил ее, потом взошел на борт. Он был все тот же, длинный, мутноглазый, еще больше пьяный, чем обычно. Я не сказал ему ни слова.

— Выходит, этот тип, Джонсон, уехал и оставил нас ни с чем? — спросил он меня. — Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Убирайся вон, — сказал я ему. — Смотреть на тебя противно.

— Братишка, да разве я не огорчен так же, как и ты?

— Убирайся с лодки, — ответил я ему. Он только удобнее устроился на сиденье и вытянул ноги.

— Говорят, мы едем сегодня, — сказал он. — Что же, тут в самом деле больше нечего делать.

— Ты не едешь.

— В чем дело, Гарри? Не стоит тебе ссориться со мной.

— Вот как? Убирайся с лодки.

— Ну-ну, полегче.

Я ударил его по лицу, он встал и полез обратно, на пристань.

— Я бы с тобой так не поступил, Гарри, — сказал он.

— Еще бы ты посмел, — ответил я ему. — Я тебя с собой не беру. Вот и все.

— Хорошо, но зачем же было бить меня?

— Чтоб ты это уразумел.

— А что же мне теперь делать? Оставаться и голодать?

— Какого черта голодать, — сказал я. — Можешь наняться на рейсовый пароход. Отработаешь обратный путь.

— Ты со мной не по-честному поступаешь, — сказал он.

— Хотел бы я знать, с кем ты поступаешь по-честному, пьянчуга, — ответил я ему. — Ты родную мать готов обжулить.

Это, кстати сказать, было верно. Но мне стало неприятно, что я его ударил. Всегда неприятно, когда побьешь пьяного. Но на такое дело я все равно не мог взять его с собой; даже если бы и хотел.

Он побрел к воротам, длинный, как день без

завтрака. Потом он повернулся и пошел обратно.

— Нельзя ли перехватить у тебя доллар-другой, Гарри?

Я дал ему пятидолларовую бумажку из денег китайца.

— Я всегда знал, что ты мне друг, Гарри. Почему ты не хочешь взять меня?

— Ты приносишь несчастье.

— Ты просто взбесился, — сказал он. — Ну, ничего, приятель. Ты еще рад будешь со мной повстречаться.

Теперь, с деньгами в кармане, он пошел гораздо быстрее, но, право, мне противно было даже смотреть, как он ступает. Он ступал так, точно все суставы у него были вывернуты задом наперед.

Я пошел в «Жемчужину» и встретился там с агентом, и он передал мне бумаги, а я угостил его пивом. Потом я сел завтракать, и тут явился Фрэнки.

— Это мне дали для тебя, — сказал он и передал мне что-то скатанное в трубочку, завернутое в бумагу и перевязанное красным шнурком. Когда я снял бумагу, там оказалась какая-то фотография, и я развернул ее, думая, что, может, это кто-нибудь на пристани сфотографировал мою лодку.

Славно. Это был крупный поясной снимок мерт-

вого негра, у которого горло было перерезано от уха до уха и потом аккуратно зашито, а на груди лежал плакатик с надписью по-испански: «Вот как мы поступаем с „lenguas largas“».

— Кто тебе дал это? — спросил я Фрэнки. Он указал на маленького испанца, который работает на пристани. Парнишка стоял у стойки с закусками.

— Скажи ему, пусть подойдет.

Парнишка подошел. Он сказал, что двое молодых людей дали ему это сегодня, часов в одиннадцать. Они спросили, знает ли он меня, и он сказал, что да. Потом он отдал это Фрэнки, чтобы тот передал мне. Они дали ему за это доллар. Они были хорошо одеты, сказал он.

— Политика, — сказал Фрэнки.

— Да, да, — сказал я.

— Они думают, ты говорил полиция про свой встреча с этот молодой люди здесь утром.

— Да, да.

— Плохой политика, — сказал Фрэнки. — Хорошо, ты уезжаешь.

— Они тебе что-нибудь еще поручили? — спросил я маленького испанца.

— Нет, только передать вот это.

— Плохой политика, — сказал Фрэнки. — Очень плохой политика.

Я сложил в одну пачку все бумаги, которые мне передал агент, уплатил по счету и, выйдя из кафе, прошел через площадь и потом в ворота и был очень доволен, когда миновал товарный склад и выбрался на пристань. Эти мальчишки нагнали-таки на меня страху. У них хватило бы глупости вообразить, что я сболтнул кому-нибудь про ту историю. Все они такие же, как Панчо. От страха они распаляются, а когда распалятся, им хочется убить кого-нибудь.

Я поднялся на борт и стал разогревать мотор. Фрэнки стоял на пристани и смотрел. Он улыбался все той же чудной улыбкой глухого. Я подошел к нему поближе.

— Слушай, — сказал я. — Как бы тебе из-за этого не попасть в беду.

Он не слышал. Мне пришлось прокричать ему это.

— Мой хороший политика, — сказал Фрэнки. Он отвязал причальный трос.

Глава третья

Я помахал Фрэнки, бросившему мне концы, отвел лодку от пристани и направил ее в пролив. Английский грузовой пароход выходил в море, я поравнялся с ним и обогнал его. Он вез большой груз сахару, и вся обшивка у него была ржавая. Какой-то лимонник в старом синем свитере смотрел на меня с кормы, когда я проезжал мимо. Я вышел из гавани и миновал Морро и взял курс на Ки-Уэст, по прямой на север. Я бросил штурвал, пошел на бак и свернул трос, а потом вернулся и выровнял лодку по курсу, так что Гавана сперва вытянулась за кормой, а потом понемногу скрылась из виду, когда между нами встали горы.

Вот уже скрылся из виду Морро, потом отель «Националь» и наконец остался только купол Капитолия. Течение было небольшое по сравнению с тем днем, когда мы последний раз выходили на рыбную ловлю, и дул совсем слабый бриз. Я увидел два смака, возвращавшиеся в Гавану, и они шли с запада, так что я понял, что течение слабое.

Я выключил мотор. Не к чему было зря расходовать бензин. Пусть лодку пока сносит течением.

Когда стемнеет, я легко ориентируюсь по маяку Морро или, если ее отнесет очень далеко, по огням Кохимара и тогда возьму нужное направление и пойду на Бакуранао. Я рассчитал, что при таком течении ее к наступлению темноты отнесет как раз на двенадцать миль, к самому Бакуранао, и я увижу огни Баракоа.

Значит, я заглушил мотор и полез наверх, чтобы осмотреться. Только и было видно, что два смака на западе, идущие в порт, и позади белый купол Капитолия, высоко поднимающийся над краем океана. На поверхности воды кое-где виднелись желтые водоросли, и в воздухе кружили птицы, но их было немного. Я посидел немного на крыше рубки, наблюдая, но не увидел никакой рыбы, кроме тех мелких коричневых рыбешек, что всегда снуют вокруг водорослей. Не верь тому, братишка, кто станет уверять тебя, что от Гаваны до Ки-Уэст рукой подать. А у меня весь путь был впереди.

Немного погодя я спустился вниз, и там был Эдди.

— Что случилось? Что случилось с мотором?

— Сломался.

— Что ж ты люк не закрываешь?

— А, черт, — сказал я.

Знаете, что он устроил? Он вернулся на пристань, через носовой люк забрался в каюту и лег спать. С собой он захватил две бутылки. Он зашел в первый попавшийся bodega[4], купил эти две бутылки и вернулся на лодку. Когда я запустил мотор, он проснулся и сейчас же опять заснул. Когда я остановил лодку в заливе, ее стало слегка покачивать на волнах, и от этого он проснулся.

— Я знал, что ты меня возьмешь, Гарри, — сказал он.

— К черту в зубы я бы тебя охотно взял, — сказал я. — Ты даже не внесен в судовой журнал. Кажется, ты у меня сейчас прыгнешь за борт.

— Ты старый шутник, Гарри, — сказал он. — Мы, кончи, в беде должны держаться друг за дружку.

— Это с твоим-то языком? — сказал я. — Да кто же доверит твоему языку, когда ты хватишь лишнее.

— Я надежный человек, Гарри. Можешь испытать меня, тогда увидишь, какой я надежный человек.

— Давай сюда обе бутылки, — ответил я ему. Я думал о другом.

Он вытащил их, и я отпил из той, которая была

---

[4] Примечания: 4
Винный погреб (исп.).

откупорена, и поставил обе на пол возле штурвала. Он стоял тут же, и я смотрел на него. Мне было жаль его и жаль, что придется сделать то, без чего, я знал, не обойтись. Черт, я ведь помнил его, когда он был еще человеком.

— Что случилось с мотором, Гарри?

— Мотор в порядке.

— А что все-таки случилось? Что ты на меня так смотришь?

— Братишка, — сказал я, и мне было жаль его. — Плохо твое дело.

— Что ты хочешь сказать?

— Я сам еще не все обдумал.

Мы немного посидели, но разговаривать с ним мне больше не хотелось. Раз я уже знал то, что знал, мне было тяжело с ним разговаривать. Потом я спустился вниз и достал духовое ружье и винчестер тридцатого калибра, которые я всегда держал внизу, в каюте, и, не вынимая из чехлов, подвесил их под потолком рубки, где обычно мы вешаем удочки, над самым штурвалом, чтобы можно было достать их рукой. Я их держу в длинных чехлах из овчины шерстью внутрь, причем шерсть обильно пропитана маслом. На судне только так и можно уберечь оружие от ржавчины.

Я проверил насос, поршень духового ружья, несколько раз нажав курок, и зарядил ружье. Одну пулю я загнал в ствол винчестера и потом наполнил магазин. Я достал из-под матраца смит-и-вессон тридцать восьмого калибра особого образца, который у меня остался от того времени, когда я служил в полицейском отряде в Майами, смазал его, зарядил и прицепил к поясу.

— Что случилось? — спросил Эдди. — Да скажи ты, что случилось?

— Ничего, — сказал я ему.

— На кой черт весь этот арсенал?

— Я всегда беру оружие с собой, — сказал я. — Стрелять птиц, если они станут клевать наживку, или стрелять акул, или на всякий случай, когда крейсируешь между островами.

— Что случилось, черт тебя дери? — сказал Эдди. — Что случилось?

— Ничего, — ответил я ему. Когда лодку качало, смит-и-вессон хлопал меня по бедру, и я смотрел на Эдди. Я подумал: нет смысла торопиться с этим. Он мне еще понадобится.

— У нас есть одно маленькое дело, — сказал я. — В Бакуранао. Я тебе скажу, что делать, когда придет время.

Я не хотел говорить ему заранее, потому что

знал, что он забеспокоится и перетрусит и тогда от него никакой пользы.

— Лучше меня тебе никого не найти, Гарри, — сказал он. — Я самый подходящий для тебя человек. Можешь на меня положиться.

Я посмотрел на него, какой он длинный, мутноглазый, трясучий, — и ничего не сказал.

— Слушай, Гарри. Дай один только глоток, — попросил он. — Я боюсь, как бы меня не начало трясти.

Я дал ему, и мы сидели и ждали, когда стемнеет. Закат был красивый, и дул славный легкий бриз, и когда солнце уже почти село, я запустил мотор и медленно повернул к берегу.

Глава четвертая

Мы остановились в темноте примерно за милю от берега. С заходом солнца течение стало сильнее, и я заметил, что оно изменило направление. Виден был маяк Морро немного дальше к западу и вечернее зарево над Гаваной, а огни напротив нас были Ринкон и Баракоа. Я вел лодку против течения, пока не миновал Бакуранао и не подошел совсем близко к Кохимару. Потом я поставил ее по течению. Было уже совсем темно, но мне нетрудно было определить, где мы. Все огни у меня были погашены.

— Что мы будем делать, Гарри? — спросил меня Эдди. Его опять разбирал страх.

— А ты как думаешь?

— Я не знаю, — сказал он. — Ты меня пугаешь. — Казалось, его вот-вот опять начнет трясти, и когда он подошел ко мне, я почувствовал его дыхание, вонючее, как у стервятника.

— Который час?

— Сейчас пойду посмотрю, — сказал он. Он вернулся и сказал, что половина десятого.

— Ты голоден? — спросил я его.

— Нет, — сказал он. — Ты же знаешь, что я так

не могу есть, Гарри.

— Ладно, — сказал я ему. — Глотни разок. Когда он глотнул, я спросил, как ему теперь. Он сказал, что теперь ему хорошо.

— Я тебе немного погодя еще дам, — сказал я. — Я же знаю, что ты перетрусишь, если тебе не дать выпить, а выпивки у нас мало. Так что не стоит налегать.

— Ты мне лучше скажи, в чем дело, — сказал Эдди.

— Слушай, — заговорил я в темноте. — Мы идем к Бакуранао, чтобы взять там двенадцать китайцев. Когда я тебе скажу, ты станешь у штурвала и будешь делать то, что я тебе скажу. Мы примем эту дюжину китайцев на борт и запрем их в каюту. Теперь иди, закрой снаружи носовой люк.

Он пошел, и я видел его длинную фигуру в темноте. Он вернулся и сказал:

— Гарри, можно мне теперь один глоток?

— Нет, — сказал я. — Я хочу, чтоб ты был только на взводе. Я не хочу, чтоб тебя развезло.

— Я надежный человек, Гарри. Вот увидишь.

— Ты пьянчуга, — сказал я. — Слушай. Один китаец привезет всю дюжину на лодке. Как только он приедет, он даст мне денег. Когда они все сядут, он даст мне еще денег. Как только ты уви-

дишь, что он дает мне деньги второй раз, сейчас же запускай мотор и выходи в море. Не обращай внимания, если что произойдет. Что бы ни произошло, давай полный вперед. Понял?

— Да.

— Если кто-нибудь из китайцев вздумает вырваться из каюты или высунуть голову из люка, когда мы будем уже в пути, бери духовое ружье и загоняй их назад, как только покажутся. Умеешь обращаться с духовым ружьем?

— Нет. Но ты мне можешь показать.

— Ты все равно не запомнишь. Умеешь обращаться с винчестером?

— Просто нажать спуск и стрелять?

— Правильно, — сказал я. — Только смотри, не пробей корпус.

— Дал бы ты мне глоток, — сказал Эдди.

— Ладно. Немножко дам.

Я дал ему выпить. Я знал, что теперь он не опьянеет; все растворится в его страхе. Но каждый глоток будет действовать некоторое время. Выпив положенное, Эдди сказал, точно радуясь этому:

— Значит, теперь мы будем возить китайцев. Что ж, я, ей-богу, всегда говорил, как дойду до ручки, так стану возить китайцев.

— Но ты, видно, еще никогда не доходил до ручки, — сказал я ему. Смешной он был все-таки.

До половины одиннадцатого я еще три раза давал ему выпить, для храбрости. Смешно было наблюдать за ним, и это не давало мне задумываться. Я не рассчитывал, что придется так долго ждать. Я предполагал сняться, как только стемнеет, отойти настолько, чтобы не попасть в полосу света, и в виду берега идти на Кохимар.

Около одиннадцати я увидел два огня на мысу. Я немного выждал и потом стал медленно двигаться по направлению к берегу. Бакуранао — бухта, где прежде была большая пристань для погрузки песка. Там есть небольшая речка, которая вливается в бухту, когда дожди размывают песчаный бар. Зимой северный ветер наносит песок и запирает речке выход. Прежде туда подходили шхуны и грузили guabos[5] с реки, и там был городок. Но его разрушило ураганом, и теперь там стоит один только дом, который gallegos построили из обломков снесенных ураганом хижин и который служит им чем-то вроде клуба, они туда по воскресеньям приезжают из Гаваны гулять и купаться. Есть там еще один дом, где живет

---

[5] Примечания: 5
Тропический плод (исп.).

уполномоченный, но этот дом стоит довольно далеко от берега.

В каждом таком селении на побережье есть уполномоченный правительства, но я был уверен, что китаец с ним договорился и даже возьмет его лодку. Когда мы подошли ближе, я почувствовал запах водорослей и тот сладковатый запах кустарника, которым всегда тянет у берега.

— Ступай на бак, — сказал я Эдди.

— Здесь не на что наткнуться, — сказал он. — Риф с другой стороны, у входа в бухту. — Он, видите ли, когда-то был хорошим матросом.

— Следи за ходом, — сказал я и направил лодку туда, где они наверняка могли нас увидеть. Прибоя не было, так что они должны были услышать стук мотора. Я не хотел дожидаться, не зная, видели они нас или нет, поэтому я разом зажег оба бортовые огня, зеленый и красный, и тотчас же погасил их. Потом я развернулся и отошел немного назад и остановился у самого входа в бухту, переведя мотор на холостой ход. Здесь, недалеко от берега, только слегка покачивало.

— Иди сюда, — сказал я Эдди и дал ему выпить как следует.

— Курок надо раньше взводить? — шепотом спросил он. Он теперь сидел у штурвала, и я про-

тянул руку и расстегнул оба чехла и наполовину вытащил приклады.

— Правильно.

— Ух, ты! — сказал он.

Просто удивительно, как на него действовала выпивка и до чего быстро.

Мы стояли на одном месте, и сквозь заросли кустарника я видел свет в доме уполномоченного. Оба огня на мысу скрылись из виду, потом один появился с другой стороны мыса. Вероятно, они задули второй.

Потом, немного погодя, я увидел в бухте направлявшуюся к нам лодку и человека, который греб кормовым веслом. Я понял это, видя, как он раскачивается из стороны в сторону. Я понял, что весло у него большое. Я очень обрадовался. Раз гребут кормовым, значит, там только один гребец.

Они поравнялись с нами.

— Добрый вечер, капитан, — сказал мистер Синг.

— Заходите с кормы и становитесь борт к борту, — сказал я ему.

Он что-то сказал парнишке с веслом, но тот не мог кормовым веслом дать задний ход, поэтому я ухватился за планшир и провел их лодку за

своей кормой.

В лодке было восемь человек. Шесть китайцев, мистер Синг и парнишка с веслом. Когда я нагнулся, чтобы подтянуть их лодку, я ждал, что меня что-нибудь ударит по голове, но ничего не ударило. Я выпрямился и дал мистеру Сингу ухватиться за корму.

— Ну-ка, покажите, как это выглядит, — сказал я. Он передал мне пачку, и я понес ее туда, где у штурвала стоял Эдди, и зажег нактоузный огонь. Я тщательно проверил пачку. Все как будто было в порядке, и я погасил огонь. Эдди весь дрожал.

— Возьми налей себе, — сказал я. Я видел, как он достал бутылку и опрокинул ее. Я вернулся на корму.

— Ладно, — сказал я. — Пусть шестеро переходят сюда.

Мистеру Сингу и кубинцу с веслом приходилось следить за тем, чтобы их лодку не ударило о наш корпус, потому что даже при таком небольшом волнении это легко могло случиться. Я услышал, как мистер Синг сказал что-то по-китайски, и все китайцы, которые были в лодке, полезли к нам на корму.

— По одному, — сказал я.

Он опять что-то сказал, и шесть китайцев один

за другим взошли на корму. Они были всех ростов и размеров.

— Проводи их в каюту, — сказал я Эдди.

— Вот сюда, джентльмены, — сказал Эдди. Черт побери, я сразу увидел, что глоток на этот раз был основательный.

— Запри каюту, — сказал я, когда они все вошли.

— Есть, сэр, — сказал Эдди.

— Я сейчас привезу остальных, — сказал мистер Синг.

Я оттолкнул их, и мальчик в лодке заработал своим веслом.

— Слушай, — сказал я Эдди. — Оставь в покое бутылку. Ты уже достаточно храбрый.

— Есть, капитан, — сказал Эдди.

— Что с тобой такое?

— Нравится мне это занятие, — сказал Эдди. — Так ты говоришь, нужно вот так оттянуть курок?

— Пьянчуга ты несчастный, — сказал я. — Дайка, я тоже выпью.

— Больше нет, — сказал Эдди. — Виноват, капитан.

— Слушай. Теперь твое дело следить, и как только он мне передаст деньги — сейчас же запускай мотор.

— Есть, капитан, — сказал Эдди.

Я наклонился, взял другую бутылку, достал штопор и вытащил пробку. Я отпил порядочный глоток и вернулся на корму, крепко заткнув бутылку пробкой и спрятав ее позади двух больших оплетенных бутылей, доверху налитых водой.

— Мистер Синг едет, — сказал я Эдди.

— Так точно, сэр, — сказал Эдди. Лодка с мальчишкой-гребцом снова подошла к нам. Они зашли с кормы, и я ждал, пока они ухватятся. Мистер Синг ухватился за укрепленный на корме скат, по которому мы втаскивали в лодку крупную рыбу.

— Пусть поднимаются, — сказал я. — По одному. Еще шесть китайцев, на этот раз подобранных поровнее, взошли на корму.

— Проведи их туда же, к остальным, — сказал я Эдди.

— Есть, сэр.

— Запри каюту.

— Есть, сэр.

Я увидел, что он уже снова стоит у штурвала.

— Ну что ж, мистер Синг, — сказал я. — Давайте, поглядим на остальное.

Он сунул руку в карман и протянул мне деньги. Я схватил его руку вместе с деньгами, и когда он

ступил на корму, я другой рукой схватил его за горло. Я почувствовал, как лодка дрогнула и пошла, вспенивая воду, и хоть я был здорово занят мистером Сингом, но я видел кубинца с веслом в руках, стоявшего на корме своей лодки, когда мы отходили от нее под корчи и судороги мистера Синга. Он корчился и судорожно бился, точно дельфин, вздетый на острогу, и один раз даже изловчился и укусил меня в плечо. Но я поставил его на колени и изо всех сил сдавил ему горло обеими руками.

Я подержал его так, пока он не затих, и потом уложил на корму. Он лежал на спине, неподвижный, в хорошем костюме, свесив ноги в кокпит; так я его и оставил.

Я подобрал деньги с кормы, пошел в рубку, зажег нактоузный огонь и пересчитал их. Потом я стал у штурвала и сказал Эдди, чтоб он поискал под кормой куски железа, которые служили нам вместо якоря, когда мы ловили рыбу на отмелях или в таких местах, где каменистое дно и якорь может сломаться.

— Я не найду, — сказал он. Он боялся очутиться так близко к мистеру Сингу.

— Становись к штурвалу, — сказал я. — Держи в море.

Внизу, под палубой, слышалась какая-то возня, но тех я не боялся.

Я нашел то, что искал, куски железа со старой угольной пристани в Тортугас, и взял обрывок каната и, выбрав два больших куска, крепко привязал их к щиколоткам мистера Синга. Затем, когда мы отошли мили на две от берега, я спустил его за борт. Он плавно съехал за борт по скату. Я даже не ощупал его карманы. Не хотелось мне с ним путаться.

Корма была немного закапана кровью, вытекшей у него изо рта и из носа, и я зачерпнул ведром воды, едва не вылетев при этом за борт, так быстро мы шли, и начисто отмыл все шваброй, которую достал из-под кормы.

— Убавь ходу, — сказал я Эдди.

— А что, если он всплывет? — сказал Эдди.

— Там, где я его сбросил, глубина четыре тысячи футов, — сказал я.

— На эту глубину он должен опуститься. Это длинный путь, братишка. Он не всплывет, пока его не разопрет газом, а до тех пор он будет двигаться вместе с течением и служить приманкой для рыб, — сказал я. — Нечего тебе беспокоиться о мистере Синге.

— Что он тебе сделал? — спросил меня Эдди.

— Ничего, — сказал я. — Он был самый покладистый человек из всех, с кем мне приходилось иметь дело. Я сразу почувствовал, что здесь что-то неладно.

— Зачем ты убил его?

— Чтобы не убивать остальных двенадцать, — ответил я ему.

— Гарри, — сказал он, — ты мне дай глоток, а то со мной вот-вот случится, я уже чувствую. Я как увидел, как у него голова болтается, меня сразу затошнило.

Я ему дал.

— А как с китайцами? — спросил Эдди.

— Надо их высадить как можно скорее, — ответил я ему, — пока вся каюта ими не провоняла.

— Куда ты их денешь?

— Мы их свезем на Долгую отмель, — ответил я ему.

— Поворачивать к берегу?

— Поворачивай, — сказал я. — Только медленно. Мы медленно шли над подводным рифом, пока перед нами не забелела в темноте отмель. Этот риф лежит довольно глубоко, а дальше дно песчаное и с уклоном тянется до самого берега.

— Ступай на бак и говори мне глубину. Он стал мерить глубину шестом, каждый раз делая мне

знак двигаться дальше. Наконец он вернулся и сделал мне знак остановиться. Я дал задний ход.

— Около пяти футов.

— Бросаем якорь, — сказал я. — Если что-нибудь случится такое, что мы не успеем сняться, можно будет перерубить канат.

Эдди стал травить, и когда наконец якорь упер-ся в дно, он укрепил канат. Лодка покачивалась кормой к берегу.

— Дно, знаешь, песчаное, — сказал он.

— Сколько у нас под кормой?

— Не больше пяти футов.

— Бери винчестер, — сказал я. — И смотри в оба.

— Дай глоток, — сказал он. Он здорово раскис. Я дал ему выпить и снял духовое ружье. Я отпер дверь каюты, распахнул ее и сказал:

— Выходите.

Никакого движения.

Потом один китаец высунул голову, увидел Эдди с ружьем в руках и нырнул обратно.

— Выходите. Никто вас не тронет, — сказал я. Ничего. Только в каюте забормотали по-китайски.

— Эй, вы там, выходи! — сказал Эдди. Ах ты черт, я сразу понял, что он добрался до бутылки.

— Поставь бутылку на место, — сказал я ему, — не то я вышвырну тебя за борт.

— Выходите, — сказал я им, — не то стрелять буду. Один осторожно выглянул из-за двери, и, должно быть, он увидел берег, потому что у него застучали зубы.

— Выходите, — сказал я, — стрелять буду.

Стали выходить.

Ну, скажу я вам, не знаю, какой надо быть сволочью, чтобы загубить дюжину несчастных китайцев, и готов биться об заклад, это дело не только хлопотливое, но и не легкое.

Они вышли, и они были очень напуганы, и у них не было оружия, но их было двенадцать человек.

Я отошел назад, к корме, держа в руках духовое ружье.

— Лезьте в воду, — сказал я. — Тут выше головы не будет.

Никто не шевельнулся.

— Лезьте.

Никто не шевельнулся.

— Эй вы, крысоеды желтомордые, — сказал Эдди. — Лезь в воду.

— Молчи, пьяная рожа! — сказал я ему.

— Не умей плавай, — сказал один китаец.

— Не надо плавать, — сказал я. — Неглубоко.

— Но-но, живо, лезь в воду, — сказал Эдди.

— Иди сюда, на корму, — сказал я. — Возьми в одну руку ружье, а в другую шест и покажи им, какая тут глубина.

Он показал им, приподняв мокрый шест.

— Не надо плавай? — спросил меня тот же китаец.

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— Что это?

— Куба.

— Твоя жулик, — сказал он и, перекинув ноги через борт, сначала повис на руках, потом спрыгнул в воду. Голова его ушла под воду, но он высунул ее снова, и вода доходила ему до подбородка. — Твоя жулик, — сказал он. — Твоя негодна жулик.

Он был взбешен и забыл всякий страх. Он сказал что-то по-китайски, и все остальные стали спрыгивать с кормы в воду.

— Все в порядке, — сказал я Эдди. — Поднимай якорь. Когда мы выходили в море, показалась луна, и мы увидели китайцев, которые шли к берегу по шею в воде, и белеющую отмель, и

кустарник за ней.

Мы миновали риф, и я еще раз посмотрел назад, на отмель и горы, которые уже вырисовывались над ней; потом я развернулся и взял курс на Ки-Уэст.

— Ну, теперь можешь лечь спать, — сказал я Эдди. — Нет, постой, спустись вниз и открой все иллюминаторы, чтобы хорошенько проветрить каюту, и принеси мне йоду.

— Что случилось? — спросил он, когда принес склянку.

— Я порезал палец.

— Хочешь, я буду править?

— Ложись спать, — сказал я. — Я тебя разбужу. Он растянулся на койке, вделанной в стенку тут же, над бензиновым баком, и через несколько минут уже спал.

Глава пятая

Я придержал штурвал коленом, и расстегнул рубашку, и посмотрел на место, куда меня укусил мистер Синг. Укус был глубокий, и я залил его йодом, и потом я сидел у штурвала и думал о том, может ли от укуса китайца сделаться заражение, и прислушивался к быстрому и плавному ходу и к плеску воды за кормой, и в конце концов решил, да нет, что за черт, не может от этого укуса сделаться заражение. Такой мистер Синг, должно быть, тер свои зубы щеткой по три раза в день. Ай да мистер Синг. Правду сказать, не очень деловой был человек. А может быть, и деловой. Может быть, он просто доверял мне. Честное слово, я так и не понял, что он за птица.

Теперь, значит, все было очень просто, если не считать Эдди. Пьянчуга непременно будет болтать, как только хватит лишнего. Я сидел у штурвала, и смотрел на Эдди, и думал: черт, ведь в нем и в живом проку не больше, чем в мертвом, а с меня были бы взятки гладки. Когда я увидел его на лодке, я решил, что мне придется с ним покончить, но потом, когда все так хорошо сошло, у меня не хватило духу. А теперь, когда я смотрел

на него, как он лежит там, на койке, искушение было велико. Но я подумал, что не стоит портить все дело таким поступком, о котором после пришлось бы жалеть. Потом я стал думать о том, что он не значится в судовом журнале и что мне придется заплатить за него штраф, и я не знал, как быть с ним.

Ну, времени, чтоб обдумать это, у меня было сколько угодно, и я держал прямо вперед и потягивал из бутылки, которую принес Эдди. В ней было немного, и когда я допил ее, я откупорил последнюю, которая еще оставалась у меня, и, честное слово, было очень приятно сидеть у штурвала, и ночь была очень хороша для переправы. В конце концов рейс все-таки вышел удачный, хоть много раз казалось, что он обернется скверно.

Когда рассвело, Эдди проснулся. Он сказал, что чувствует себя отвратительно.

— Стань на минутку к штурвалу, — сказал я ему. — Я хочу посмотреть, что делается кругом.

Я пошел на корму и плеснул на нее водой. Но она была совершенно чистая. Я поскреб шваброй за бортом. Я разрядил ружья и спрятал их внизу. Но револьвер я оставил на поясе. Внизу все было в порядке, чисто, свежо и никакого запаха. Только на одну койку попало из правого иллюминатора

немного воды; так что я закрыл иллюминаторы. Ни один пограничник на свете не учуял бы теперь, что здесь были китайцы.

Я увидел полученные от агента бумаги в сетке, висевшей под вставленным в рамку портовым свидетельством, куда я их сунул, когда вернулся на лодку, и я вынул их, чтобы просмотреть. Просмотрев бумаги, я пошел на палубу.

— Слушай, — сказал я. — Каким образом ты попал в судовой журнал?

— Я встретил агента, когда он шел в консульство, и сказал ему, что я тоже еду.

— Пьяниц бог бережет, — сказал я ему, и я снял смит-и-вессон с пояса и спрятал его внизу.

Я сварил внизу кофе и потом поднялся наверх и взял у него штурвал.

— Внизу есть кофе, — сказал я ему.

— От кофе мне легче не станет, братишка. — И, знаете, пришлось пожалеть его. Он и в самом деле выглядел неважно.

Около девяти часов прямо перед собой мы увидели маяк Сэнд-Ки. Еще задолго до того нам стали попадаться танкеры, идущие в залив.

— Часа через два приедем, — сказал я ему. — Я тебе заплачу по четыре доллара в день, как если бы Джонсон не надул нас.

— Сколько ты заработал этой ночью? — спросил он меня.

— Всего только шестьсот, — ответил я ему. Не знаю, поверил он мне или нет.

— А я тут не имею доли?

— Вот это твоя доля, — сказал я ему. — Столько, сколько я сказал, а если ты когда-нибудь вздумаешь чесать язык насчет прошлой ночи, я об этом узнаю и разделаюсь с тобой.

— Ты знаешь, что я не болтун, Гарри.

— Ты пьянчуга. Но как бы ты ни был пьян, попробуй только болтать — не обрадуешься.

— Я надежный человек, — сказал он. — Зачем ты со мной так говоришь?

— Попадется что-нибудь крепкое, так твоей надежности ненадолго хватит, — ответил я ему. Но я больше не беспокоился из-за него, потому что кто ж ему поверит? Мистер Синг жаловаться не пойдет. Китайцы тоже не станут. Мальчику, который был с ними на лодке, это, знаете, тоже ни к чему. Он побоится путаться в это дело. Эдди проболтается рано или поздно, но кто поверит пьянчуге?

И потом, кто может что-нибудь доказать? Понятное дело, было б куда больше разговоров, если б после всего увидели имя Эдди в судовом

журнале. Здорово повезло мне все-таки. Я бы мог сказать, что он упал в воду, но разговоров было бы много. Да и Эдди тоже здорово повезло. Вообще здорово повезло.

Тут мы подошли к краю Гольфстрима, и вода из синей сделалась зеленоватой и прозрачной, и впереди уже видны были сваи на западных и восточных Сухих Скалах, и радиомачты Ки-Уэст, и отель «Ла-Конча», торчавший среди низеньких домов, и облако дыма там, где сжигают мусор. Маяк Сэнд-Ки был теперь совсем близко, и видно было лодочную пристань и маленький док у подножия маяка, и я знал, что нам осталось не больше сорока минут пути, и было приятно возвращаться домой и знать, что на лето я остаюсь не с пустым карманом.

— Так как насчет того, чтобы выпить, Эдди? — сказал я ему.

— Ох, Гарри, — сказал он. — Я всегда знал, что ты мне друг.

Вечером я сидел в столовой, курил сигару, пил виски, разбавленное водой, и слушал по радио Грэйси Аллен. Девочки ушли в театр, и сидеть так было приятно, и клонило ко сну. Кто-то постучал в наружную дверь. Мария, моя жена, встала со своего места и пошла отворить. Она вернулась

и сказала:

— Там этот пьянчуга, Эдди Маршал. Он говорит, ему нужно повидать тебя.

— Скажи ему, пусть убирается вон, пока я сам его не вышвырнул, — сказал я ей.

Она вернулась и села, и в окно, у которого я сидел, положив ноги на подоконник, мне видно было, как Эдди прошел по улице под дуговым фонарем вместе с другим пьянчугой, которого он подобрал где-то; оба качались на ходу, и тени их под дуговым фонарем качались еще сильнее.

— Несчастные пьянчуги, — сказала Мария. — Мне таких всегда жалко.

— Этот — счастливый пьянчуга.

— Счастливых пьянчуг не бывает, — сказала Мария. — Ты сам это знаешь, Гарри.

— Да, — сказал я. — Пожалуй, что не бывает.

Часть вторая
ГАРРИ МОРГАН
(Осень)

Глава шестая

Они пересекли пролив ночью, и дул сильный норд-ост. Когда рассвело, он увидел нефтеналивное судно, идущее из залива, и в лучах холодного утреннего солнца оно было таким высоким и белым, что ему показалось, будто это многоэтажный дом, поднимающийся прямо из моря, и он сказал негру:

— Что за черт, где мы?

Негр приподнялся, чтобы взглянуть.

— Ничего такого нет по эту сторону Майами.

— Ты отлично знаешь, что мы вовсе не шли на Майами, — ответил он негру.

— Я и говорю, таких домов нет на Флоридских островах.

— Мы все время держали на Сэнд-Ки.

— Так он уже должен быть виден. Или хотя бы Американская отмель.

Потом, немного спустя, он разглядел, что это не дом, а танкер, и не прошло и часу, как он увидел Сэнд-Ки, легкий, узкий, прямой и темный, поднимающийся из моря там, где ему и следует быть.

— Когда правишь, нужно, чтобы была уверенность, — сказал он негру.

— У меня была уверенность, — сказал негр. — Но после того, что вышло из этого рейса, у меня никакой уверенности нет.

— Как твоя нога?

— Все время болит.

— Это ничего, — сказал тот, что правил. — Будешь перевязывать ее и держать в чистоте, так она заживет сама собой.

Он теперь правил на запад, чтобы переждать день в зарослях манглий на Вуман-Ки, где их никто не увидит и куда навстречу им должна прийти лодка.

— Все у тебя пройдет.

— Не знаю, — сказал негр. — Болит очень сильно.

— Когда мы доберемся до места, я сделаю все, что нужно, — сказал он ему. — Ты не опасно ранен. Нечего тебе расстраиваться.

— Я ранен, — сказал негр. — Я никогда еще не был ранен. Как я ни ранен, все равно это опасно.

— Ты просто испугался.

— Нет, сэр. Я ранен. И мне очень больно. Меня всю ночь трясло.

Негр продолжал ворчать и наконец, не утерпев, снял повязку, чтобы посмотреть на рану.

— Оставь в покое, — сказал ему тот, что правил.

Негр лежал в кокпите на полу, а вокруг были повсюду навалены похожие на окорока мешки с ящиками вина. Он расчистил себе среди них место, чтобы лечь. При каждом его движении в мешках звенело разбитое стекло и разносился запах спиртного. Вокруг все было залито вином. Тот, что правил, теперь держал прямо на Вуман-Ки. Теперь он все ясно видел.

— Болит, — сказал негр. — Болит все сильнее и сильнее.

— Мне тебя очень жаль, Уэсли, — сказал тот, что правил. — Но я не могу отойти от штурвала.

— Для вас что человек, что собака, все равно, — сказал негр. Он начинал злиться. Но тому все еще было жаль его.

— Я сделаю так, что тебе станет легче, Уэсли, — сказал он. — Полежи пока спокойно.

— Вам все равно, что бы с человеком ни случилось, — сказал негр. — В вас ничего человеческого нет.

— Я сделаю все, что нужно, — сказал тот, что правил. — Ты только лежи спокойно.

— Ничего вы мне не сделаете, — сказал негр. Тот, что правил, — его звали Гарри Морган, — ничего не ответил потому, что ему нравился этот негр, а тут только и можно было, что ударить его,

а ударить его он не мог. Негр продолжал болтать.

— Почему мы не остановились, когда те начали стрелять?

Гарри не отвечал.

— Разве человеческая жизнь не дороже груза спиртного?

Гарри сосредоточенно смотрел на штурвал.

— Нам нужно было сразу остановиться, и пусть бы они забрали груз.

— Нет, — сказал Гарри. — Они бы забрали и груз и лодку, а мы бы сели в тюрьму.

— Я тюрьмы не боюсь, — сказал негр. — А вот ранили меня зачем?

Теперь он уже раздражал Гарри, и Гарри устал слушать его болтовню.

— Черт подери, кто из нас тяжелее ранен? — спросил он, — Ты или я?

— Вы ранены тяжелее, — сказал негр. — Но я еще никогда не был ранен. Я не собирался быть раненным. Я не нанимался быть раненным. Я не хочу быть раненным.

— Успокойся, Уэсли, — ответил ему Гарри. — Тебе только хуже станет, если ты будешь столько болтать.

Они уже приближались к острову. Они шли в кольце отмелей, и вода так сверкала на солнце,

что слепила глаза.

— Зачем теперь возить спиртное? — говорил он. — Сухой закон отменен. Кому нужна вся эта контрабанда? Почему не возят вино пароходом?

Гарри, сидя у штурвала, не отрываясь смотрел вперед.

— Почему люди не могут жить прилично и честно и зарабатывать приличным и честным трудом?

Гарри видел блестящую рябь у берега, хотя самый берег ему мешало видеть солнце, и он вовремя направил лодку в пролив. Он круто повернул штурвал одной рукой, и берег раздался в обе стороны, и он медленно подвел лодку к зарослям манглий. Он дал задний ход и выключил оба мотора.

— Бросить якорь я могу, — сказал он. — Но я не смогу поднять якорь.

— Я даже шевельнуться не могу, — сказал негр.

— Да, черт подери, ты совсем плох, — ответил ему Гарри.

Нелегким делом было для него вытащить, поднять и бросить в воду небольшой якорь, но он справился с этим и довольно долго травил канат, и наконец лодка закачалась среди манглий, так что ветки лезли прямо в кокпит. Тогда он снова

спустился в кокпит. Черт знает что здесь творится, подумал он.

Всю ночь, после того как он перевязал рану негру, а негр забинтовал ему руку, он сидел у штурвала, следя за компасом, а когда рассвело, он увидел, что негр лежит на полу среди мешков, но тогда он следил за волной и за компасом и искал впереди маяк Сэнд-Ки и не приглядывался к тому, как обстоит дело. А дело обстояло плохо.

Негр лежал посреди груды мешков, вытянув вверх ногу. В корпусе было восемь пробоин от пуль, расщепивших доски. Стекло щитка было разбито. Он не знал, много ли товара погибло, и там, куда не натекла кровь негра, натекла его собственная кровь. Но что было для него хуже всего в эту минуту, это запах спиртного. Все кругом было пропитано им. Лодка теперь спокойно стояла среди манглий, но Гарри не мог отделаться от ощущения качки, всю ночь трепавшей их в заливе.

— Я пойду сварю кофе, — сказал он негру. — Потом я сделаю все, что нужно.

— Не хочу я кофе.

— А я хочу, — ответил ему Гарри. Но в каюте у него закружилась голова, так что он должен был выйти на палубу.

— Придется нам обойтись без кофе, — сказал он.

— Я хочу воды.

— Сейчас.

Он налил негру кружку воды из оплетенной бутыли.

— Зачем вам понадобилось мчаться вперед, когда они начали стрелять?

— Зачем им понадобилось стрелять? — ответил Гарри.

— Я хочу доктора, — сказал негр.

— Доктор не поможет тебе больше, чем я.

— Доктор меня вылечит.

— Будет тебе доктор — вечером, когда придет лодка.

— Не хочу я дожидаться никакой лодки.

— Ладно, — сказал Гарри. — Сейчас мы спустим все эти мешки на дно.

Он начал выбрасывать мешки, и с одной рукой это было очень нелегко. Мешок с грузом вина весит не больше сорока фунтов, но не успел он выбросить и нескольких мешков, как у него опять закружилась голова. Он сел на пол и потом лег.

— Вы убьете себя, — сказал негр.

Гарри лежал неподвижно, положив голову на один из мешков. Ветви манглий лезли в лодку, и

то место, где он лежал, было в тени. Он слышал свист ветра над манглиями и, глядя в высокое холодное небо, видел несущиеся с севера редкие облака.

Лодка не придет в такой ветер, подумал он. Никто не подумает, что мы вышли в море в такую бурю.

— Вы думаете, лодка придет? — спросил негр.

— Конечно, — сказал Гарри. — А как же.

— Буря очень сильная.

— Нас ждут.

— Не в такую погоду. Зачем вы меня обманываете? — Негр говорил, почти вплотную прижав губы к мешку.

— Успокойся, Уэсли, — ответил ему Гарри.

— Он хочет, чтобы я успокоился, — продолжал негр. — Успокоился! С чего бы это мне успокоиться? Вот издохну, как собака, тогда успокоюсь! Вы меня сюда затащили. Теперь вытащите меня отсюда.

— Успокойся, — сказал Гарри кротко.

— Лодка не придет, — сказал негр. — Я знаю, что она не придет. Мне холодно, слышите? Не могу я больше терпеть и боль и холод, слышите?

Гарри сел, чувствуя слабость и пустоту внутри. Глаза негра следили за тем, как он приподнялся

на одно колено, взял в левую руку кисть безжизненно висевшей правой руки и зажал ее между коленями и потом, ухватившись за доску, прибитую к планширу, подтягивался, пока не встал на ноги, глядя вниз, на негра, и по-прежнему зажимая правую руку между коленями. Он думал о том, что до сих пор никогда по-настоящему не испытывал боли.

— Если она у меня распрямлена, вытянута, мне не так больно, — сказал он.

— Давайте я ее вам подвяжу, — сказал негр.

— Я не могу согнуть локтя, — сказал Гарри. — Она одеревенела в таком положении.

— Что мы будем делать?

— Спускать груз на дно, — ответил ему Гарри. — Ты бы попробовал перекинуть через борт те мешки, до которых сможешь дотянуться, Уэсли.

Негр попытался дотянуться до ближайшего мешка, потом застонал и откинулся назад.

— Очень больно, Уэсли?

— О, господи, — сказал негр.

— Может быть, если ты попробуешь двигаться, тебе будет не так больно?

— Я ранен, — сказал негр. — Я не желаю двигаться. Он хочет, чтобы я спускал груз на дно, когда я ранен.

— Успокойся.

— Еще раз скажите это, и я сойду с ума.

— Успокойся, — повторил Гарри. Негр протяжно взвыл и, пошарив руками по палубе, достал из-под комингса точильный камень.

— Я вас убью, — сказал он. — Я из вас сердце вырежу.

— Но не точильным же камнем, — сказал Гарри. — Не горячись, Уэсли.

Негр заплакал, уткнувшись в мешок лицом. Гарри продолжал медленно поднимать мешки с вином и переваливать их за борт.

Глава седьмая

Когда он спускал груз на дно, он услышал стук мотора и, оглянувшись, увидел лодку, которая приближалась к ним, огибая выступ берега. Это была белая моторная лодка с выкрашенным в желтоватый цвет навесом и стеклянным щитком.

— Лодка идет, — сказал он. — Вставай, Уэсли.

— Не могу.

— Я согласен забыть все, что было до сих пор, — сказал Гарри. — Но дальше уж я буду помнить.

— Пожалуйста, — сказал негр. — Я тоже все помню. Работая теперь очень быстро, так что пот струился по лицу, не оглядываясь на медленно приближающуюся лодку, Гарри здоровой рукой поднимал мешки со спиртным и переваливал их за борт.

— Перевернись. — Он потянулся за мешком, который был под головой у негра, и перебросил его за борт. Негр сел.

— Вот они, — сказал он. Белая лодка уже была на траверзе лодки с контрабандой.

— Это капитан Уилли, — сказал негр. — Везет любителей.

На корме белой лодки расположились двое мужчин в фланелевых костюмах и белых шляпах, с удочками в руках, а у руля сидел старик в фетровой шляпе и в плаще и вел лодку прямо к зарослям манглий, где стояла лодка с контрабандой.

— Как дела, Гарри? — окликнул старик, проезжая мимо.

Гарри помахал в ответ здоровой рукой. Белая лодка прошла мимо, рыболовы на корме оглянулись и потом заговорили со стариком. Гарри не мог расслышать их слов.

— Он завернет у выхода в море и возвратится сюда, — сказал Гарри негру. Он пошел в каюту и принес одеяло. — Дай я тебя укрою.

— Поздно вы догадались меня укрыть. Они, наверное, видели тут эти лужи. Что мы теперь будем делать?

— Уилли не подкачает, — сказал Гарри. — Он скажет кому нужно в городе, что мы уже здесь. Эти рыболовы ничего нам не сделают. Что им до нас?

Его бил озноб, и он сел на штурвальную скамью и крепко зажал правую руку между ногами. У него дрожали колени, и от этого концы раздробленной кости предплечья терлись друг о друга.

Он раздвинул колени, высвободил руку, и она повисла вдоль туловища. Так он сидел, не шевеля повисшей рукой, когда белая лодка снова прошла мимо них. Двое рыболовов на корме разговаривали. Они отложили удочки, и один из них глядел на него в бинокль. Они были слишком далеко от него, чтобы он мог расслышать их слова. Ему не стало бы легче, если б он слышал их.

Хозяин моторной лодки «Южная Флорида», возившей двух рыболовов взад и вперед по проливу Вуман-Ки, потому что ветер был слишком сильный для того, чтобы выйти в открытое море, капитан Уилли Адамс думал: «Так, значит, Гарри этой ночью вернулся с Кубы. Этот малый — настоящий мужчина. Должно быть, попал в самую бурю. Правда, судно у него хорошее. Как это он умудрился разбить щиток? Ни за что на свете не пустился бы в путь в такую ночь. Ни за что на свете не стал бы возить спиртное с Кубы. Его теперь возят из Мариэля. Там, говорят, на этот счет вполне свободно…».

— Что такое вы сказали, сэр?

— Что это за лодка? — спросил один из рыболовов.

— Эта лодка?

— Да, эта лодка.

— А, это из Ки-Уэст лодка.
— Я вас спрашиваю, чья это лодка?
— Право, не знаю, сэр.
— Что, ее владелец — рыбак?
— Да, пожалуй, что и рыбак.
— Что вы хотите сказать?
— Он промышляет всем понемножку.
— Вы не знаете, как его зовут?
— Нет, сэр.
— Вы его назвали Гарри.
— Я? И не думал.
— Я слышал, как вы его назвали Гарри. Капитан Уилли Адамс внимательно посмотрел на человека, который с ним разговаривал. Он увидел широкоскулое, очень румяное лицо, презрительно сжатые тонкие губы и глубоко сидящие серые глаза, которые смотрели на него из-под белой полотняной шляпы.
— Должно быть, это я его нечаянно так назвал, — сказал капитан Уилли.
— По-видимому, этот человек ранен, доктор, — сказал второй рыболов, передавая своему спутнику бинокль.
— Я это и без бинокля вижу, — сказал тот, которого назвали доктором. — Кто этот человек?
— Право, не знаю, — сказал капитан Уилли.

— Ну так сейчас узнаете, — сказал человек с презрительно сжатыми губами. — Запишите номер его лодки.

— Уже записано, доктор.

— Подъедем ближе и посмотрим, в чем там дело, — сказал доктор.

— Вы доктор? — спросил капитан Уилли.

— Доктор, но не врач, — ответил ему сероглазый.

— Если вы не врач, незачем нам подъезжать ближе.

— Почему?

— Если б мы были ему нужны, он бы подал нам знак. Если мы ему не нужны, зачем нам соваться не в свое дело? У нас тут принято, что каждый делает свое дело.

— Очень хорошо. Вот вы и делайте свое. Подвезите нас к этой лодке.

Капитан Уилли продолжал вести лодку вперед под мерное покашливанье двухцилиндрового палмера.

— Вы меня слышите?

— Да, сэр.

— Почему же вы не исполняете мое приказание?

— А кто вы такой, чтоб тут распоряжаться? —

спросил капитан Уилли.

— Это к делу не относится. Делайте так, как я вам сказал.

— Кто вы такой, я вас спрашиваю?

— Очень хорошо. К вашему сведению, я один из трех самых влиятельных людей в Соединенных Штатах.

— Какого же черта вы тогда сидите в Ки-Уэст? Второй рыболов наклонился вперед.

— Это — Фредерик Гаррисон, — сказал он внушительно.

— Никогда не слыхал про такого, — сказал капитан Уилли.

— Ну так теперь услышите, — сказал Фредерик Гаррисон. — И не только вы, но и весь этот вонючий гнилой городишко, хоть бы мне пришлось срыть его до основания.

— Симпатичный вы малый, — сказал капитан Уилли. — Как это вам удалось стать такой важной птицей?

— Он один из самых видных деятелей нашего правительства, — сказал второй рыболов.

— Враки, — сказал капитан Уилли. — Если это так, чего ж он сидит в Ки-Уэст?

— Он приехал сюда отдохнуть, — объяснил секретарь. — Он будет генерал-губернатором…

— Довольно, Виллис, — сказал Фредерик Гаррисон. — Теперь вы подвезете нас к этой лодке, — сказал он, улыбаясь. У него имелась особая улыбка для таких случаев.

— Нет, сэр.

— Слушайте, вы, полоумный рыбак. Я вас в порошок сотру.

— Верю, — сказал капитан Уилли.

— Вы еще не знаете, кто я такой.

— А мне плевать, кто бы вы ни были, — сказал капитан Уилли.

— Этот человек — бутлеггер, правда?

— Соображайте сами.

— За него, вероятно, назначена награда.

— Не думаю.

— Он преступник.

— У него семья, и ему нужно самому кормиться и ее кормить. Вас-то кто кормит? Не те ли самые, что работают на правительство здесь, в Ки-Уэст, за шесть с половиной долларов в неделю?

— Он ранен. Значит, он имел столкновение.

— Если только не выстрелил в себя сам для забавы.

— Свои остроты можете держать при себе. Вы сейчас подъедете к этой лодке, и мы возьмем этого человека и эту лодку с собой, чтобы передать

их полиции.

— Где?

— В Ки-Уэст.

— Вы что, полицейский чиновник?

— Я ведь вам сказал, кто он, — сказал секретарь.

— Ладно, — сказал капитан Уилли. Он резко потянул на себя руль и повернул лодку, так близко пройдя у берега, что из-под винта взлетело, крутясь, облако мергеля. Потом лодка пыхтя двинулась к зарослям манглий, где стояла лодка с контрабандой.

— Есть у вас какое-нибудь оружие? — спросил Фредерик Гаррисон капитана Уилли.

— Нет, сэр.

Оба рыболова в фланелевых костюмах стояли теперь на корме и рассматривали лодку с контрабандой.

— Это веселее, чем рыбная ловля, как вы находите, доктор? — сказал секретарь.

— Рыбная ловля — бессмысленное занятие, — сказал Фредерик Гаррисон. — Если и поймаешь меч-рыбу, что с ней делать? В пищу она не годится. А вот это действительно интересно. Я очень рад, что могу непосредственно наблюдать нечто подобное. С такой тяжелой раной этому человеку

не удастся ускользнуть. Море слишком бурное. Мы знаем его номер.

— Вы действительно захватите его без посторонней помощи, — восхищенно сказал секретарь.

— И без оружия, прибавьте, — сказал Фредерик Гаррисон.

— Без возни с тайной полицией, — сказал секретарь.

— Эдгар Гувер раздувает свою популярность, — сказал Фредерик Гаррисон. — Я нахожу, что мы дали ему чересчур много воли. Подходите вплотную, — сказал он капитану Уилли. Капитан Уилли выключил мотор, и лодку подхватило течением.

— Эй, — окликнул капитан Уилли вторую лодку. — Прячьте головы!

— Это еще что? — сердито сказал Гаррисон.

— Заткнитесь, — сказал капитан Уилли. — Эй! — крикнул он второй лодке. — Слушай. Иди прямо в город и будь спокоен. О лодке не думай. Лодку заберут. Спускай груз на дно и иди прямо в город. Тут у меня на лодке какой-то шпик из Вашингтона. Говорит, он важнее самого президента. Он хочет тебя сцапать. Он думает, что ты бутлеггер. Он записал номер твоей лодки. Я тебя в

глаза не видал и не знаю, кто ты такой. Я не смогу установить твою личность, если…

Лодку относило все дальше. Капитан Уилли продолжал кричать.

— Я не знаю, что это за место, где мы тебя встретили. Я не найду дороги сюда.

— Есть! — донеслось со второй лодки.

— Этот умник у меня половит рыбку, пока не стемнеет, — кричал капитан Уилли.

— Есть!

— Он любит ловить рыбку, — надсаживаясь, орал капитан Уилли. — Да только, сукин сын, говорит, что она не годится в пищу.

— Спасибо, братишка, — донесся голос Гарри.

— Этот человек ваш брат? — спросил Фредерик Гаррисон, весь красный, но по-прежнему снедаемый неуемной любознательностью.

— Нет, сэр, — сказал капитан Уилли. — Моряки все называют друг друга братишками.

— Мы сейчас же едем в Ки-Уэст, — сказал Фредерик Гаррисон; но он сказал это без особой уверенности.

— Нет, сэр, — сказал капитан Уилли. — Вы, господа, наняли мою лодку на день. Мое дело постараться, чтоб ваши деньги не пропали даром. Вы меня обозвали полоумным, но я постараюсь,

чтобы вы и в самом деле катались полный день.

— Везите нас в Ки-Уэст, — сказал Гаррисон.

— Слушаю, сэр, — сказал капитан Уилли. — Немного погодя. Но знаете, что я вам скажу, меч-рыба для еды не хуже мерлана. Когда мы продавали ее на рынок в Гавану, нам платили по десяти центов за фунт, все равно как за мерлана.

— Да замолчите вы, — сказал Фредерик Гаррисон.

— Я думал, может, вам как правительственному чиновнику это будет интересно. Разве это не вы ведаете ценами на продукты или как там? Разве нет? Чтобы они стоили подороже или как там? Чтобы хлеб был подороже, а рыба подешевле?

— Да замолчите вы, — сказал Гаррисон.

Глава восьмая

Гарри на своей лодке перебросил за борт последний мешок.

— Дай сюда большой нож, — сказал он негру.

— Он упал в воду.

Гарри нажал стартеры и запустил оба мотора. Второй мотор он поставил, когда снова занялся контрабандой, после того как кризис вывел из моды рыболовный спорт. Он достал топор и левой рукой перерубил якорный канат. Якорь затонет, и когда станут поднимать груз, зацепят и его, подумал он. Я пойду прямо в Гаррисон-Байт, и если они захотят забрать лодку, пусть забирают. Мне нужен врач. Я не хочу лишиться и руки и лодки. Груз стоит не меньше, чем лодка. Не так уж много пролилось. Да капля прольется, и то запах здорово слышен.

Он повернул левый рычаг, и лодка, покачиваясь в начавшемся приливе, вышла из зарослей. Моторы работали бесперебойно. Лодка капитана Уилли была уже мили за две, на пути к Бока-Гранде. Пожалуй, прилив такой, что можно уже пройти в озера, подумал Гарри.

Он повернул правый рычаг, открыл регули-

рующий клапан, и моторы заревели. Он почувствовал, как нос лодки приподнялся, и зеленые манглии быстро заскользили мимо, когда винт стал засасывать воду из-под корней. Может быть, все-таки не заберут лодку, подумал он. Может быть, все-таки мне вылечат руку. Кто мог знать, что они там вдруг поднимут стрельбу, после того как мы полгода свободно ездили туда и обратно. Вот вам кубинцы. Кто-то кому-то не заплатил, а в вас стреляют. Вот такие они, кубинцы.

— Эй, Уэсли, — сказал он, оглядываясь на негра, который лежал на том же месте, укрытый одеялом. — Как ты себя чувствуешь?

— Господи, — сказал Уэсли. — Хуже быть не может.

— Будет еще хуже, когда доктор станет зондировать рану, — ответил ему Гарри.

— Вы не человек, — сказал негр. — В вас ничего человеческого нет.

Старик Уилли не подкачает, думал Гарри. Никогда не подкачает старик Уилли. Это правильно, что мы поехали, вместо того чтобы ждать. Глупо было ждать. Меня так мутило и так кружилась голова, что я совсем сбился с толку.

Впереди уже видны были белые стены отеля «Ла-Конча», радиомачты и городские дома. Виден

был паром у дока Трумбо, который ему придется обойти, чтобы попасть в Гаррисон-Байт. Старый Уилли не подкачает, думал он. Задаст им перцу. Что это за птицы у него на лодке? Черт возьми, мне и сейчас здорово скверно. У меня здорово голова кружится. Это хорошо, что мы поехали. Это хорошо, что мы не ждали.

— Мистер Гарри, — сказал негр. — Вы уж простите, что я не мог помочь вам спустить товар на дно.

— Ладно, чего там, — сказал Гарри. — Что спрашивать с негра, когда он ранен. Ты все-таки славный негр, Уэсли.

Сквозь рев моторов и громкий хлюпающий плеск воды за кормой он слышал странный звонкий гул в своем сердце. Так бывало всегда, когда он возвращался из рейса домой. Может быть, все-таки вылечат руку, думал он. Мне бы она еще очень пригодилась, эта рука.

Часть третья
ГАРРИ МОРГАН
(Зима)

Глава девятая

РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛБЕРТ

Мы все сидели у Фредди в баре, и тут входит этот длинный худой адвокат и спрашивает:

— Где Хуан?

— Еще не вернулся, — сказал кто-то.

— Я знаю, что он вернулся, и мне нужно повидать его.

— Ну конечно, вы сами выдали его и подвели под суд, а теперь вы его будете защищать, — сказал Гарри. — Нечего вам ходить сюда, спрашивать, где он. Он, наверно, у вас в кармане.

— А ну вас, — сказал адвокат. — У меня для него работа есть.

— Ну так ищите его в другом месте, — сказал Гарри. — Здесь его нет.

— Говорят вам, у меня для него работа есть, — сказал адвокат.

— Ни для кого у вас нет работы. Зараза вы, и больше ничего.

Тут как раз входит тот косматый седой старик, что торгует резиновыми изделиями: он спрашивает четверть пинты, и Фредди наливает ему, и

он затыкает бутылку пробкой и впопыхах бежит с ней обратно, на улицу.

— Что случилось с вашей рукой? — спросил адвокат Гарри.

У Гарри рукав подколот к самому плечу.

— Она мне не нравилась, вот я ее и отрезал, — ответил ему Гарри.

— Вы ее отрезали или кто-нибудь другой?

— Мы с доктором вдвоем ее отрезали, — сказал Гарри. Он много выпил, и у него уже начинало шуметь в голове. — Я сидел смирно, а он резал. Если б людям отрезали руки, когда они забираются в чужие карманы, у вас бы давно не было ни рук, ни ног.

— А что случилось с ней, что ее понадобилось отрезать? — спросил его адвокат.

— Не ваше дело, — ответил ему Гарри.

— Да нет, я просто спрашиваю. Что случилось и где вы были?

— Больше вам не к кому приставать? — спросил его Гарри. — Вы знаете, где я был, и вы знаете, что случилось. Попридержите язык и не приставайте ко мне.

— Я хочу с вами поговорить, — сказал ему адвокат.

— Ну, говорите.

— Нет, не при всех.

— Я не хочу говорить с вами. От вас ничего хорошего не дождешься. Зараза вы.

— У меня кое-что есть для вас. Кое-что хорошее.

— Ну ладно. Один раз послушаю, — ответил ему Гарри. — а о чем речь? О Хуане?

— Нет. Не о Хуане.

Они обогнули стойку и вошли в помещение за баром, которое было разгорожено на кабинеты, и пробыли там довольно долго. Пока они были там, пришла дочка Толстухи Люси с той девушкой из их заведения, с которой она всегда вместе ходит, и они сели у стойки и спросили кока-колы.

— Говорят, вышло запрещение девушкам гулять по улицам после шести часов вечера и в барах показываться тоже, — сказал Фредди дочке Толстухи Люси.

— Да, говорят.

— Собачья жизнь стала в этом городе, — сказал Фредди.

— Еще бы не собачья. Выйдешь купить себе сандвич или стакан кока-колы — арест и штраф пятнадцать долларов.

— Теперь только к таким и привязываются, — сказала дочка Толстухи Люси. — Кто любит

повеселиться. У кого не совсем постная физиономия.

— Если порядки в этом городе не изменятся — дело кончится плохо.

Тут как раз вышли Гарри с адвокатом, и адвокат сказал:

— Значит, вы туда придете?

— А почему вам не привести их сюда?

— Нет. Они сюда не пойдут. Приходите туда.

— Ладно, — сказал Гарри и повернулся к стойке, а адвокат пошел к выходу.

— Что будешь пить, Эл? — спросил Гарри меня.

— Бакарди.

— Два бакарди, Фредди. — Потом он повернулся ко мне и говорит: — Ты что теперь делаешь, Эл?

— Я на общественных работах.

— Что делаешь?

— Рою канавы. Снимаю изношенные трамвайные рельсы.

— Сколько ты там получаешь?

— Семь с половиной.

— В неделю?

— А ты думал?

— На какие же шиши ты тут выпиваешь?

— Я не пил, пока ты не угостил меня, — ответил я. Он немного подвинулся ко мне.

— Пойдешь со мной в рейс?

— Смотря в какой.

— Об этом поговорим.

— Ладно.

— Идем, прокатимся на машине, — сказал он. — Будь здоров, Фредди. — Он часто дышал, как всегда, когда выпьет, и мы вместе с ним пошли мимо того места, где я работал весь день и где мостовая была разрыта, и дошли до угла, где стояла его машина. — Садись, — сказал он.

— Куда мы едем? — спросил я его.

— Сам не знаю, — сказал он. — Дорогой надумаю. Мы поехали по Уайтхед-стрит, и он не говорил ни слова, а на перекрестке свернул налево, и мы поехали через центр города к Уайт-стрит и по ней к берегу. Все время Гарри не говорил ни слова, и мы свернули на набережную и по ней ехали до бульвара. Выехав на бульвар, он затормозил и остановился у самого тротуара.

— Тут какие-то иностранцы хотят зафрахтовать мою лодку на один рейс, — сказал он.

— Твоя лодка арестована таможней.

— Они этого не знают.

— Что за рейс?

— Им нужно переправить одного человека, у которого есть дело на Кубе, но ни пароходом,

ни самолетом ему ехать нельзя. Так мне сказал Краснобай.

— А это можно?

— Понятно. После переворота это сплошь да рядом делается. Тут нет ничего особенного. Тьма народу переправляется так.

— Как же быть с лодкой?

— Лодку придется выкрасть. Они держат моторы незаправленными, так что я не могу сразу запустить их.

— Как ты выведешь ее из гавани?

— Выведу.

— А как мы вернемся?

— Это еще придется обдумать. Если не хочешь ехать, скажи прямо.

— Я с охотой поеду, если на этом можно заработать.

— Слушай, — сказал он. — Ты получаешь семь с половиной долларов в неделю. У тебя трое малышей, которых нечем кормить, когда они приходят из школы. У тебя семья, и у всех у вас животы подводит от голода, а я даю тебе случай немного заработать.

— Ты не сказал, сколько заработать. Если уж рисковать, так хоть было б из-за чего.

— Теперь, сколько ни рискуй, много не зарабо-

таешь, Эл, — сказал он. — Взять хоть бы меня. Я, бывало, весь сезон возил любителей на рыбную ловлю и получал по тридцать пять долларов в день. И вот в меня стреляют, и я остаюсь без руки и без лодки из-за паршивого груза спиртного, который весь не стоит моей лодки. Но одно могу тебе сказать; я не допущу, чтоб у моих детей подводило животы от голода, и я не стану рыть канавы для правительства за гроши, которых не хватит, чтобы их прокормить. Да я и не могу теперь рыть землю. Я не знаю, кто выдумывает законы, но я знаю, что нет такого закона, чтоб человек голодал…

— Я бастовал против такой оплаты, — ответил я ему.

— И вернулся на работу, — сказал он. — Они заявили, что вы бастуете против благотворительности. Ты, кажется, всю жизнь работал, не так ли? Ты никогда ни у кого не просил милостыни.

— Теперь нет работы, — сказал я. — Нигде теперь нет такой работы, чтоб можно было жить не впроголодь.

— А почему?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Но только моя семья будет сыта до тех пор, пока другие сыты. Они хотят вы-

морить вас, кончей, отсюда, чтобы можно было сжечь ваши лачуги и настроить отелей и сделать из Ки-Уэст туристский город. Так я слышал. Я слышал, что они скупают земельные участки, а потом, когда голод погонит бедняков голодать в другое место, тогда они явятся и устроят здесь красивый уголок для туристов.

— Ты говоришь, как красный, — сказал я.

— И никакой я не красный, — сказал он. — Просто меня зло берет. Меня уже давно зло берет.

— Оттого, что ты остался без руки, тебе не легче.

— Черт с ней, с рукой. Без руки так без руки. Бывают вещи похуже, чем остаться без руки. У человека ведь две руки, да кроме рук есть еще что-то. И если он потерял одну руку, а все остальное у него цело, он еще все-таки человек. Ладно, к черту это, — говорит он. — Я не желаю об этом разговаривать. — Потом минуту спустя он говорит: — Остальное у меня все цело. — Потом он включил мотор и сказал: — Поехали, надо повидать этих людей.

Мы поехали вдоль бульвара, где с моря дул ветер и навстречу изредка шли другие машины, и от мостовой пахло тиной в тех местах, где волны в сильный шторм перехлестывали через волно-

рез. Гарри правил левой рукой. Он мне всегда нравился, и я не раз ходил с ним на его лодке в прежние времена, но он стал совсем другой с тех пор, как лишился руки, да еще таможенные власти захватили его лодку, потому что этот тип из Вашингтона, который тогда отдыхал здесь, показал, что видел, как с нее выгружали спиртное. На лодке Гарри никогда не унывал, а без лодки сразу приуныл. Должно быть, он обрадовался поводу выкрасть ее. Он знал, что это будет ненадолго, но за это время, может быть, удастся выколотить немного денег. Мне деньги нужны были до зарезу, но я не хотел попадаться. Я сказал ему:

— Только как бы нам не попасться, Гарри.

— Хуже не попадешься, чем ты попался, — сказал он. — Что может быть хуже, чем умирать с голоду?

— Вовсе я не умираю с голоду, — сказал я. — Какого черта ты заладил одно и то же.

— Ты, может, и нет, а вот дети твои наверно.

— Ну, будет, — сказал я. — Работать с тобой я согласен, но разговоры эти ты брось.

— Ладно, — сказал он. — Но смотри, подходит ли тебе это дело. А то в городе охотники найдутся.

— Подходит, — сказал я. — Я же тебе сказал, что

подходит.

— Тогда встряхнись.

— Сам ты встряхнись, — сказал я. — Это ты тут рассуждал, совсем как красный.

— Ну, ну, встряхнись, — сказал он. — Все вы, кончи, — кисляи.

— С каких это пор ты перестал быть кончем?

— С тех пор как первый раз наелся досыта.

Свинство это было так говорить, но он и мальчишкой ни к кому не знал жалости. Правда, и к себе он тоже никогда жалости не знал.

— Ладно, — сказал я ему.

— Ты, главное, поспокойнее, — сказал он. Впереди уже показались огни бара Ричарда.

— Здесь мы их увидим, — сказал Гарри. — Только застегни свой рот на все пуговицы.

— Иди ты к черту.

— Ну, ну, поспокойнее, — сказал Гарри, сворачивая в переулок и подъезжая к бару с черного хода. Он был задира, и язык у него был скверный, но он мне всегда нравился, честное слово.

Мы остановили машину у черного хода и вошли в кухню, где жена хозяина стряпала у плиты.

— Привет, Фреда, — сказал ей Гарри. — Краснобай здесь?

— Только сейчас пришел. Привет, Элберт.

— Привет, миссис Ричард, — сказал я. Я знал ее, еще когда она жила в «джунглях»[6], но у нас в городе немало работящих замужних женщин вышло из таких, а уж эта — одна из самых работящих, можете мне поверить.

— Дома все здоровы? — спросила она меня.

— Все в порядке.

Мы прошли через кухню в комнату за баром. Там за столом сидел Краснобай, адвокат и с ним четверо кубинцев.

— Садитесь, — сказал один по-английски. Это был здоровенный детина, грузный, широколицый, с хриплым голосом, и он уже здорово накачался, это сразу видно было. — Как вас зовут?

— А вас как? — спросил Гарри.

— Ладно, — сказал этот кубинец. — Пусть будет по-вашему. Где лодка?

— Стоит в гавани для морских яхт, — сказал Гарри.

— А это кто? — спросил кубинец, глядя на меня.

— Мой помощник, — сказал Гарри. Кубинец

---

[6] Примечания: 6

«Джунглями», или «городками Гувера», называются поселки безработных, выстроенные из досок, ящиков и т. п. Женщины в этих поселках, гонимые нуждой, часто вынуждены заниматься проституцией.

оглядел меня, а двое других кубинцев оглядели нас обоих. — У него голодный вид, — сказал он и засмеялся. Другие не смеялись. — Выпить хотите?

— Можно, — сказал Гарри.

— Чего? Бакарди?

— Что вы сами пьете, — ответил ему Гарри.

— Ваш помощник пьет?

— От рюмки не откажусь, — сказал я.

— Тебе никто еще не предлагал, — сказал рослый кубинец. — Я только спросил, пьешь ли ты.

— Да будет тебе, Роберто, — сказал другой кубинец, молодой, почти совсем еще мальчик. — Неужели ты не можешь обойтись без придирок?

— Какие тут придирки. Я только спросил, пьет ли он.

— Налей ему, и все, — сказал второй кубинец. — Давайте говорить о деле.

— Сколько вы хотите за лодку, приятель? — спросил кубинец с хриплым голосом, тот, которого звали Роберто.

— Смотря по тому, что вам нужно, — сказал Гарри.

— Нам нужно, чтобы вы перевезли нас четверых на Кубу.

— А куда на Кубу?

— В Кабаньяс. За Кабаньяс. На побережье, немного дальше Мариэля. Вы знаете, где это?

— Еще бы, — сказал Гарри. — Только перевезти вас туда?

— Больше ничего. Перевезти нас туда и высадить на берег.

— Триста долларов.

— Это много. А если мы зафрахтуем вашу лодку поденно и гарантируем вам двухнедельную оплату?

— Сорок долларов в день и полторы тысячи залогу на случай, если что-нибудь приключится с лодкой. Разрешение брать нужно?

— Нет.

— Бензин и масло ваши, — сказал им Гарри.

— Мы вам дадим двести долларов за то, чтобы перевезти нас и высадить на берег.

— Не пойдет.

— Сколько вы хотите?

— Я вам сказал.

— Это слишком много.

— Совсем немного, — ответил ему Гарри. — Я не знаю, кто вы такие. Не знаю, что вы затеяли, и не знаю, может быть, в вас будут стрелять по дороге. Я должен два раза пересечь пролив в зимнее время. И как бы то ни было, я рискую своей лодкой.

Я перевезу вас за двести долларов, но тысячу вы должны внести в залог, на случай, если с лодкой что-нибудь стрясется.

— Это справедливо, — сказал им Краснобай. — Это более чем справедливо.

Кубинцы заговорили между собой по-испански. Я не понимал их, но я знал, что Гарри понимает.

— Ладно, — сказал рослый, которого звали Роберто. — Когда вы можете выехать?

— Завтра вечером в любой час.

— Возможно, нам придется задержаться до послезавтра, — сказал один из них.

— Ваше дело, — сказал Гарри. — Только предупредите меня вовремя.

— Лодка ваша в исправности?

— Можете не сомневаться, — сказал Гарри.

— Славное суденышко, — сказал младший кубинец.

— Где вы ее видели?

— Вот мистер Симмонс, ваш адвокат, мне ее показывал.

— Ага, — сказал Гарри.

— Выпейте, — сказал другой кубинец. — Вы бывали на Кубе?

— Был несколько раз.

— По-испански говорите?

— Так и не научился, — сказал Гарри. Я видел, как Краснобай, адвокат, взглянул на него, но он сам такой продувной плут, что ему всегда приятно, если другие говорят неправду. Ведь вот, когда он пришел поговорить с Гарри об этом деле, он тоже не заговорил прямо. Нет, он должен был выдумать, будто ему нужен Хуан Родригес, несчастный оборванец gallego, вор из воров, которого он сам подвел под суд, чтобы потом защищать его.

— Мистер Симмонс отлично говорит по-испански, — сказал кубинец.

— Он человек образованный.

— Править лодкой вы хорошо умеете?

— Туда и обратно доберусь.

— Вы рыбак?

— Да, сэр, — сказал Гарри.

— Как же вы ловите рыбу одной рукой? — спросил широколицый.

— Очень просто: вдвое быстрее, — ответил ему Гарри. — Я вам еще зачем-нибудь нужен?

— Нет.

Они заговорили между собой по-испански.

— Тогда я пойду, — сказал Гарри.

— Я вам дам знать насчет лодки, — сказал Краснобай Гарри.

— Сначала пусть внесут залог, — сказал Гарри.

— Это мы завтра сделаем.

— Ну, спокойной ночи, — сказал им Гарри.

— Спокойной ночи, — сказал младший, самый вежливый. Широколицый ничего не сказал. Остальные двое, с медной, как у индейцев, кожей, за все время ничего не сказали, кроме нескольких слов по-испански широколицему.

— Мы еще увидимся сегодня, — сказал Краснобай.

— Где?

— У Фредди.

Мы снова вышли через кухню, и Фреда сказала:

— Как Мария, Гарри?

— Теперь хорошо, — сказал ей Гарри. — Теперь она уже совсем успокоилась. — И он вышел на улицу. Мы сели в машину, и он снова выехал на бульвар и все время не говорил ни слова. Он, видно, думал о чем-то.

— Завезти тебя домой?

— Завези.

— Ты теперь живешь на шоссе?

— Да. Ну, как насчет рейса?

— Не знаю, — сказал он. — Не знаю еще, пойдем ли мы в этот рейс. Завтра увидимся.

Он высаживает меня у дверей дома, в котором я живу, и я вхожу и не успеваю еще открыть дверь, как моя старуха накидывается на меня за то, что я шлялся и пьянствовал и опоздал к ужину. Я спрашиваю ее, как же я мог пьянствовать без денег, а она говорит, наверно, я беру в долг. Я спрашиваю, как она думает, кто мне поверит в долг, если я на общественных работах, а она говорит, чтобы я не дышал на нее водкой и садился за стол. Я и сажусь. Детей нет дома, они ушли смотреть бейсбол, и я сижу за столом, и она подает мне ужин, и не хочет разговаривать со мной.

Глава десятая

Не хотел бы я ввязываться в такое дело, но у меня нет выбора. В наше время выбирать не приходится. Отказаться можно; только неизвестно, что еще подвернется завтра. Я сам не набивался на это, но раз надо, значит, надо. Пожалуй, мне не нужно брать с собой Элберта. Он глупый, но честный, и он хороший матрос. Он не из трусливых, но я не знаю, стоит ли мне брать его. Да ведь не возьмешь на такое дело пьянчугу или негра. Мне нужен человек, на которого я бы мог положиться. Если дело выгорит, он у меня не останется в накладе. Но я не могу рассказать ему, иначе он на это не пойдет, а мне нужно, чтобы со мной был кто-нибудь. Лучше было бы одному, одному всегда лучше, но тут мне, пожалуй, не справиться одному. Было бы гораздо лучше одному. Для Элберта и самого лучше, если он ничего не будет знать об этом. Вся беда в Краснобае. Этот Краснобай будет знать обо всем. Но ведь они должны были подумать об этом. Они должны были принять это в расчет. Неужели Краснобай так глуп, что не догадывается, что именно они хотят сделать. Вряд ли. Конечно, может быть,

они вовсе не это собираются делать. Может быть, они не станут делать ничего такого. Но ничего удивительного, если они хотят сделать именно это, и я ведь слышал это слово. Если они хотят сделать это, они должны сделать это перед самым закрытием, иначе самолет береговой охраны успеет прилететь из Майами. Теперь в шесть уже темнеет. Самолету нужно не меньше часа. Когда стемнеет, им нечего бояться. Так, но если мне взяться перевезти их, нужно обдумать насчет лодки. Вывести ее не так трудно, но если я ее выведу сегодня и там хватятся, ее могут найти. Шум-то наверняка подымется. И все-таки вывести ее нужно сегодня. Можно вывести ее, когда начнется отлив, и потом спрятать. Я успею посмотреть, чего там не хватает, если там чего-нибудь не хватает, если они сняли что-нибудь. Но мне еще придется набрать бензину и воды. Мне придется здорово повозиться эту ночь. Потом, когда уже она будет спрятана, Элберт должен будет привезти их на моторке. Хотя бы на моторке Уолтона. Я могу нанять ее. Или Краснобай наймет ее. Это лучше. Краснобай поможет мне сегодня вывести лодку. Именно Краснобай и никто другой. Потому что слепому ясно, что насчет Краснобая они решили. Они наверно решили насчет Краснобая. А что,

если они решили и насчет нас с Элбертом? Похож кто-нибудь из них на моряка? Похож кто-нибудь из них хоть немного на моряка? Ну-ка, подумаем. Пожалуй. Вот тот, что помоложе, пожалуй. Самый симпатичный из всех. Это мне нужно выяснить, потому что если они рассчитывают обойтись без меня или Элберта с самого начала, это не годится. Рано или поздно они решат насчет нас. Но в пути времени будет достаточно. Я тоже все время думаю. Я должен все хорошенько обдумать. Чтоб не вышло ошибки. Никаких ошибок. Ни одной. Что ж, теперь, по крайней мере, у меня есть о чем подумать. Есть что делать и есть о чем думать, а не только сидеть и гадать, чем это кончится. Сидеть и гадать, чем только вся эта чертова музыка может кончиться. Раз уж дело начато. Раз уж ты ввязался в игру. Раз уж тебе представился случай. Вместо того чтоб смотреть, как все катится к черту в зубы. Без водки и, значит, без куска хлеба. Ох, этот Краснобай. Он и не знает, в какое дело он впутался. Ему и в голову не приходит, как все это обернется. Только бы не пришлось его дожидаться у Фредди. У меня сегодня еще дел куча. Надо пойти поесть чего-нибудь.

Глава одиннадцатая

Было около половины десятого, когда Краснобай пришел к Фредди. Сразу можно было сказать, что он здорово хватил у Ричарда, потому что, когда он выпьет, он становится нахальным, а тут вид у него был здорово нахальный.

— Ну, дружище, — говорит он Гарри.

— Я вам не дружище, — ответил ему Гарри.

— Я желаю поговорить с вами, дружище.

— Где? В вашей приемной за баром? — спросил его Гарри.

— Да, за баром. Кто-нибудь там есть, Фредди?

— Кто там будет при таких законах. Скажите-ка, это запрещение после шести часов — надолго?

— А вы бы меня наняли, чтобы похлопотать на этот счет, — говорит Краснобай.

— Пусть вас черт нанимает, — отвечает ему Фредди. И Гарри с адвокатом уходят за бар, туда, где кабинеты и где стоят ящики с пустыми бутылками.

На потолке горела одна электрическая лампочка, и Гарри заглянул во все кабинеты, где было темно, и убедился, что там никого нет.

— Ну? — сказал он.

— Они хотят послезавтра вечером, — сказал ему Краснобай.

— Что они задумали?

— Вы понимаете по-испански, — сказал Краснобай.

— Но вы им этого не сказали?

— Нет. Вы же знаете, что я вам друг.

— Вы и отца родного не задумались бы продать.

— Бросьте это. Посмотрите, какое дело я вам даю в руки.

— С каких это пор вы такими делами занимаетесь?

— Мне нужны деньги. Я должен выбраться отсюда. Я тут совсем запутался. Вы же это знаете, Гарри.

— Кто этого не знает.

— Вы слыхали, как они там добывают деньги на революционные надобности — киднапинг и тому подобное?

— Слыхал.

— Ну так и тут в том же роде. Они считают, что это ради идеи.

— Так-то так. Но ведь это здесь. В родном городе. Ведь знаешь всех служащих.

— Никто не пострадает.

— С этими молодцами ни за что не поручишься.

— Я думал, вы настоящий мужчина.

— Я-то настоящий мужчина. Насчет этого можете не беспокоиться. Но я рассчитываю еще пожить здесь.

— А я нет, — сказал Краснобай.

Господи, подумал Гарри. Он сам сказал это.

— Я хочу выбраться отсюда, — сказал Краснобай. — Когда вы думаете вывести лодку?

— Сегодня.

— Кто вам будет помогать?

— Вы.

— Где вы ее думаете поставить?

— Там, где всегда ставлю.

Вывести лодку оказалось совсем не трудно. Все было очень просто, как и рассчитывал Гарри. Ночной сторож делал обход каждый час, а остальное время он сидел у внешних ворот старого Военного порта. Они на ялике пробрались к причалу, перерезали канат, и когда начался отлив, лодка, буксируемая яликом, легко вышла в море. Дорогой, когда она скользила по каналу, Гарри проверил моторы, и оказалось, что они в порядке, только головки разъединены. Он проверил запас бензина, и оказалось, что еще есть около

полутораста галлонов. Бензин не выкачивали из баков, и все, что осталось от последнего переезда, было цело. Перед выходом он тогда наполнил оба бака, а выгорело совсем немного, потому что море было бурное и ехать пришлось очень медленно.

— Дома у меня в баке есть бензин, — сказал он Краснобаю. — Я могу перелить его в бутыли и привезти на машине, а Элберт может привезти еще, если понадобится. Лодка будет стоять на реке как раз там, где проходит шоссе. Они могут подъехать на машине.

— Они хотят, чтоб вы ждали их у самого Портер-Дока.

— Как же я могу поставить там лодку, прямо на виду?

— Не можете. Но я думаю, что они не согласятся на машине.

— Ну, хорошо, тогда я ее пока поставлю на реке, заправлю и сделаю все, что требуется, а потом перегоню. Вы можете привезти их на моторке. А пока мне нужно ее туда поставить. У меня еще дел куча. Вы идите на ялике к берегу, берите машину и приезжайте за мной к мосту. Я буду на шоссе часа через два. Оставлю ее и приду на шоссе.

— Я приеду за вами, — ответил ему Краснобай, и Гарри, приглушив мотор так, что лодка бесшум-

но двигалась по воде, развернулся на буксире и повел ялик туда, где виднелись огни сторожевой шхуны. Он выключил мотор и придержал ялик, пока Краснобай пересаживался.

— Значит, часа через два, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Краснобай. Сидя у штурвала, медленно подвигаясь в темноте вперед, стараясь не попасть в полосу света от причальных огней, Гарри думал о том, что Краснобаю приходится все-таки потрудиться за свои деньги. Интересно, сколько он думает получить. Интересно, как он вообще спутался с этими молодцами. Плут он большой, но в свое время из него мог выйти толк. И он неплохой адвокат. Но меня прямо в дрожь бросило, когда он сам это сказал. Он просто сам накликал это на себя. Чудно, как это человек может накликать что-нибудь. Когда я услышал, как он сам накликает на себя, мне даже страшно стало.

Глава двенадцатая

Придя домой, он не стал зажигать свет, он снял внизу башмаки и в носках поднялся по каменной лестнице. Он разделся и, оставшись в одной рубашке, лег в постель, прежде чем проснулась его жена. Она окликнула в темноте: «Гарри», — и он сказал: «Спи, спи, старуха».

— Гарри, в чем дело?

— Собираюсь в рейс.

— С кем?

— Ни с кем. Может быть, с Элбертом.

— На какой лодке?

— Я взял свою лодку.

— Когда?

— Только что.

— Ты попадешь в тюрьму, Гарри.

— Никто не знает, что я взял ее.

— Где она?

— Спрятана.

Лежа неподвижно в постели, он почувствовал на своем лице ее ищущие губы и потом прикосновение ее руки, и он повернулся и крепко прижался к ней.

— Ты хочешь?

— Да. Сейчас.

— Я спала. Помнишь, как мы делали это во сне?

— Слушай, тебе не мешает культяпка? Тебе не противно?

— Ты глупый. Мне даже нравится. Все, что твое, мне нравится. Положи ее сюда. Нет, сюда. Вот так. Правда, мне нравится.

— Точно ласт у морской черепахи.

— Ты вовсе не черепаха. А верно, что они это делают целых три дня?

— Верно. Слушай, ты потише. Мы разбудим девочек.

— Они не знают, какой ты у меня. Они никогда не узнают, какой ты у меня. Ох, Гарри, если б тебе не надо было уезжать. Если б тебе никогда не надо было уезжать. Скажи, ты со многими женщинами спал — кто лучше всех?

— Ты.

— Неправда. Ты всегда говоришь мне неправду.

— Правда. Ты лучше всех.

— Я уже старая.

— Ты никогда не будешь старая.

— И я болела.

— Если женщина хорошая, это не имеет зна-

чения.

— Положи культяпку сюда. Вот так. Так. Так.

— Мы слишком шумим.

— Мы говорим шепотом.

— Я должен уйти до рассвета.

— Ты спи. Я разбужу тебя. Когда ты вернешься, мы повеселимся. Поедем в Майами и остановимся в гостинице, как когда-то. Совсем как когда-то. В таком месте, где нас никто никогда не видел. Знаешь что? Давай поедем в Новый Орлеан?

— Может быть, — сказал Гарри. — Ладно, Мария, мне теперь надо спать.

— Поедем в Новый Орлеан?

— Отчего не поехать. Только сейчас мне надо спать.

— Ну, спи. Ты мой сладкий. Спи, спи. Я разбужу тебя. Не беспокойся.

Он уснул, вытянув на подушке обрубок ампутированной руки, а она еще долго лежала и смотрела на него. Свет уличного фонаря падал в окно, и его лицо было освещено. Я счастливая, думала она. Глупые девочки. Они не знают, что у них будет. Я знаю, что у меня есть и что у меня было. Я счастливая женщина. Он говорит, как у морской черепахи. Я рада, что это случилось с рукой, а не с ногой. Я бы не хотела, чтоб он

потерял ногу. Почему это нужно было, чтоб он потерял руку? Чудно все-таки, но мне это не мешает. С ним мне ничего не мешает. Я счастливая женщина. Таких мужчин больше нет. Кто не пробовал, тот не знает. У меня их было много. Я счастливая, что мне достался такой. Может ли быть, что черепахи чувствуют то же, что и мы? Может ли быть, что они все время это чувствуют? Или, может быть, самке это больно? Черт знает, о чем только я думаю. Как он спит, совсем как маленький. Лучше мне не спать, чтобы вовремя разбудить его. Господи, я бы это могла всю ночь, если б мужчины были иначе устроены. Я бы хотела так: всю ночь, и совсем не спать. Совсем, совсем, совсем не спать. Совсем-совсем. Только подумать, а? В моем возрасте. Я еще не стара. Он сказал, что я все еще хорошая. Сорок пять, это еще не старость. Я на два года старше его. Как он спит, точно маленький мальчик.

За два часа до рассвета они уже возились в гараже у бака с бензином, наливали и закупоривали бутыли и устанавливали их в багажнике машины. Гарри прицепил к правой руке крючок и очень ловко двигал и поднимал оплетенные ивовыми прутьями бутыли.

— Ты позавтракать не хочешь?

— Когда вернусь.

— Даже кофе не хочешь?

— А есть?

— Есть. Я поставила на плиту, когда мы выходили.

— Ну, принеси сюда.

Она принесла кофе, и он выпил его в темноте, присев на колесо машины. Она взяла чашку и поставила ее на стеллаж.

— Я поеду с тобой, помогу тебе перетаскивать бутыли, — сказала она.

— Ладно, — ответил он, и она села с ним рядом, крупная женщина с длинными ногами, крупными руками, крупными бедрами, все еще красивая, в шляпе, низко надвинутой на крашеные золотистые волосы. В предрассветной темноте и прохладе они ехали по шоссе сквозь туман, тяжело нависший над равниной.

— Чем ты встревожен, Гарри?

— Не знаю. Так просто тревожно. Ты что, решила отпускать волосы?

— Да, думаю, может, отпустить. Девочки все ко мне пристают.

— Ну их к черту. Оставь так, как сейчас.

— Ты правда так хочешь?

— Да, — сказал он. — Мне так нравится.

— Тебе не кажется, что я уже старая и некрасивая?

— Ты красивее их всех.

— Хорошо, я подстригусь опять. Я могу сделать цвет еще светлее, если тебе нравится.

— Что вообще за дело девочкам до того, что ты делаешь? — сказал Гарри. — Нечего им надоедать тебе.

— Ты же знаешь, какие они. Ты же знаешь, девочки всегда такие. Слушай, если у тебя рейс будет удачный, мы поедем в Новый Орлеан, хорошо?

— В Майами.

— Ну, хотя бы в Майами. А их оставим здесь.

— Раньше я должен сделать этот рейс.

— Ты чем-то встревожен, скажи?

— Нет.

— Ты знаешь, я целых четыре часа не могла заснуть, все думала о тебе.

— Ты славная старуха.

— Мне стоит только подумать о тебе, и я сейчас же хочу тебя.

— Ну, теперь давай переливать бензин в баки, — сказал ей Гарри.

Глава тринадцатая

В десять часов утра, в баре Фредди, Гарри стоял у стойки вместе с тремя или четырьмя другими, и только что оттуда вышли двое таможенных чиновников. Они спрашивали его о лодке, и он сказал, что ничего о ней не знает.

— Где вы были вчера вечером? — спросил один из них.

— Здесь и дома.

— До которого часу вы были здесь?

— Пока бар не закрылся.

— Кто-нибудь видел вас здесь?

— Все видели, — сказал Фредди.

— А в чем дело? — спросил их Гарри. — По-вашему, я украл свою собственную лодку. А что бы я стал с ней делать?

— Я только спросил, где вы были, — сказал таможенник. — Не злитесь.

— Я не злюсь, — сказал Гарри. — Я тогда злился, когда у меня забрали лодку без всяких доказательств, что она везла контрабанду.

— У нас было показание, данное под присягой, — сказал таможенный чиновник. — Не я давал это показание. Вы знаете, кто его давал.

— Ну, ладно, — сказал Гарри. — Только не говорите, что я злюсь оттого, что вы меня спросили об этом. Для меня бы лучше, если б она оставалась там, где вы ее привязали. Тогда у меня была бы надежда получить ее обратно. А какие могут быть надежды, если ее украли?

— Никаких, прямо сказать, — ответил ему таможенник.

— Ладно, вы знайте свои бумажонки, — сказал Гарри.

— Только не скандалить, — сказал таможенник, — а не то я вам доставлю случай поскандалить в другом месте.

— Это я пятнадцать лет слышу, — сказал Гарри.

— Пятнадцать лет вы не скандалили.

— Да, и в тюрьме тоже не сидел.

— Так вот и не скандальте, а не то придется посидеть.

— Ладно, успокойтесь, — сказал Гарри. Тут входит придурковатый кубинец, что ездит шофером на такси, и с ним какой-то тип, только что с самолета, и вот Дылда Роджер и говорит кубинцу:

— Хэйсус, у тебя, говорят, ребенок родился?

— Да, сэр, — говорит Хэйсус очень гордо.

— Когда ж это вы поженились? — спросил его

Роджер.

— Прошла месяц. Месяц, который до эта. Вы приходил на свадьба?

— Нет, — сказал Роджер. — Я не приходил на свадьба.

— Вы много потерял, — сказал Хэйсус. — Вы потерял весела свадьба. Почему так, вы не приходил?

— Ты меня не звал.

— Да, да, — сказал Хэйсус. — Я забыл. Я вас не звал. Вы получил, что хотел? — спросил он приезжего.

— Да. Как будто. Это самый дорогой бакарди, какой у вас есть?

— Да, сэр, — ответил ему Фредди. — Это настоящий carta del oro.[7]

— Слушай, Хэйсус, а с чего ты взял, что это твой ребенок? — спрашивает его Роджер. — Это не твой ребенок.

— Как это так не мой ребенок? Как это так? Черт дери, вы не смел так говорить! Как это так не мой ребенок? Вы покупал корову и вы не получал теленок? Это мой ребенок. Черт дери, да. Мой ребенок. Мой собственность. Да, сэр!

---

[7] Примечания: 7
Золотой ярлык (итал.).

Он уходит вместе с приезжим и с бутылкой бакарди, и смеются в конце концов над самим Роджером. Этот Хэйсус — штучка все-таки. Да и тот другой кубинец, Суитуотер, тоже.

Тут входит Краснобай, адвокат, и он говорит Гарри:

— Только что таможенники поехали за вашей лодкой.

Гарри посмотрел на него, и глаза у него были такие, точно он собирался кого-то убить. Краснобай продолжал все так же, без всякого выражения в голосе:

— Кто-то с высокого грузовика увидел ее среди манглий и позвонил по телефону на таможню. Я только что встретил Германа Фредерикса. Он и сказал мне.

Гарри ничего не ответил, но глаза его стали опять, как у всех людей. Потом он сказал Краснобаю:

— Всегда вы все знаете.

— Я думал, вам это будет интересно, — сказал Краснобай тем же ровным голосом.

— Меня это не касается, — сказал Гарри. — Стерегли бы получше.

Оба они стояли у стойки, и ни тот, ни другой не сказал больше ни слова, пока Дылда Роджер и все

остальные не убрались оттуда. Тогда они пошли в помещение за баром.

— Зараза вы, и больше ничего, — сказал Гарри. — За что ни возьметесь, все идет к черту.

— Я виноват, что лодку было видно с грузовика? Вы сами выбирали место. Вы сами ее прятали.

— Заткнитесь, — сказал Гарри. — Почему это раньше там такие высокие грузовики не ездили? Это был для меня последний случай честно заработать деньги. Последний случай пойти в рейс, где пахло деньгами.

— Я вам вовремя дал знать.

— Вы просто старый ворон.

— Ну, будет, — сказал Краснобай. — Они хотят ехать сегодня вечером.

— И пусть себе хотят.

— Они что-то начинают беспокоиться.

— В котором часу они хотят ехать?

— В пять часов.

— Я достану лодку. Отвезу их хоть к черту в зубы.

— Это неплохая мысль.

— Вот накаркаете еще. Не суйтесь в мои дела и не каркайте.

— Слушайте, вы, бешеный, — сказал Краснобай, — я вам хочу помочь, стараюсь для вас…

— А сами только портите. Заткнитесь. С такой заразой, как вы, лучше не связываться.

— Да будет вам, наконец.

— Ну, ладно, — сказал Гарри. — Мне нужно подумать. До сих пор я все обдумывал одну вещь, а теперь я уже ее обдумал, и мне нужно обдумать кое-что другое.

— Почему вы не хотите, чтобы я помог вам?

— Вы приходите сюда в двенадцать часов и принесите залог за лодку.

Когда они вышли в общую комнату, там был Элберт, и он сразу подошел к Гарри.

— Очень жалею, Элберт, но я не могу тебя взять, — сказал Гарри. Это он уже успел обдумать.

— Я бы недорого спросил, — сказал Элберт.

— Очень жалею, — сказал Гарри, — но мне уже не нужно.

— Никто другой с тобой за такую плату не поедет, — сказал Элберт.

— Я поеду один.

— Разве можно в такой рейс пускаться одному? — сказал Элберт.

— Заткнись, — сказал Гарри. — Что ты понимаешь в моих делах. Или тебя этому на общественных работах учат?

— Иди ты к черту, — сказал Элберт.

— Может, и пойду, — сказал Гарри. Всякий, взглянув на него, увидел бы, что он напряженно думает о чем-то и не хочет, чтобы ему мешали.

— Я бы все-таки хотел поехать, — сказал Элберт.

— Я не могу тебя взять, — сказал Гарри. — Знаешь что, оставь меня в покое.

Элберт ушел, а Гарри все стоял у стойки и так смотрел на автоматы для монет в пять, десять и двадцать пять центов и на репродукцию «Последнего бивуака» Кэстера на стене, точно никогда не видел их раньше.

— А ловко Хэйсус отбрил Дылду Роджера насчет ребенка, верно? — сказал ему Фредди, опуская грязные стаканы в лохань с мыльной водой.

— Дай-ка мне пачку «Честерфилдских», — сказал ему Гарри. Он прижал пачку обрубком и, вскрыв ее с одного конца, вынул сигарету и вставил в рот, потом уронил пачку в карман и прикурил у Фредди.

— Твоя лодка в порядке? — спросил он.

— Я на ней недавно ходил, — сказал Фредди. — Она в полном порядке.

— Хочешь, у тебя ее зафрахтуют?

— Для чего?

— Для рейса на Кубу.

— Только под залог полной стоимости.

— А сколько она стоит?

— Тысячу двести долларов.

— Я ее фрахтую, — сказал Гарри. — Мне поверишь без залога?

— Нет, — ответил ему Фредди.

— Отвечаю своим домом.

— Мне твой дом не нужен. Мне нужно тысячу двести монет.

— Идет, — сказал Гарри.

— Раньше деньги принеси, — сказал ему Фредди.

— Когда придет Краснобай, пусть он меня подождет, — сказал Гарри и вышел.

Глава четырнадцатая

Дома Мария и девочки сидели за завтраком.

— Здравствуй, папа, — сказала старшая девочка. — Папа пришел.

— Что у вас на завтрак? — спросил Гарри.

— Есть жареное мясо, — сказала Мария.

— Говорят, твою лодку украли, папа?

— Уже нашли, — сказал Гарри. Мария посмотрела на него.

— Кто нашел? — спросила она.

— Таможенники.

— Ох, Гарри! — сказала она жалостно.

— Ведь это же хорошо, что ее нашли, папа? — спросила вторая девочка.

— За едой не разговаривают, — ответил ей Гарри. — Ну, где же мой завтрак? Чего ты дожидаешься?

— Сейчас несу.

— Мне некогда, — сказал Гарри. — Девочки, вы кончайте и уходите отсюда. Мне надо поговорить с матерью.

— Дай нам денег, папа, мы пойдем в кино.

— Шли бы лучше купаться. Это бесплатно.

— Ну, папа, купаться уже холодно, и нам хо-

чется в кино.

— Ладно, — сказал Гарри. — Ладно. Когда девочки вышли из комнаты, он сказал Марии:

— Ты мне нарежь.

— Сейчас, мой хороший.

Она разрезала ему мясо на кусочки, как маленькому.

— Спасибо, — сказал Гарри. — Ни к черту я теперь не гожусь. От девчонок наших прок невелик, верно?

— Верно, мой хороший.

— Чудно, что у нас не было ни одного мальчика.

— Это потому, что ты такой. От таких мужчин всегда бывают только девочки.

— Какой я теперь, к черту, мужчина, — сказал Гарри. — Слушай, я иду в рейс — прямо к черту в зубы.

— Расскажи, что с лодкой.

— Ее увидели с грузовика. С высокого грузовика.

— Дело дрянь.

— Просто сказать, дерьмо.

— Ну, ну, Гарри, пожалуйста, без таких слов.

— Ты иногда в постели не такие слова говоришь.

— Это другое дело. У себя за столом я не хочу слышать «дерьмо».

— Все дерьмо.

— Ты совсем расстроен, мой хороший, — сказала Мария.

— Нет, — сказал Гарри. — Я просто думаю.

— Ну думай, думай. Я в тебя верю.

— Я тоже в себя верю. Больше мне верить не во что.

— Ты мне не хочешь рассказать, в чем дело?

— Нет. Но не тревожься, что бы ты ни услышала.

— Я не буду тревожиться.

— Слушай, Мария. Подымись наверх и принеси мой «томпсон», а в деревянном ящике найди патроны и проверь, все ли магазины заряжены.

— Не бери автомат.

— Надо.

— Коробки с патронами тоже нужны?

— Нет. Я сам не могу заряжать. У меня есть четыре магазина.

— Скажи, мой хороший, это будет такой рейс?

— Это будет скверный рейс.

— О, господи! — сказала она. — О, господи, как бы я хотела, чтобы тебе не нужно было этого делать.

— Иди достань автомат и принеси сюда. Свари мне кофе.

— Сейчас, — сказала Мария. Она перегнулась через стол и поцеловала его в губы.

— Не трогай меня, — сказал Гарри. — Мне нужно подумать.

Он сидел за столом и смотрел на пианино, буфет и радиоприемник, гравюру «Сентябрьское утро» и гравюры с купидонами, поднимающими лук над головой, блестящий дубовый стол и блестящие дубовые стулья и занавеси на окнах и думал: придется ли еще спокойно жить у себя дома? Почему мне теперь хуже, чем было, когда я начинал? Если я не разыграю как следует эту партию — пропало и это все. Нет, черта с два. У меня и шестидесяти долларов не осталось, если не считать дома, но я все поставлю на карту. Чертовы девчонки! Ничего лучшего мы со старухой не сумели сделать. Может быть, все мальчики кончились в ней еще до того, как мы поженились?

— Вот, — сказала Мария, держа автомат за холщовый ремень. — Все четыре полны.

— Мне пора, — сказал Гарри. Он поднял разобранный на части автомат Томпсона, бесформенной грудой оттягивавший замасленный холщовый чехол. — Положи в машину, под пе-

реднее сиденье.

— До свидания, — сказала Мария.

— До свидания, старушка.

— Я не буду тревожиться. Но смотри береги себя.

— Ох, Гарри, — сказала она и крепко прижала его к себе.

— Ну, пусти. Некогда мне.

Он потрепал ее по плечу своей культяпкой.

— Ты, морская черепаха, — сказала она. — Ох, Гарри! Будь осторожен.

— Мне пора. До свидания, старуха.

— До свидания, Гарри.

Она смотрела, как он вышел из дому, высокий, широкоплечий, прямой, с узкими бедрами, все еще по-звериному гибкий в движении, думала она, быстрый и легкий и еще не старый, он так свободно и плавно двигается, думала она, и когда он садился в машину, она увидела его светлые, выжженные солнцем волосы, его лицо с широкими монгольскими скулами и узкие глаза, перешибленную переносицу, большой рот и круглый подбородок, и, садясь в машину, он улыбнулся ей, и она заплакала. Проклятое лицо, думала она. Как только увижу это проклятое лицо, мне хочется плакать.

Глава пятнадцатая

Трое туристов сидели у стойки в баре Фредди, и Фредди наливал им. Один был очень высокий, худой, широкоплечий мужчина, в шортах и в очках с толстыми стеклами, загорелый, с коротко подстриженными рыжеватыми усиками. У его спутницы были светлые вьющиеся волосы, остриженные по-мужски, землистый цвет кожи и сложение женщины-борца. Она тоже была в шортах.

— Все — мура, — говорила она третьему туристу, у которого было одутловатое багровое лицо, усы цвета ржавчины, белая полотняная кепка с зеленым целлулоидным козырьком и странная манера произносить слова, оттопыривая губы, как будто он ел что-то слишком горячее.

— Очаровательно, — сказал человек с зеленым козырьком. — Я еще никогда не слыхал этого выражения в разговоре. Я полагал, что это коллоквиальный оборот, из числа тех, которые не употребляются в… э-э… литературной речи.

— Мура и есть, — сказала дама, похожая на борца, в неожиданном приступе кокетства награждая его возможностью полюбоваться ее

прыщеватым профилем.

— Прелестно, — сказал человек с зеленым козырьком. — Вы так мило это произносите. Интересно, откуда пошло это выражение?

— Не обижайтесь на нее. Это моя жена, — сказал высокий турист. — Вы с ней знакомы?

— А все равно все — мура, — сказала жена. — Как вы себя тут чувствуете?

— Ничего, — сказал человек с зеленым козырьком. — А вы как?

— Она себя чувствует замечательно, — сказал высокий. — Вот увидите сами.

Тут как раз вошел Гарри, и жена высокого туриста сказала:

— До чего бесподобен! Как раз то, что я хотела. Купи мне это, папочка!

— Можно мне с тобой поговорить? — сказал Гарри, обращаясь к Фредди.

— Ну конечно. Сейчас же и о чем угодно, — сказала жена высокого туриста.

— Заткнись ты, шлюха, — сказал Гарри. — Выйдем туда, Фредди.

В задней комнате за столом сидел Краснобай.

— Привет, дружище, — сказал он Гарри.

— Заткнитесь, — сказал Гарри.

— Слушай, — сказал Фредди. — Ты это, пожа-

луйста, брось. Когда приходят по делу, так не ругаются. Даму шлюхой не называют в приличном заведении.

— Шлюха и есть, — сказал Гарри. — Слышал, что она мне сказала?

— Что бы там ни было, а в лицо так не говорят.

— Ну, ладно. Вы принесли деньги?

— Конечно, — сказал Краснобай. — Почему бы мне не принести деньги? Разве я не сказал, что принесу деньги?

— Покажите-ка.

Краснобай передал ему деньги. Гарри сосчитал десять бумажек по сотне долларов и четыре по двадцать.

— Должно быть тысяча двести.

— Это за вычетом моей комиссии, — сказал Краснобай.

— Дайте сюда остальное!

— Нет.

— Дайте!

— Не дурите.

— Берегись, гнида!

— Уймись, буян, — сказал Краснобай. — Не вздумайте отнимать их силой, потому что их у меня тут нет.

— Ясно, — сказал Гарри. — Я должен был по-

думать об этом. Слушай, Фредди. Мы с тобой не первый день знакомы. Я знаю, что твоя лодка стоит тысячу двести долларов. Тут не хватает ста двадцати. Возьми и рискни остальными и платой за фрахт.

— Триста двадцать долларов, значит, — сказал Фредди. Это было нешуточное дело для него, рискнуть такой суммой, и он даже вспотел, думая об этом.

— У меня есть машина и радиоприемник, которые стоят этих денег, можешь их считать залогом.

— Я могу составить залоговый акт, — сказал Краснобай.

— Не надо мне никаких актов, — сказал Фредди. Он снова вспотел, и в его голосе слышалось колебание. Потом он сказал: — Ладно, я рискну. Но, ради бога, будь осторожен с лодкой, обещаешь, Гарри?

— Как со своей.

— Свою ты упустил, — сказал Фредди, вспотев еще сильнее, так как это воспоминание удвоило его муки.

— Я буду очень осторожен.

— Я положу деньги в свой сейф в банке, — сказал Фредди.

Гарри посмотрел на Краснобая.

— Место надежное, — сказал он и усмехнулся.

— Хозяин! — позвал кто-то из бара.

— Это тебя, — сказал Гарри.

— Хозяин! — послышался тот же голос. Фредди вышел в бар.

— Этот человек оскорбил меня, — услышал Гарри визгливый голос, но он уже разговаривал с Краснобаем.

— Я буду стоять у пристани, в конце улицы. Это с полквартала, не дальше.

— Ладно.

— Вот и все.

— Ладно, дружище!

— Я вам не дружище!

— Ну, как хотите.

— Я там буду с четырех часов.

— Еще что?

— Они должны захватить лодку силой, понятно? Я ничего не знаю. Я просто проверяю мотор. У меня даже ничего не готово для рейса. Я нанял у Фредди лодку, чтобы везти любителей на рыбную ловлю. Они должны под угрозой револьвера заставить меня запустить мотор и сами должны перерубить канаты.

— А как же Фредди? У него-то вы не для рыбной

ловли ее просили?

— Фредди я скажу.

— Не советую.

— Скажу.

— Не советую.

— Слушайте, я еще во время войны делал дела с Фредди. Дважды мы с ним были компаньонами, и никогда у нас не выходило неприятностей. Вы знаете, сколько я ему возил товару. Из всей городской сволочи он единственный, кому я могу довериться.

— Я бы никому не стал доверяться.

— Вы-то нет. Каждый ведь по себе судит.

— Не обо мне разговор.

— Ну, ладно. Идите теперь к своим приятелям. А что вы будете говорить?

— Они кубинцы. Я встретил их в гостинице. Одному из них нужно помочь получить по акцептованному чеку. Что тут невероятного?

— И вы ничего не заметили?

— Ничего. Я уговорился встретиться с ними в банке.

— На чем они приедут?

— На такси.

— А шофер что будет думать, — что они музыканты, что ли?

— Мы найдем такого, который вообще не думает. В этом городе сколько угодно таких. Взять хоть Хэйсуса.

— Хэйсус себе на уме. Он только разговаривает, как дурачок.

— Я скажу им, чтоб выбрали поглупее.

— Достаньте такого, у которого нет детей.

— У них у всех есть дети. Видели вы когда-нибудь бездетного шофера такси?

— Продажная вы шкура!

— Зато я никогда еще никого не убивал, — ответил ему Краснобай.

— И никогда не убьете. Давайте выйдем отсюда. С вами, когда сидишь, точно вшей набираешься.

— Они у вас, верно, и так есть.

— А разве они от разговоров заводятся?

— Если не заклеить рта.

— Вот вы и заклейте свой. А я пойду выпью, — сказал Гарри.

В первой комнате бара туристы сидели на своих высоких табуретах. Когда Гарри подошел к стойке, женщина повернулась к нему спиной в знак своего отвращения.

— Что будешь пить? — спросил Фредди.

— Что пьет дамочка? — спросил Гарри.

— Cuba libre.

— Тогда мне дай чистого виски.

Высокий рыжеусый турист в очках с толстыми стеклами наклонил к Гарри свое широкое, с прямым носом лицо и сказал:

— Послушайте, с какой стати вы нагрубили моей жене?

Гарри оглядел его сверху донизу и сказал Фредди:

— Что это у тебя тут делается?

— А все-таки? — спросил высокий.

— Успокойтесь, — сказал ему Гарри.

— Со мной это вам даром не пройдет.

— Слушайте, — сказал Гарри. — Вы приехали сюда, чтоб поправиться и набраться сил, так? Вот и успокойтесь. — И он вышел из бара.

— Вероятно, я должен был его ударить, — сказал высокий турист. — Как ты думаешь, дорогая?

— Жаль, что я не мужчина, — сказала его жена.

— Вы бы далеко пошли при таком сложении, — сказал в свою кружку человек с зеленым козырьком.

— Что вы сказали? — спросил высокий.

— Я сказал, что вы можете узнать его фамилию и адрес и написать ему письмо с изложением всего, что вы о нем думаете.

— Послушайте, как ваша фамилия? Вы, кажется, смеетесь надо мной.

— Можете звать меня профессор Мак-Уолси.

— Моя фамилия Лафтон, — сказал высокий. — Я писатель.

— Очень рад познакомиться, — сказал профессор Мак-Уолси. — И часто вы пишете?

Высокий человек посмотрел по сторонам.

— Уйдем отсюда, дорогая, — сказал он. — Здесь все или нахалы, или сумасшедшие.

— Это необыкновенный уголок, — сказал профессор Мак-Уолси. — Но поистине обворожительный. Его называют американским Гибралтаром, и он на триста семьдесят пять миль южнее Каира. Правда, этот бар единственное, что я здесь успел повидать. Бар, впрочем, хороший.

— Я вижу, вы в самом деле профессор, — сказала жена. — Знаете, вы мне нравитесь.

— Вы мне тоже нравитесь, милочка, — сказал профессор Мак-Уолси. — Но мне пора уходить. Он встал и пошел искать свой велосипед.

— Здесь все сумасшедшие, — сказал высокий. — Выпьем еще, дорогая.

— Мне понравился профессор, — сказала жена. — Он очень обходительный.

— А тот, что приходил…

— Ах, он просто красавец, — сказала жена. — Похож на татарина. Жаль, что он такой нахал. У него лицо просто как у какого-то Чингис-хана. Ух, до чего хорош.

— У него нет одной руки, — сказал ее муж.

— Я не заметила, — сказала жена. — Выпьем еще. Интересно, кого мы тут еще увидим?

— Может быть, Тамерлана, — сказал ее муж.

— Ух, какой ты ученый, — сказала жена. — Но с меня довольно этого Чингис-хана. Почему профессору понравилось, что я говорю «мура»?

— Не знаю, дорогая, — сказал Лафтон, писатель. — Мне это никогда не нравилось.

— Я ему, видно, понравилась такой, как я есть, — сказала жена. — До чего мил!

— Ты его, вероятно, увидишь еще.

— Вы его всегда увидите, когда бы ни пришли сюда, — сказал Фредди. — Он тут живет. Он уже две недели тут.

— А кто тот человек, который так грубо разговаривает?

— Тот? А это наш, здешний.

— Чем он занимается?

— Да всем понемножку, — ответил ей Фредди. — Он рыбак.

— Почему у него нет руки?

— Не знаю. Повредил где-то.

— Какой красивый! — сказала жена. Фредди засмеялся.

— Много чего мне о нем приходилось слышать, но такого не слыхал никогда.

— По-вашему, у него не красивое лицо?

— Будет вам, леди, — ответил ей Фредди. — У него лицо похоже на свиной окорок, да еще нос переломлен.

— Фу, какие мужчины глупые! — сказала жена. — Он мне по ночам снился.

— Дурные сны вам снятся, — сказал Фредди. Все это время лицо писателя сохраняло какое-то бессмысленное выражение, которое сходило только в те минуты, когда он восхищенно глядел на свою жену. Нужно в самом деле быть писателем или чиновником Управления общественных работ, чтобы иметь такую жену, подумал Фредди. Господи, ну и страшилище!

Тут в бар вошел Элберт.

— Где Гарри?

— Пошел на пристань.

— Спасибо, — сказал Элберт.

Он ушел, а жена и писатель по-прежнему сидели у стойки, и Фредди стоял у стойки, беспокоясь о своей лодке и думая о том, как у него болят

ноги, оттого что приходится стоять целый день. Он сделал поверх цементного пола деревянную решетку, но это не очень помогло. Ноги все время ныли. Зато торговля у него идет хорошо, лучше всех в городе, и накладных расходов меньше. Ну и чучело все-таки эта баба! И мужчина тоже хорош, если не нашел себе лучшей. С такой даже с закрытыми глазами не рискнешь, подумал Фредди. А заказывают все время коктейли. Дорогие коктейли. И то хорошо.

— Да, сэр — сказал он. — Сию минуту.

Вошел загорелый, светловолосый, хорошо сложенный мужчина в полосатой матросской фуфайке и шортах защитного цвета и с ним очень хорошенькая смуглая молодая женщина в белом шерстяном свитере и темно-синих брюках.

— Кого я вижу! — сказал Лафтон, вставая. — Это же Ричард Гордон с прелестной миссис Эллен.

— Привет, Лафтон, — сказал Ричард Гордон. — Не видели вы тут пьяного профессора?

— Он только что вышел отсюда, — сказал Фредди.

— Хочешь вермуту, детка? — спросил Ричард Гордон свою жену.

— Если ты будешь, я тоже выпью. — сказала она. Потом поздоровалась с обоими Лафтонами. —

Мне, пожалуйста, пополам, Фредди, французский с итальянским.

Она сидела на высоком табурете, поставив ноги на перекладину, и смотрела в окно. Фредди смотрел на нее с восхищением. Он считал, что она самая хорошенькая из всех женщин, проводивших эту зиму в Ки-Уэст. Лучше даже, чем прославленная красавица миссис Брэдли. Миссис Брэдли уже начинала полнеть. У этой молодой женщины было миловидное лицо ирландки, темные локоны почти до самых плеч и гладкая, чистая кожа. Фредди посмотрел на ее смуглую руку, державшую стакан.

— Как работа? — спросил Лафтон у Ричарда Гордона.

— Идет неплохо, — сказал Гордон. — А у вас как?

— Джеймс не хочет работать, — сказала миссис Лафтон, — он только пьет.

— Скажите, кто такой этот профессор Мак-Уолси? — спросил Лафтон.

— Какой-то профессор экономики, кажется, а сейчас в годичном отпуску или что-то в этом роде. Это приятель Эллен.

— Он мне нравится, — сказала Эллен Гордон.

— Он мне тоже нравится, — сказала миссис

Лафтон.

— Он мне первой понравился, — радостно сказала Эллен Гордон.

— О, можете взять его себе, — сказала миссис Лафтон. — Такие примерные девочки, как вы, всегда получают, что хотят.

— Оттого мы такие примерные, — сказала Эллен Гордон.

— Я выпью еще вермуту, — сказал Ричард Гордон. — А вы? — спросил он Лафтонов.

— Можно, — сказал Лафтон. — Скажите, вы идете завтра на вечер, который устраивает Брэдли?

— Конечно, он идет, — сказала Эллен Гордон.

— Она мне нравится, знаете, — сказал Ричард Гордон. — Она интересует меня и как женщина, и как социальное явление.

— Ух! — сказала миссис Лафтон. — Вы выражаетесь почти так же учено, как профессор.

— Не стоит кичиться своим невежеством, дорогая, — сказал Лафтон.

— А с социальными явлениями спят? — спросила Эллен Гордон, глядя в открытую дверь.

— Не говори глупостей, — сказал Ричард Гордон.

— Я хочу узнать, входит ли это в задачи писателя? — спросила Эллен.

— Писатель должен знать обо всем, — сказал Ричард Гордон. — Он не может ограничивать свой жизненный опыт в угоду буржуазной морали.

— Вот как, — сказала Эллен Гордон. — А что должна делать жена писателя?

— Массу всяких вещей, — сказала миссис Лафтон. — Ах, вы бы видели, только что сюда приходил человек и оскорбил меня и Джеймса. Какой страшный!

— Я должен был его ударить, — сказал Лафтон.

— Очень страшный, — сказала миссис Лафтон.

— Я иду домой, — сказала Эллен Гордон. — Ты идешь, Дик?

— Я, пожалуй, еще побуду в городе, — сказал Ричард Гордон.

— Да? — сказала Эллен Гордон, глядясь в зеркало поверх головы Фредди.

— Да, — сказал Ричард Гордон. Фредди, глядя на нее, подумал, что она сейчас заплачет. Ему не хотелось, чтоб это случилось в баре.

— Хочешь еще чего-нибудь выпить? — спросил ее Ричард Гордон.

— Нет. — Она покачала головой.

— Скажите, что такое с вами? — спросила миссис Лафтон. — Разве вам здесь не весело?

— Мне страшно весело, — сказала Эллен Гор-

дон. — Но все-таки я, пожалуй, пойду домой.

— Я вернусь рано, — сказал Ричард Гордон.

— Можешь не торопиться, — ответила она. Она вышла. Она так и не заплакала. И Джона Мак-Уолси она так и не нашла.

Глава шестнадцатая

Гарри Морган оставил машину у пристани, против того места, где стояла лодка Фредди, убедился, что вокруг никого нет, приподнял переднее сиденье, вытащил плоский холщовый, заскорузлый от масла чехол и бросил его на дно лодки.

Он вошел сам, и поднял средний люк, и спрятал чехол с автоматом внизу, между моторами. Он открыл клапаны и запустил оба мотора. Правый мотор спустя несколько минут заработал бесперебойно, но левый заскакивал на втором и четвертом цилиндрах, и он обнаружил трещины в запальных свечах и поискал запасных свечей, но не мог найти.

«Надо налить бензин и достать новые свечи», — подумал он.

Сидя внизу, у моторов, он расстегнул чехол и собрал автомат. Он нашел два куска широкого ремня и четыре винта и, сделав в коже прорезы, устроил нечто вроде двойной лямки, в которой и укрепил автомат под самой палубой, слева от люка, как раз над левым мотором. Автомат висел в ней, слегка покачиваясь, и он выбрал один из четырех магазинов, лежавших в боковых отделе-

ниях чехла, и вставил его на место. Опустившись на колени между моторами, он протянул руку и попытался схватить автомат. Достаточно было двух движений. Сначала отцепить кусок ремня, который проходил под прикладом. Потом вытянуть пулемет из второй петли. Он попробовал, и это было нетрудно, даже одной рукой. Он передвинул рычажок с полуавтоматического хода на автоматический и удостоверился, что предохранитель закрыт. Затем он снова укрепил автомат в лямке. Он не мог придумать, куда положить запасные магазины; поэтому он засунул чехол под бензиновый бак, откуда его было легко достать, и магазины уложил концами к себе. При первом же удобном случае, когда мы уже будем в пути, я могу взять два и положить в карман, подумал он.

Он встал. День был хороший, не слишком холодный, и дул легкий северный бриз. День в самом деле был славный. Уже начался отлив, и у самого берега сидели на сваях два пеликана. Темно-зеленая рыбачья лодка пропыхтела мимо, в сторону рыбного рынка; негр-рыбак сидел на корме у руля. Гарри посмотрел на воду, спокойную под береговым ветром, серо-голубую в лучах солнца, и на песчаный островок, образовавшийся, когда в этом месте углубляли дно. Над

островом летали белые чайки.

Тихая будет ночь, подумал Гарри. Славная ночь для переправы.

Он немного вспотел от возни внизу, у моторов, и, выпрямившись, вытер тряпкой лицо.

На пристани стоял Элберт.

— Слушай, Гарри, — сказал он. — Может, ты все-таки возьмешь меня с собой?

— А что еще случилось?

— Нас на общественных работах переводят на трехдневную неделю. Я только сегодня узнал об этом. Мне нужно искать что-нибудь другое.

— Ладно, — сказал Гарри. За это время он опять передумал. — Ладно.

— Вот и хорошо, — сказал Элберт. — А то я боялся показаться на глаза своей старухе. Она мне устроила утром такую трепку, как будто это я сократил общественные работы.

— Да что она, в самом деле, твоя старуха, — весело сказал Гарри. — Ты бы ее отодрал разок.

— Попробуй, отдери, — сказал Элберт. — Хотел бы я услышать, что она скажет на это. У нее такой язык, что лучше не связываться.

— Слушай, Эл, — сказал ему Гарри. — Бери мою машину, поезжай в порт на железоскобяной склад и купи шесть запальных свечей, таких, как

эта. Потом купи на двадцать центов льду и полдюжины краснобородок. Купи две банки кофе, четыре банки мясных консервов, две буханки хлеба и две банки сгущенного молока. Заезжай к Синклеру и скажи, чтоб сюда доставили полтораста галлонов бензину. Возвращайся как можно скорее и перемени в левом моторе вторую и четвертую свечу, считая от маховика. Скажи, что за бензин я заплачу потом сам. Пусть подождут, или ищут меня у Фредди. Запомнишь все, что я тебе сказал? Мы завтра выходим с любителями на тарпона.

— Уже слишком холодно для тарпона, — сказал Элберт.

— Мои любители говорят, что нет, — сказал ему Гарри.

— Может быть, лучше взять дюжину краснобородок? — спросил Элберт. — На всякий случай, вдруг на них щуки накинутся. Тут у берегов теперь видимо-невидимо морских щук.

— Ну, бери дюжину. Только чтобы через час ты был на месте и бензин налит.

— Зачем тебе столько бензину?

— Придется, может быть, день и ночь пробыть в море, и у нас не будет времени заправляться.

— А куда делись те кубинцы, которых ты хотел

перевезти?

— Ничего с тех пор о них не слышал.

— Хорошее было дело!

— Это тоже не плохое. Ну, собирайся.

— Сколько я буду получать?

— Пять монет в день, — сказал Гарри. — Не хочешь, не надо.

— Ладно, — сказал Элберт. — Какие, ты говорил, свечи?

— Вторая и четвертая, считая от маховика, — ответил ему Гарри. Элберт кивнул головой.

— Постараюсь запомнить, — сказал он. Он сел в машину, развернулся и покатил по улице.

Со своего места на лодке Гарри хорошо видел каменное здание и главный подъезд Первого американского кредитного банка. Банк стоял в начале улицы, не дальше квартала от пристани. Бокового подъезда Гарри не мог видеть. Он посмотрел на часы. Было начало третьего. Он захлопнул средний люк и вылез на пристань. Ну, была не была, подумал он. Я сделал все, что мог. Пойду потолкую с Фредди, а потом вернусь и буду ждать. Выйдя с пристани, он повернул налево и пошел переулком, чтобы не проходить мимо банка.

Глава семнадцатая

Сидя у Фредди, он хотел рассказать ему обо всем, но не смог. В баре никого не было, и он сидел на табурете и хотел рассказать, но это было невозможно. Когда он уже совсем собрался рассказывать, он почувствовал, что Фредди на это не пойдет. Когда-то, может быть, и пошел бы, но теперь нет. А может, и тогда не пошел бы. Только когда он подумал о том, чтобы рассказать Фредди, он понял, какое это скверное дело. Можно просто остаться здесь, подумал он, и тогда ничего не будет. Можно просто остаться здесь и выпить еще несколько стаканов и опьянеть, и тогда я не впутаюсь в это. Вот только, что «томпсон» мой там. Но никто, кроме моей старухи, не знает, что он мой. Я купил его на Кубе, в один из рейсов, когда я еще возил контрабанду. Никто не знает, что я купил его. Можно сейчас остаться здесь и разделаться с этим. Но как же тогда жить? Откуда взять средства, чтобы прокормить Марию и девочек? У меня нет лодки, нет денег, у меня нет образования. Что может делать безрукий калека? Можно остаться здесь и выпить еще, ну, пять стаканов, и тогда все сорвется, я пропущу время.

А можно ничего не делать, и будь что будет.

— Дай чего-нибудь выпить, — сказал он Фредди. Сейчас можно продать дом или внаем сдать, пока я не найду какую-нибудь работу. Какую работу? Никакой работы. Можно пойти в банк и донести, а что я получу за это? Спасибо. Ну конечно. Спасибо. Кубинские гады-чиновники стреляли в меня без всякой надобности, и это стоило мне руки, а американские отняли у меня лодку. Что ж, теперь еще и от дома отказаться и получить спасибо? Нет, спасибо. К чертовой матери, подумал он. У меня нет выбора.

Ему хотелось рассказать Фредди, чтобы хоть кто-нибудь знал, что он собирается сделать. Но он не мог ему рассказать, потому что он знал, что Фредди не пойдет на это. Он теперь наживает большие деньги. Днем у него почти никого нет, зато потом бар набит до двух часов ночи. Его нужда за горло не берет. Гарри знал, что он не пойдет на это. Я должен сделать это один, думал он, да еще с этим злосчастным Элбертом. Господи, до чего голодный был у него вид, когда он стоял там, на пристани. Есть кончи, которые умрут с голоду, прежде чем решатся украсть. Сколько теперь в городе таких, с пустым брюхом. Но никто из них пальцем не шевельнет. Будут умирать с голоду

понемножку, день за днем. Они с рождения только этим и занимаются; не все, но многие.

— Слушай, Фредди, — сказал он. — Мне нужно две бутылки.

— Чего?

— Бакарди.

— Ладно.

— Только откупорь их. Ты ведь знаешь, я зафрахтовал твою лодку, чтобы перевезти компанию кубинцев.

— Да, ты говорил.

— Я не знаю, когда они поедут. Может быть, сегодня вечером. Мне еще не дали знать.

— Лодка может выйти когда угодно. Сегодня ночь будет тихая, ехать хорошо.

— Они как будто хотели сегодня выехать на рыбную ловлю.

— На борту есть снасть, если ее еще не утащили пеликаны.

— Нет, она там.

— Ну что ж, счастливого пути, — сказал Фредди.

— Спасибо. Вот что, дай мне еще бутылку.

— Чего?

— Виски.

— Ты, кажется, пьешь бакарди?

— Это я буду пить, если замерзну ночью в море.

— Будешь идти все время при попутном ветре, — сказал Фредди. — Я бы сам охотно пошел в рейс в такую ночь.

— Да, ночь должна быть хорошая. Так дашь мне еще бутылку?

Тут вошли высокий турист и его жена.

— Да ведь это же мой красавец, — сказала она и уселась на табурет рядом с Гарри. Он оглянулся на нее и встал.

— Я еще зайду, Фредди, — сказал он. — Пойду на пристань, может, мои рыболовы хотят выехать.

— Не уходите, — сказала жена. — Пожалуйста, не уходите.

— Не валяй дурака, — сказал ей Гарри и вышел из бара.

Ричард Гордон шел по улице, направляясь к большой зимней вилле Брэдли. Он рассчитывал, что миссис Брэдли сейчас одна. Наверно, она сейчас одна. Миссис Брэдли коллекционировала писателей, точно так же, как она коллекционировала их книги, но Ричард Гордон еще не знал этого. Его жена в это время шла берегом домой. Она так и не встретила Джона Мак-Уолси. Может быть, она увидит его из окна, когда он пройдет

мимо ее дома.

Глава восемнадцатая

Элберт был уже на лодке, и баки были наполнены бензином.

— Я запущу мотор и проверю те два цилиндра, — сказал Гарри. — Ты уложил провизию?

— Да.

— Так приготовь наживку.

— Ты хочешь крупную наживку?

— Крупную. Для тарпона.

Элберт на корме готовил наживку, а Гарри у штурвала разогревал мотор, как вдруг на берегу что-то бахнуло, как будто лопнула автомобильная шина. Он оглянулся и увидел, как из банка выбежал человек. В руке у него был револьвер. Он бежал по улице, пока не скрылся из виду. Выбежали еще двое с револьверами и кожаными портфелями и побежали в том же направлении. Гарри оглянулся на Элберта, занятого наживкой. Четвертый, тот рослый широколицый кубинец, который говорил с ним в баре, показался в дверях банка с томпсоновским автоматом в руках, и когда он начал пятиться от двери, в банке протяжно и надрывно завыла сирена, и Гарри увидел, как дуло автомата задергалось, скок-скок, и услышал

боп-боп-боп-боп, дробное и глухое среди воя сирены. Человек повернулся и побежал, выстрелив еще раз в дверь банка, и когда Элберт, вскочив, закричал: «Господи, банк грабят! Господи, что нам делать!» — Гарри услышал в переулке шум машины и увидел фордик-такси, во всю мочь несущийся к пристани.

Трое кубинцев сидели сзади и один рядом с шофером.

— Где лодка? — заорал один по-испански.

— Вот она, болван, — сказал другой.

— Это не та лодка.

— Капитан тот самый.

— Живей. Живей, черт тебя побери!

— Вылезай, — сказал один кубинец шоферу. — Руки вверх.

Когда шофер вышел из машины, он засунул ему за пояс нож и, рванув к себе, разрезал на нем пояс и брюки почти до колен. Он дернул брюки вниз.

— Не двигаться, — сказал он.

Те двое, у которых были портфели, швырнули их на дно лодки, и все четверо, толкая друг друга, бросились в лодку.

— Пошел, — сказал один. Рослый с автоматом ткнул Гарри дулом в спину.

— Живо, капитан, — сказал он. — Поехали.

— Только поспокойнее, — сказал Гарри. — Отверните эту штуку куда-нибудь в сторону.

— Отчаливай, — сказал рослый. И Элберту: — Ну-ка.

— Стой, Гарри! — закричал Элберт. — Не запускай моторы. Это бандиты, они ограбили банк.

Рослый кубинец повернулся, взмахнул своим «томпсоном» и направил его на Элберта.

— Ой, не надо! Не надо! — сказал Элберт. — Не надо!

Дуло было так близко от его груди, что все три пули вошли почти рядом. Элберт медленно опустился на колени, с выпученными глазами, с раскрытым ртом. Казалось, он еще раз хочет сказать: «Не надо!» — Обойдешься без помощника, — сказал рослый кубинец. — Сволочь однорукая! — Потом по-испански: — Возьмите нож и перережьте канаты. — И по-английски: — Живо. Поехали. — Потом по-испански: — Приставьте ему к спине револьвер! — И по-английски: — Живо. Поехали, не то я тебе голову размозжу!

— Сейчас поедем, — сказал Гарри.

Один из меднокожих кубинцев приставил ему пистолет к боку, с той стороны, где не было руки. Дуло почти касалось крючка на культяпке.

Когда он отваливал от пристани, поворачивая

штурвал здоровой рукой, он оглянулся назад, чтобы не задеть свай, и на корме увидел Элберта, на коленях, в темной луже, со свесившейся теперь набок головой. На пристани стояло такси, и рядом с ним толстый шофер, в одних подштанниках, брюки сползли у него до самых щиколоток, руки все еще были подняты над головой, рот раскрыт почти так же широко, как у Элберта. Все еще никого не было видно на улице.

Сваи пристани остались позади, и он уже вел лодку мимо маяка к выходу в открытое море.

— Живо, живо, — сказал рослый кубинец. — Давай полный ход.

— Уберите револьвер! — сказал Гарри. Он думал: — Можно посадить ее на мель у Кроуфиш-Бара, но этот чертов кубинец сейчас же прихлопнет меня.

— Ходу, ходу, — сказал рослый кубинец. Потом по-испански: — Все ложись. Капитана держать на мушке. — Сам он лег на корме, стащив Элберта в кокпит. Остальные трое плашмя растянулись на дне кокпита. Гарри сидел на штурвальной скамье. Глядя вперед, он вел лодку мимо входа в гавань для морских яхт и мимо зеленой мигалки, в объезд мола, потом мимо форта, мимо красной мигалки; тут он оглянулся назад. Рослый кубинец

вынул из кармана зеленую коробку с патронами и заряжал магазин. Автомат лежал рядом с ним, и он заряжал, не глядя, ощупью, глядя назад, за корму. Остальные тоже смотрели назад, кроме того, который сторожил Гарри. Это был один из меднокожих, и он револьвером сделал ему знак смотреть вперед. Погони за ними еще не было. Моторы работали бесперебойно, и благодаря отливу идти было легко. Проходя мимо, он заметил, как грузно наклонился в сторону моря буй, вокруг которого бурлило течение.

Есть две быстроходные лодки, которые могут нагнать нас, думал Гарри. Одна — моторная лодка Рэя — возит почту из Матекумбе. Где сейчас вторая? Несколько дней тому назад я видел ее на судоверфи Эда Тэйлора, вспомнил он. Это та самая, которую я хотел нанять через Краснобая. Нет, есть еще две, поправил он себя. Одну Государственное дорожное управление держит на островах. Другая стоит в Гаррисон-Байт. На сколько мы отошли? Он оглянулся и увидел, что форт уже далеко позади, краснокирпичное здание старого почтамта уже показалось из-за построек Военного порта, и желтое здание отеля стало теперь самой высокой точкой короткого городского горизонта. Виднелась бухта у форта и

вышка маяка над шеренгой домов, тянувшейся к большому зимнему отелю. Мили четыре, не меньше, подумал он. А, вот и погоня, подумал он. Две белые рыбацкие лодки огибали волнорез, направляясь им вдогонку. Эти и десяти миль в час не сделают, подумал он.

Кубинцы переговаривались по-испански.

— Какая у вас скорость, капитан? — спросил рослый, глядя с кормы назад.

— Около двенадцати, — сказал Гарри.

— Сколько могут делать те лодки?

— Не больше десяти.

Теперь все кубинцы смотрели назад, даже и тот, который должен был держать его, Гарри, на мушке. «Но что я могу сделать? — подумал он. — Ничего пока не сделаешь!» Две белые лодки не становились больше.

— Посмотри-ка сюда, Роберто, — сказал тот, что был повежливее.

— Куда?

— Посмотри.

Далеко позади, так что едва можно было разглядеть, взлетело над водой небольшое облако.

— Они стреляют в нас, — сказал тот, что был повежливее. — Как глупо!

— С ума сошли, — сказал широколицый. — На

расстоянии трех миль!

Четырех, подумал Гарри. Все четыре будет!

Гарри видел, как крошечные облака взлетали над гладкой поверхностью воды, но не слышал звука выстрелов.

Куда им, этим кончам, подумал он. Смех один.

— Есть здесь какое-нибудь правительственное судно, капитан? — спросил широколицый, повернув голову к Гарри.

— Катер береговой охраны.

— Сколько он может делать в час?

— Не больше двенадцати.

— Значит, нам нечего опасаться?

Гарри не отвечал.

— Чего же нам еще опасаться?

Гарри ничего не говорил. Он оставил слева вытягивавшийся все выше и шире остроконечный конус Сэнд-Ки, а отмели Сэнд-Ки приходились теперь почти под прямым углом к его правому борту. Еще четверть часа — и они минуют полосу мелей.

— Что с тобой такое? Говорить разучился?

— Что вы спрашивали?

— Может еще кто-нибудь догнать нас?

— Самолет береговой охраны, — сказал Гарри.

— Мы перерезали телефонные провода, как

только приехали в город, — сказал тот, что был повежливее.

— А радио вы тоже перерезали? — спросил Гарри.

— Вы думаете, самолет может долететь сюда?

— Пока не стемнеет, можно его ожидать, — сказал Гарри.

— А ты как думаешь, капитан? — спросил Роберто, широколицый. Гарри не отвечал.

— Ну же, как ты думаешь?

— Зачем вы дали этой сволочи убить моего помощника? — сказал Гарри вежливому, который стоял рядом с ним и следил за курсом по компасу.

— Молчать, — сказал Роберто. — Тебя тоже убью.

— Сколько вы взяли денег? — спросил Гарри вежливого.

— Мы не знаем. Мы еще не считали. Все равно, ведь эти деньги не наши.

— Вот это верно, — сказал Гарри. Он уже миновал маяк и взял курс по компасу 225° — как всегда, когда шел на Гавану.

— Я хочу сказать, что мы сделали это не для себя. Для нашей организации.

— А моего помощника убили — тоже для вашей

организации?

— Мне очень жаль, — сказал юноша. — Не могу передать вам, до чего это мне тяжело.

— А вы и не старайтесь, — сказал Гарри.

— Видите ли, — сказал юноша спокойным тоном, — этот Роберто — дурной человек. Хороший революционер, но дурной человек. Он столько убивал во времена Мачадо, что привык к этому. Ему теперь даже нравится убивать. Правда, ведь он убивает ради дела. Ради нашего дела. — Он оглянулся на Роберто, который сидел теперь на корме, на одном из привинченных стульев, держа на коленях свой «томпсон», и смотрел на белые лодки позади, сейчас показавшиеся Гарри гораздо меньше.

— Есть что-нибудь выпить? — крикнул Роберто с кормы.

— Ничего нет, — сказал Гарри.

— Наплевать, буду пить свое, — сказал Роберто. Один из кубинцев лег на скамью, вделанную над бензиновым баком. Видно было, что его уже укачало. Другого тоже мутило, но он еще держался.

Оглянувшись назад, Гарри увидел свинцового цвета судно, которое только что прошло форт и теперь нагоняло обе белые лодки.

Катер береговой охраны, подумал он. Тоже ни

к чему.

— Вы думаете, можно ждать самолета? — спросил юноша.

— Через полчаса будет темно, — сказал Гарри. Он сел на штурвальную скамью. — Что вы думаете делать со мной? Убить меня?

— Я бы не хотел, — сказал юноша. — Я не люблю убивать.

— Ты что там делаешь? — спросил Роберто, который держал теперь в руке бутылку виски. — Заводишь дружбу с капитаном? Тебе чего захотелось? Обедать за капитанским столом?

— Возьмите-ка штурвал, — сказал Гарри юноше. — Видите курс? Двести двадцать пять. — Он слез со скамьи и пошел на корму.

— Дайте мне выпить, — сказал он Роберто. — Вон он, катер береговой охраны, но ему не догнать нас.

Он решил откинуть, как ненужную роскошь, гнев, ненависть и обиду и принялся разрабатывать план.

— Ну конечно, — сказал Роберто. — Где ему догнать нас. Полюбуйтесь на этих малюток, которых мутит от качки. Что вы сказали? Вы хотите выпить? Других предсмертных желаний не имеется, капитан?

— Вы шутник, — сказал Гарри. Он долго тянул из бутылки.

— Полегче, — запротестовал Роберто. — Больше у меня нет.

— У меня есть, — ответил ему Гарри. — Я пошутил.

— А ты со мной не шути, — сказал Роберто, подозрительно глядя на него.

— Больше не собираюсь.

— Что у тебя есть?

— Бакарди.

— Давай сюда.

— Но, но, поспокойнее, — сказал Гарри. — Зачем так торопиться?

Он перешагнул через тело Элберта, направляясь в носовую часть. Проходя мимо штурвала, он взглянул на компас. Юноша отклонился от курса почти на двадцать пять градусов, и стрелка компаса колебалась. Он не моряк, подумал Гарри. Значит, у меня есть еще время. Посмотрим на след.

След убегал двумя пенистыми кривыми назад, туда, где, прямо за кормой теперь, виднелся коричневый, островерхий силуэт маяка, тонко вычерченный над горизонтом. Лодок уже почти нельзя было различить. Темное пятно расплыва-

лось в том месте, где должны были находиться городские радиомачты. Моторы работали бесперебойно. Гарри наклонился и достал одну из бутылок бакарди. Он вернулся с ней на корму. Там он сначала выпил сам, потом протянул бутылку Роберто. Стоя на корме, он посмотрел вниз, на Элберта, и ему стало не по себе. Дождался, горемыка несчастный, подумал он.

— В чем дело? Ты его боишься? — спросил широколицый кубинец.

— Что, если нам его сбросить за борт? — сказал Гарри. — Какой смысл возить его с собой.

— Идет, — сказал Роберто. — Голова у тебя работает.

— Берите его под мышки, — сказал Гарри. — Я возьму за ноги.

Роберто положил свой «томпсон» на широкую корму и, наклонившись вперед, приподнял труп за плечи.

— Нет ничего тяжелее мертвеца, — сказал он. — Ты когда-нибудь пробовал поднимать такого вот мертвого дядю, капитан?

— Нет, — сказал Гарри. — А вы пробовали поднимать мертвую тетю?

Роберто втащил труп на корму.

— Ты малый с перцем, — сказал он. — Как на-

счет того, чтобы выпить?

— Не откажусь, — сказал Гарри.

— Честное слово, я жалею, что убил его, — сказал Роберто. — Когда я тебя убью, буду жалеть еще больше.

— Бросьте эти разговоры, — сказал Гарри. — Зачем это вам такие разговоры нужны?

— Давай, — сказал Роберто. — Раз, два, три. Когда, наклонившись вперед, они волокли тело по корме к борту, Гарри ногой столкнул за борт автомат. Он шлепнулся в воду вместе с Элбертом, но в то время как Элберт, прежде чем погрузиться, дважды перевернулся в белой пене, бурлившей за кормой, автомат сразу пошел ко дну.

— Так-то лучше, — сказал Роберто. — Все в полном порядке теперь. — Потом, увидев, что автомата нет: — Где он? Куда ты его дел?

— Что?

— La ametralladora! — От волнения он перешел на испанский.

— А что это?

— Ты знаешь, что это.

— Я его не видел.

— Ты сбросил его с кормы. Сейчас я тебя убью, сейчас.

— Успокойтесь, — сказал Гарри. — За что, черт

возьми, вы хотите меня убить?

— Дай мне револьвер, — сказал Роберто по-испански одному из лежавших кубинцев. — Дай револьвер, живо!

Гарри стоял на корме, чувствуя, что никогда еще он не был таким большим и широким, чувствуя, как пот выступает у него под мышками, чувствуя, как он течет у него по спине.

— Довольно тебе убивать, — услышал он голос одного из кубинцев, лежавших на дне. — Ты уже убил помощника. Теперь ты хочешь убить капитана. Кто довезет нас до Кубы?

— Оставь его в покое, — сказал второй. — Убьешь его, когда мы приедем.

— Он сбросил автомат за борт, — сказал Роберто.

— Деньги у нас. Зачем тебе теперь автомат? На Кубе пулеметов сколько хочешь.

— Увидишь, мы пожалеем, если не убьем его сейчас, увидишь. Дай револьвер.

— А, да ну тебя. Ты пьян. Ты всегда как напьешься, так ищешь, кого бы убить.

— Вы лучше выпейте еще, — сказал Гарри, глядя поверх серой зыби Гольфстрима туда, где круглое красное солнце уже касалось воды. — Вот смотрите. Когда оно совсем спрячется, вода ста-

нет ярко-зеленая.

— К черту, — сказал широколицый кубинец. — Думаешь, тебе это так пройдет?

— Я вам другой автомат куплю, — сказал Гарри. — На Кубе такой стоит всего сорок пять долларов. Успокойтесь. Вам теперь нечего бояться. Теперь никакой самолет не полетит за нами.

— Я тебя все равно убью, — сказал Роберто, оглядывая его. — Ты это сделал нарочно. Ты для того и заставил меня поднимать тело.

— Вам нельзя убить меня, — сказал Гарри. — Кто вас довезет до Кубы?

— Надо было тебя давно уже убить.

— Успокойтесь, — сказал Гарри. — Я пойду взгляну на моторы.

Он поднял люк, спустился вниз, подвинтил масленки и тронул рукой приклад «томпсона». Еще рано, подумал он. Да, еще рано. Черт, это удачно вышло. Элберту ведь все равно, раз он умер. Не придется его старухе тратиться на похороны. Сволочная морда! Сволочная разбойничья морда! Черт, как бы я хотел прихлопнуть его сейчас. Но лучше подождать.

Он встал, вылез наверх и опустил люк.

— Ну как дела? — спросил он Роберто. Он положил руку на его жирное плечо. Широколицый

кубинец посмотрел на него и ничего не сказал.

— Видели, как вода позеленела? — спросил Гарри.

— Ну тебя к черту, — сказал Роберто. Он был пьян, но он был подозрителен и, как животное, чуял что-то неладное.

— Пустите меня к штурвалу, — сказал Гарри юноше. — Как вас зовут?

— Зовите меня Эмилио, — сказал юноша.

— Идите вниз, там найдете кой-чего поесть, — сказал Гарри. — Там есть хлеб и консервы. Можете сварить кофе, если хотите.

— Я не хочу кофе.

— Я сам потом сварю, — сказал Гарри. Он сидел у штурвала при свете нактоузного огня, без труда держа взятый курс в спокойном безбурном море, глядя, как ночь спускается над водою. Бортовых огней он не зажигал.

Славная сегодня ночь для переправы, думал он, славная ночь. Как только станет совсем темно, я должен взять восточнее. Если я этого не сделаю, через час мы увидим вечернее зарево над Гаваной. Самое большее, через два. Как только этот сукин сын увидит зарево, ему опять захочется убить меня. Это мне повезло, что удалось избавиться от автомата. Еще как повезло! Интересно,

что там Мария приготовила на ужин. Ох, и тревожится она, должно быть. Так, должно быть, тревожится, что ей не до еды. Интересно, сколько денег награбили эти молодцы? Чудно, что они даже не пересчитали. Хорош способ добывать деньги на революцию. Ну и народ все-таки эти кубинцы. А Роберто просто мерзавец. Я его прикончу сегодня. Что бы там ни было дальше, а его я прикончу. Хоть бедняге Элберту этим не поможешь. Не очень приятно мне было спускать его на дно. Не знаю, как я додумался до этого.

Он зажег папиросу и курил в темноте. Все идет хорошо, думал он. Все идет лучше, чем я ожидал. А парнишка в самом деле славный. Хорошо, если б те двое лежали на одной стороне. Хорошо, если б как-нибудь можно было согнать всех в одно место. Что ж, нужно постараться сделать все как можно умнее. Чем спокойнее они пока будут, тем лучше. Чем глаже все сойдет, тем лучше.

— Хотите сандвич? — спросил юноша.

— Спасибо, — сказал Гарри. — Вы лучше дайте своему товарищу.

— Он пьет. Он есть не станет, — сказал юноша.

— А другие как?

— Их укачало, — сказал юноша.

— Сегодня хорошая ночь для переправы, — ска-

зал Гарри. Он видел, что юноша не смотрит на компас, и продолжал отклоняться к востоку.

— Все было бы хорошо, — сказал мальчик, — если б не ваш помощник.

— Он был хороший парень, — сказал Гарри. — А что, в банке кто-нибудь пострадал?

— Адвокат. Как его фамилия — Симмонс.

— Убит?

— Кажется.

Так, подумал Гарри. Мистер Краснобай. А чего, черт дери, он мог ждать? Как он мог думать, что до него не дойдет? Вот что получается, когда берутся не за свое дело. Вот что получается, когда хотят перехитрить всех. Мистер Краснобай. Прощайте, мистер Краснобай.

— Как это вышло, что его убили?

— Наверно, вы и сами догадываетесь, — сказал юноша. — Тут совсем не то, что с вашим помощником. Мне очень тяжело думать об этом. Он ведь ничего дурного не замышлял. Просто на данном этапе революции иначе нельзя было.

— Человек он, кажется, был неплохой, — сказал Гарри и тут же подумал: послушать только, что произносит мой язык. Черт возьми, язык может произнести все что угодно. Но важно мне заручиться расположением этого паренька, на

случай если…

— А какую такую революцию вы сейчас готовите? — спросил он вслух.

— Мы — единственная настоящая революционная партия, — сказал юноша. — Мы хотим покончить со всеми прежними политическими руководителями, с американским империализмом, который нас душит, с тиранией военщины. Мы хотим начать все сызнова и дать каждому человеку свой шанс в жизни. Мы хотим, чтобы guajiros, то есть крестьяне, перестали быть рабами и чтобы крупные сахарные плантации были поделены между теми, кто работает на них. Но мы — не коммунисты.

Гарри поднял на него глаза от компаса.

— И как вы этого думаете добиться? — спросил он.

— А вот мы сейчас добываем деньги, нужные для борьбы, — сказал юноша. — Ради этого приходится пользоваться такими методами, которыми мы потом никогда пользоваться не будем. И прибегать к помощи таких людей, к которым мы потом не станем обращаться. Но цель оправдывает средства. В царской России тоже приходилось так поступать.

Он радикал, подумал Гарри. Вот он кто: ради-

кал.

— Что ж, программа у вас хорошая, — сказал он вслух. — Если все это для того, чтобы помочь рабочему человеку. Я сам сколько раз участвовал в забастовках в прежние времена, когда еще у нас на Ки-Уэст были сигарные фабрики. Я бы вам с радостью помог, если бы раньше знал, кто вы такие.

— Нам многие хотели бы помочь, — сказал юноша. — Но при том, как сейчас обстоит дело с движением, мы не можем доверять людям. Нынешний этап вызван необходимостью, но я об этом очень жалею. Я ненавижу террор. И мне очень не по душе вот такие методы добывания денег. Да только выбирать не приходится. Вы не представляете, как тяжело сейчас на Кубе.

— Я знаю, что там тяжело.

— Нет, нет, вы не можете знать, насколько там тяжело. Там царит кровавая тирания, и нет такой глухой деревушки, которая не испытывала бы гнет этой тирании. Три человека не смеют сойтись вместе на улице. У Кубы нет внешних врагов, и ей не нужна армия, но тем не менее она содержит двадцатипятитысячную армию, и вся эта военщина, начиная от капралов и выше, сосет кровь из страны. Даже каждый рядовой и тот ду-

мает только о том, как бы набить карман. А кроме того, есть еще военный резерв, в котором состоят все жулики, бандиты и осведомители, оставшиеся от режима Мачадо, и чем погнушается армия, то подбирают они. Пока мы не избавимся от армии, ничего хорошего не может быть. Прежде нами правили дубинки. А теперь нами правят винтовки, револьверы, пулеметы и штыки.

— Да, плохо ваше дело, — сказал Гарри, слегка поворачивая штурвал, чтобы лодка отклонялась к востоку.

— Так плохо, что вы и вообразить себе не можете, — сказал юноша. — Я люблю мою бедную родину, и я на все, на все готов, чтобы освободить ее от тирании, которая там процветает. То, что я делаю сейчас, мне глубоко противно. Но даже если б оно мне было в тысячу раз противнее, я бы все равно делал это.

Выпить бы сейчас, думал Гарри. Какое мне дело до его революции. Плевать я хотел на его революцию. Чтобы помочь рабочему человеку, он грабит банк и убивает того, кто ему в этом помог, а потом еще и злополучного горемыку Элберта, который никому ничего не сделал дурного. Ведь это же рабочего человека он убил. Такая мысль ему и в голову не приходит. Да к тому же семейного.

Кубой правят кубинцы. Они там все друг друга предать и продать готовы. Вот и получают по заслугам. К черту все эти их революции. Я знаю одно: мне нужно прокормить свою семью, и я не могу ее прокормить. А он мне тут про революцию рассказывает. К черту его революцию.

— Да, плохо дело, — сказал он юноше. — Послушайте, вы не смените меня ненадолго у штурвала? Я пойду выпью.

— Пожалуйста, — сказал юноша. — Как держать?

— Двести двадцать пять, — сказал Гарри. Было уже совсем темно, и здесь, посреди Гольфстрима, они попали в полосу мертвой зыби. Он прошел мимо обоих кубинцев, которые лежали на скамьях, и направился к корме, где на привинченном стуле сидел Роберто. Вода бурлила за кормой в темноте. Роберто сидел, положив ноги на второй стул.

— Дайте мне глотнуть, — сказал ему Гарри.

— Убирайся к черту! — хрипло ответил широколицый. — Это мое.

— Ладно, — сказал Гарри и пошел за второй бутылкой. Внизу, в темноте, придерживая бутылку обрубком правой руки, он вынул пробку, вытащенную и снова вставленную Фредди, и

отхлебнул из горлышка.

Сейчас самое подходящее время, сказал он себе. Больше ждать нет смысла. Та мордастая сволочь пьяна. Двое остальных лежат влежку. Почему бы не сейчас?

Он отпил еще, и бакарди согрел и ободрил его, но он по-прежнему чувствовал холод и пустоту под ложечкой. Все у него внутри было холодное.

— Хотите выпить? — спросил он юношу у штурвала.

— Нет, спасибо, — сказал юноша. — Я не пью. — В свете нактоузного огня Гарри видел, как он улыбнулся.

— Я глотну разок, — сказал Гарри. Он отпил порядочно, но бакарди не разогнал пронизывающего холода, который поднялся теперь выше и заполнил всю грудь. Он поставил бутылку на пол.

— Держите тот же курс, — сказал он юноше. — Я хочу взглянуть на моторы.

Он поднял люк и спустился вниз. Потом подпер крышку люка длинным крючком, вделанным в настил пола. Он нагнулся к моторам, здоровой рукой ощупал газопровод, цилиндры и положил руку на сальники. Он на полтора оборота завернул обе масленки. Хватит тянуть, сказал он себе.

Хватит тянуть, слышишь? Куда делась вся твоя прыть? Была, да вышла, подумал он.

Он выглянул из люка. Он мог бы достать рукой обе скамьи над бензиновыми баками, на которых лежали кубинцы. Юноша сидел к нему спиной, на высоком табурете, четко выделяясь в свете нактоузного огня. Оглянувшись, он на темном фоне воды увидел фигуру Роберто, развалившегося на корме.

Двадцать один патрон в магазине, это самое большее — четыре очереди по пять, подумал он. Зевать не приходится. Ладно. Давай. Хватит тянуть, размазня несчастная! О, черт, чего бы я не отдал за хороший глоток. Поздно, теперь уже никаких глотков. Он протянул левую руку, отцепил первую ременную петлю, схватился за спусковой крючок, отодвинул предохранитель и вытянул автомат. Присев на корточки возле моторов, он тщательно прицелился в затылочную ямку юноши, ясно различимую в свете нактоузного огня.

Пламя ярко вспыхнуло в темноте, и пули защелкали по откинутой крышке люка и по мотору. Пока тело юноши тяжело сползало с табурета, он обернулся и выстрелил в темную фигуру на левой скамье, почти приставив в упор вздрагивающее огнедышащее дуло, так что запахло паленым

сукном. Потом повернулся кругом, чтобы всадить заряд во второго, который уже приподнялся на локте и пытался выхватить револьвер. Он присел как можно ниже и оглянулся на корму. Широколицего кубинца там больше не было. Оба стула стояли пустые, выделяясь на фоне неба. Юноша не шевелился. Тут дело было верное. Один из кубинцев бился на своей скамье. Другой, — он видел это краем глаза, — лежал ничком, наполовину свесясь за борт.

Гарри попытался отыскать в темноте широколицего. Лодка теперь кружилась на месте, и в кокпите стало немного светлее. Он затаил дыхание и стал осматриваться. Вот он, наверное, эта тень в углу у самого пола. Он вгляделся внимательнее, и тень шевельнулась. Это был он.

Он полз к нему. Нет, к тому кубинцу, который лежал, свесясь за борт. Он хотел взять его револьвер. Пригибаясь почти к самому полу, Гарри следил за его движениями, пока не увидел его совершенно отчетливо. Тогда он выстрелил. Вспышка осветила колени и руки ползущего, и когда боп-боп-боп-боп смолкло, Гарри услышал, как он судорожно бьется на полу.

— А, сукин сын, — сказал Гарри. — Сволочь мордастая!

Ощущение холода внутри исчезло, и в сердце был знакомый звонкий гул, и он пригнулся совсем низко и сунул руку под четырехугольный бензиновый бак, чтобы достать новый магазин. Магазин он достал, но рука была вся мокрая и быстро высыхала.

Пробил бак, сказал он себе. Нужно выключить моторы. Не угадаешь, в каком месте бак течет.

Он выбросил пустой магазин, вставил новый и вылез наверх.

Когда он выпрямился с автоматом в руке, чтобы осмотреться, прежде чем захлопнуть обрубком крышку люка, кубинец на левой койке, трижды раненный в плечо, причем две пули прошли навылет и попали в бак, вдруг сел, тщательно прицелился и выстрелил ему в живот.

Гарри качнулся назад и тяжело сел. Ему показалось, что его ударили в живот дубинкой. Спина его уперлась в одно из железных гнезд, куда вставлялись ножки стула, и когда кубинец выстрелил в него еще раз, расщепив перекладину стула над самой его головой, он пошарил возле себя, нашел автомат, осторожно поднял его, своим крючком придерживая приклад, и всадил половину магазина в кубинца, который сидел, наклонившись вперед, и спокойно расстреливал

его. Тот бесформенной массой рухнул навзничь, а Гарри продолжал шарить по полу, и, найдя широколицего, который лежал на спине, он крючком зацепил его голову и повернул ее к себе, потом приставил к ней дуло автомата и спустил курок. Звук от выстрела был такой, какой бывает, когда палкой ударишь по зрелой тыкве. Гарри положил автомат и лег на пол.

— Я сволочь, — сказал он, губами почти касаясь досок пола. — Я сволочь, и теперь мне пришел конец. «Нужно выключить моторы, не то все сгорим, — подумал он. — Еще не все пропало. Еще нельзя сказать, что все пропало. О, черт! Чтобы одна случайность испортила все дело! Чтобы из-за одной случайности сорвалось! А, будь оно проклято! Будь ты проклят, кубинская сволочь! Кто б мог подумать, что я не прикончил его?» Он встал на четвереньки и, толкнув крышку люка так, что она с шумом захлопнулась над моторами, пополз через нее вперед, к штурвальному сиденью. Он уцепился за него и подтянулся, удивляясь тому, что может так свободно двигаться; потом, стоя на ногах, вдруг почувствовал слабость и дурноту, наклонился вперед, обрубком опираясь на компас, и повернул оба рычага. Моторы смолкли, и было слышно, как плещется о борт вода. Больше ниче-

го не было слышно. Лодка повернулась поперек течения и закачалась на волнах, поднявшихся с северным ветром.

Он повис на штурвале, потом опустился на сиденье и прислонился к спинке. Он чувствовал, как все силы вытекают из него в долгом приступе тошноты. Он расстегнул рубашку здоровой рукой и ощупал рану, сперва ладонью, потом пальцами. Крови было очень мало. Вся пошла внутрь, подумал он. Лучше не двигаться, тогда она, может быть, остановится.

Луна взошла, и он теперь мог рассмотреть, что делается вокруг.

Разгром, подумал он, настоящий разгром, черт подери!

Лучше лечь самому, пока я не упал, подумал он и осторожно сполз на пол.

Он лег на бок, и в это время лодка, качаясь, повернулась так, что луна осветила ее всю.

Полным-полно, подумал он. Вот ведь как, полным-полно. Потом он стал думать о том, что она теперь будет делать. Что Мария будет делать. Может быть, ей выплатят награду. Будь он проклят, этот кубинец. Пожалуй, как-нибудь она проживет. Она женщина с головой. Пожалуй, мы бы все как-нибудь прожили. Пожалуй, это с самого нача-

ла была нелепая затея. Я откусил больше, чем мог прожевать. Не надо было мне лезть в это дело. Но ведь я обдумал все до конца. Никто не узнает, как это случилось. Если б я мог что-нибудь сделать для Марии. Куча денег здесь, на лодке. Я даже не знаю сколько. С такими деньгами всякий мог бы жить, ни о чем не думая. Наверно, береговая охрана растащит их. Половину, во всяком случае. Если б можно было дать знать моей старухе о том, что случилось. Что же она станет делать? Не знаю. Верно, нужно было мне искать работы где-нибудь на заправочной станции, что ли. Нужно было мне бросить думать о лодке. Теперь с лодкой честно денег не заработаешь. Хоть бы ее не качало, чертову колоду! Хоть бы перестало ее качать! А то у меня внутри все ходит вверх и вниз. Я, и мистер Краснобай, и Элберт. Все, кто только был причастен к этому. И вся эта сволочь тоже! Должно быть, это дело такое. Такое уж это несчастное дело! Пожалуй, для такого, как я, самое подходящее было бы держать заправочную станцию. Черта бы я сумел держать заправочную станцию. Вот Мария — та что-нибудь такое сумеет. Она уже теперь стара, чтоб трепать хвостом. Если б только эту чертову колоду не качало.

Ладно, нужно только быть поспокойнее. Как

можно спокойнее. Говорят, если не пить воды и лежать неподвижно. Главное, говорят, если не пить воды.

Он посмотрел на то, что было видно в свете луны.

Что ж, убирать ведь мне это не придется, подумал он. Поспокойнее. Вот все, что от меня требуется. Поспокойнее. Как можно спокойнее. Все-таки еще не все пропало. Если лежать неподвижно и не пить воды.

Он лег на спину и старался ровно дышать. Лодку качало на волнах Гольфстрима, и Гарри Морган плашмя лежал на полу. Сначала он пробовал упираться здоровой рукой, чтобы меньше чувствовать качку. Потом он затих и перестал сопротивляться.

Глава девятнадцатая

На другое утро, в Ки-Уэст, Ричард Гордон возвращался домой из бара Фредди, куда он ездил на велосипеде расспросить про ограбление банка. По дороге он встретил толстую, громоздкую голубоглазую женщину, с крашеными золотистыми волосами, выбивавшимися из-под старой мужской фетровой шляпы; она торопливо переходила улицу, и глаза у нее были красны от слез. Посмотреть только на эту коровищу, подумал он. Интересно, о чем может думать такая женщина. Интересно, какая она может быть в постели. Что должен чувствовать муж к жене, которая так безобразно расплылась? С кем, интересно, он путается тут, в городе? Просто страх смотреть на такую женщину. Настоящий броненосец. Ужас!

Он был уже около дома. Он оставил велосипед у подъезда и вошел в холл, закрыв за собой источенную термитами парадную дверь.

— Ну, что ты узнал, Дик? — окликнула его из кухни жена.

— Не разговаривай со мной, — сказал он. — Я сажусь работать. У меня все готово в голове.

— Вот и прекрасно, — сказала она. — Я тебе не

буду мешать.

Он уселся за большой стол в первой комнате. Он писал роман о забастовке на текстильной фабрике. В сегодняшней главе он собирался вывести толстую женщину с заплаканными глазами, которую встретил по дороге домой. Муж, возвращаясь по вечерам домой, ненавидит ее, ненавидит за то, что она так расплылась и обрюзгла, ему противны ее крашеные волосы, слишком большие груди, отсутствие интереса к его профсоюзной работе. Глядя на нее, он думает о молодой еврейке с крепкими грудями и полными губами, которая выступала сегодня на митинге. Это будет здорово. Это будет просто потрясающе, и притом это будет правдиво. В минутной вспышке откровения он увидел всю внутреннюю жизнь женщины подобного типа.

Ее раннее равнодушие к мужниным ласкам. Жажда материнства и обеспеченного существования. Отсутствие интереса к стремлениям мужа. Жалкие попытки симулировать наслаждение половым актом, который давно уже вызывает в ней только отвращение. Это будет замечательная глава.

Женщина, которую он встретил, была Мария, жена Гарри Моргана, возвращавшаяся домой от

шерифа.

Глава двадцатая

Лодка Фредди Уоллэйса, «Королева Кончей», тридцати четырех футов в длину, с номерным знаком «Тампа-V»[8], была выкрашена в белый цвет; носовая палуба была выкрашена зеленой краской, известной под названием «веселой», и стенки кокпита тоже были выкрашены «веселой» краской. Того же зеленого цвета был и навес над штурвалом. Название лодки и порта, — к которому она была приписана — Ки-Уэст, Флорида, — значилось черными буквами на корме. Ни мачты, ни утлегарей у лодки не было. Передний из стеклянных щитков был разбит. Свежевыкрашенная обшивка корпуса была пробита в нескольких местах, и дерево вокруг отверстий расщеплено. Пробоины виднелись на обеих сторонах корпуса в средней части, примерно на фут ниже планширa. Еще несколько таких пробоин приходилось почти у самой ватерлинии с правой стороны, напротив задней подпорки, поддерживавшей навес. Из самой нижней пробоины вытекла какая-то темная жидкость и липкими

---

[8] Примечания: 8
Город и порт в западной Флориде.

ручьями застыла на свежей краске.

Лодка двигалась вместе с течением, бортом к ветру, милях в десяти от маршрутной границы для отправляющихся на север танкеров, и ее бело-зеленая окраска весело выделялась на темной синеве Гольфстрима. Пучки пожелтелых от солнца водорослей, плававшие на поверхности воды, медленно скользили мимо, уносимые течением на северо-восток, тогда как лодку легкий северный ветер отклонял немного от прямого пути, все время унося ее дальше, в Гольфстрим. На ней не заметно было никаких признаков жизни, хотя из-за планшира виднелось слегка раздувшееся тело мужчины, лежащее на скамье над левым бензиновым баком, а с длинной скамьи, идущей вдоль правого борта, другой человек, казалось, перегнулся, чтобы достать рукой воду. Его голова и плечи были на солнце, а в том месте, где его пальцы почти касались воды, собралась стайка мелких рыб, не больше двух дюймов длиной, с овальным золотистым в красноватую полоску туловищем; рыбки эти покинули куст водорослей, чтобы спрятаться в тени скользящей по течению лодки, и каждый раз, когда что-то капало с лодки в воду, они бросались к упавшей капле и сновали и суетились вокруг нее, пока не уничтожали ее

бесследно. Две серые прилипалы, дюймов по восемнадцать длиной, кружились тут же в тени лодки, то открывая, то закрывая щелевидные присоски на своих плоских головах; но они, видимо, не улавливали равномерности падения капель, которыми питались мелкие рыбки, и в нужный момент зачастую оказывались по другую сторону лодки. Мелкие карминно-красные сгустки и волокна, которые тянулись по воде от нижних пробоин в корпусе, они давно уже проглотили, при каждом глотке встряхивая свои уродливые головы и продолговатые, суживающиеся к хвосту тела. Они не хотели теперь уходить оттуда, где им удалось так сытно и неожиданно поесть.

В кокпите было еще три человека. Один, мертвый, лежал на спине возле штурвального сиденья, с которого он, по-видимому, соскользнул. Другой, тоже мертвый, сгорбившись, привалился к правой задней подпорке тента. Третий, еще живой, но с помутившимся сознанием, лежал на боку, положив голову на руку.

Двойное днище лодки было полно бензину, и когда ее качало, слышно было, как он там плескался. Раненый, Гарри Морган, думал, что этот звук идет у него из живота, и ему теперь казалось, что живот у него большой, как озеро, и это озеро

плещется у обоих берегов сразу. Это происходило оттого, что он теперь лежал, подняв колени и запрокинув голову. Вода в озере, которым был его живот, была очень холодная; такая холодная, что, когда он ступил в нее, у него онемели ноги, и теперь ему было невыносимо холодно, и во всем был привкус бензина, как будто он сосал шланг для перекачки бензина из одного бака в другой. Он знал, что никаких баков тут нет, хотя он чувствовал холод резинового шланга, который как будто вошел через его рот и теперь свернулся, большой, холодный и тяжелый, у него внутри. При каждом его вдохе кольца шланга в животе стягивались еще туже и холоднее, и сквозь плеск озера он ощущал его, точно большую, медленно ворочающуюся змею. Он боялся ее, но хотя она была в нем, казалось, что она где-то бесконечно далеко, и беспокоило его только одно: холод.

Холод пронизывал его насквозь, режущий холод, который не хотел его отпускать, и он теперь лежал спокойно и прислушивался к ощущению холода. Одно время ему казалось, что, если он сумеет сложиться пополам, ему станет тепло, как под одеялом, и ему даже показалось, что он сумел сложиться так, и он уже почувствовал тепло. Но на самом деле это было кровотечение, которое

он вызвал, подняв колени; и когда ощущение тепла прошло, он понял, что сложиться пополам невозможно и что с холодом ничего поделать нельзя и не стоит сопротивляться. Он лежал, изо всех сил стараясь не умереть как можно дольше после того, как уже остановятся мысли. Лодка поворачивалась на волнах, и он теперь был в тени, и ему становилось все холоднее.

Лодку несло течением с десяти часов вечера, а теперь было уже далеко за полдень. На всей поверхности Гольфстрима не было видно ничего, кроме морских водорослей, нескольких пухлых розовых медуз, плававших на поверхности воды, и далекого дымка танкерного судна, шедшего с грузом из Тампико на север.

Глава двадцать первая

— Ну? — сказал Ричард Гордон своей жене.

— У тебя губная помада на сорочке, — сказала жена. — И около уха.

— Что ты скажешь на это?

— Что я скажу на это?

— Что ты скажешь на то, что я тебя застал лежащей на диване с этим неумытым пьяницей?

— Это неправда.

— А как я вас застал?

— Ты нас застал сидящими на диване.

— В темноте.

— Где ты был?

— У Брэдли.

— Да, — сказала она. — Я знаю. Не подходи ко мне. От тебя пахнет этой женщиной.

— А от тебя чем пахнет?

— Ничем. Я сидела и разговаривала с хорошим знакомым.

— Ты его целовала?

— Нет.

— Он тебя целовал?

— Да, мне это было приятно.

— Ты сука.

— Если ты будешь меня так называть, я уйду от тебя.

— Ты сука.

— Пусть, — сказала она. — Все равно все кончено. Если б ты не был таким самонадеянным и если б я тебя так не жалела, ты бы понял, что все уже давно кончено.

— Ты сука.

— Нет, — сказала она. — Я не сука. Я старалась быть хорошей женой, но ведь ты самонадеян и себялюбив, как петух. Только и знаешь кукарекать: «Посмотри, что я сделал. Посмотри, какое я дал тебе счастье. Ты должна бегать вокруг меня и кудахтать». Так вот, ты мне вовсе не дал счастья, и с меня довольно. Я свое откудахтала.

— Тебе нечего кудахтать. Ты не произвела на свет ничего такого, над чем можно было бы кудахтать.

— Чья это вина? Разве я не хотела ребенка? Но мы никак не могли себе этого позволить. Зато мы могли себе позволить ездить на Кап-д'Антиб купаться и в Швейцарию ходить на лыжах. Мы могли себе позволить приехать сюда, в Ки-Уэст. С меня довольно. Ты мне опротивел. Эта толстая Брэдли сегодня была последней каплей.

— Ах, пожалуйста, не припутывай ее сюда!

— Человек приходит домой весь в губной помаде. Неужели ты не мог хоть умыться? Вон, на лбу тоже.

— Ты целовала это пьяное ничтожество.

— Нет, этого не было. Но было бы, если б я знала, чем ты в это время занимаешься.

— Почему ты позволяла ему целовать себя?

— Я была взбешена. Мы ждали, ждали, ждали. Ты даже не подошел ко мне. Ты ушел с этой женщиной и пропал на полдня. Джон проводил меня домой.

— Ах вот как, Джон?

— Да, Джон. Джон. ДЖОН.

— А фамилия его как? Томас?

— Его фамилия Мак-Уолси.

— А как это пишется — вместе или отдельно?

— Не знаю, — сказала она и засмеялась. Но потом она перестала смеяться. — Не воображай, что, раз я смеюсь, значит, все обошлось, — сказала она, на глазах у нее выступили слезы, губы дрожали. — Ничего не обошлось. Это не обычная ссора. Все кончено. У меня к тебе нет ненависти. Тут проще. Ты мне противен. Ты мне глубоко противен, и с меня довольно.

— Хорошо, — сказал он.

— Нет. Совсем не хорошо. Все кончено. Разве ты

не понимаешь?

— Кажется, понимаю.

— Пусть тебе не кажется.

— Не устраивай мелодраму, Эллен!

— Это я устраиваю мелодраму? Ничего подобного. Просто я ухожу от тебя.

— Нет, ты не уйдешь.

— Я сказала. Больше повторять не буду.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю. Может быть, выйду за Джона Мак-Уолси.

— Не выйдешь.

— Выйду, если захочу.

— Он на тебе не женится.

— Не беспокойся, женится. Он только сегодня просил меня быть его женой.

Ричард Гордон ничего не сказал. Пустота образовалась у него на том месте, где раньше было сердце, и все, что он слышал или говорил, казалось нечаянно подслушанным.

— О чем он тебя просил? — сказал он голосом, который шел откуда-то издалека.

— Быть его женой.

— Зачем?

— Затем, что он меня любит. Затем, что он хочет, чтобы я жила с ним. Он зарабатывает до-

статочно, чтобы прокормить меня.

— Ты обвенчана со мной.

— Не по-настоящему. Не в церкви. Ты не хотел венчаться в церкви, и ты знаешь, что это разбило сердце моей бедной мамы. Я так была влюблена в тебя, что я разбила бы чье угодно сердце. Господи, какая же я была дура. Я и свое сердце разбила. Оно разбито, и у меня больше нет сердца. Все, во что я верила, все, чем я дорожила, я бросила ради тебя, потому что ты был такой необыкновенный и так сильно любил меня, что только любовь имела значение. Любовь была важнее всего на свете, верно? Любовь — это было то, что было только у нас и не могло быть ни у кого другого. И ты был гений, а я была вся твоя жизнь. Я была твой друг, твой маленький черный цветок. Чушь. Любовь — это просто гнусная ложь. Любовь — это пилюли эргоаппола, потому что ты боялся иметь ребенка. Любовь — это хинин, и хинин, и хинин до звона в ушах. Любовь — это гнусность абортов, на которые ты меня посылал. Любовь — это мои искромсанные внутренности. Это катетеры вперемежку со спринцеваниями. Я знаю, что такое любовь. Любовь всегда висит в ванной за дверью. Она пахнет лизолем. К черту любовь. Любовь — это когда ты, дав мне счастье, засыпаешь с от-

крытым ртом, а я лежу всю ночь без сна и боюсь даже молиться, потому что я знаю, что больше не имею на это права. Любовь — это гнусные фокусы, которым ты меня обучал и которые ты, наверно, вычитал из книг. Хватит. Я теперь покончила с тобой и покончила с любовью. С твоей мерзкой любовью. Эх ты, писатель!

— А ты просто дрянь.

— Не ругайся. Я для тебя тоже знаю подходящее название.

— Ну, хорошо.

— Нет, совсем не хорошо. Плохо, и очень плохо. Если б еще ты был хорошим писателем, я, может быть, стерпела бы остальное. Но я насмотрелась на то, как ты злишься, завидуешь, меняешь свои политические убеждения в угоду моде, в глаза льстишь, а за глаза сплетничаешь. Я столько насмотрелась, что с меня довольно. И, наконец, еще сегодня эта богатая развратная сука Брэдли. Нет, с меня довольно. Я пробовала и заботиться о тебе, и ухаживать за тобой, и стряпать для тебя, и молчать, когда тебе хочется, и смеяться, когда тебе хочется, и не сопротивляться твоим вспышкам, и делать вид, что я очень счастлива, и терпеть твои бешеные выходки, и сцены ревности, и всякие подлые каверзы, но теперь я с этим покончила.

— Значит, теперь ты хочешь начать сначала с пьяницей-профессором?

— Он настоящий человек. Он добрый и сердечный, и с ним так покойно, и мы из одного круга, и у нас есть общие духовные интересы, каких у тебя никогда не будет. Он похож на моего отца.

— Он пьяница.

— Он пьет. Но мой отец тоже пил. И мой отец носил шерстяные носки и по вечерам вытягивал ноги в шерстяных носках на соседний стул и читал газету.

А когда мы болели крупом, он ухаживал за нами. Он был котельщиком, и руки у него были все в трещинах, и он любил драться, когда выпивал, но умел драться и тогда, когда был трезв. Он ходил в церковь, потому что этого хотелось матери, и справлял пасху ради нее и ради господа бога, но больше ради нее, и он был членом профсоюза, а если он и изменял ей когда-нибудь, она об этом ничего не знала.

— Пари держу, что он ей изменял направо и налево.

— Может быть, но если это и было, он об этом рассказывал священнику, а не ей, и если это было, то только потому, что он не мог совладать с собой, и потом жалел и раскаивался. Он это делал не из

любопытства, и не из петушиного самолюбия, и не для того, чтобы рассказывать потом жене, какой он замечательный мужчина. Если это и было, то только потому, что мать на целое лето уезжала с ребятишками, а он гулял с товарищами, напивался пьян. Он был настоящий человек.

— Тебе бы стать писателем и написать о нем роман.

— Я была бы лучшим писателем, чем ты. И Джон Мак-Уолси тоже настоящий человек. А ты нет. И не можешь быть. Дело тут не в политических убеждениях и не в религии.

— У меня нет никакой религии.

— У меня тоже нет. А когда-то была и теперь опять будет. И ты уже не придешь, чтобы отнять ее у меня, как ты все у меня отнял.

— Нет.

— Нет. Ты теперь можешь спать с какой-нибудь богатой дрянью вроде Helene Брэдли. Как она, довольна тобой? Говорит она, что ты необыкновенный?

Глядя на ее печальное, сердитое лицо, похорошевшее от слез, ее губы, набухшие, как почки после дождя, ее темные локоны, в беспорядке падающие на лицо, Ричард Гордон понял, что ему не удержать ее.

— И ты меня больше не любишь?

— Я даже слова этого не могу слышать.

— Хорошо, — сказал он и вдруг с силой ударил ее по лицу.

Она заплакала, теперь уже не от гнева, а от боли, уронив голову на стол.

— Этого не нужно было, — сказала она.

— Нет, нужно было, — сказал он. — Ты все на свете знаешь, но ты не знаешь, как мне это нужно было.

Сегодня вечером, когда отворилась дверь, она его не видела. Она видела только белый потолок с лепными купидонами, голубками и завитушками, которые вдруг рельефно выступили в свете от отворившейся двери.

Ричард Гордон повернул голову и увидел его, массивного и бородатого, в дверном проеме.

— Не отвлекайся, — сказала тогда Helene Брэдли. — Прошу тебя, не отвлекайся. — Ее блестящие волосы рассыпались по подушке.

Но Ричард Гордон повернул голову и замер, глядя на дверь.

— Не думай о нем. Ни о чем не думай, слышишь! Нельзя сейчас думать ни о чем, — говорила женщина с исступленной настойчивостью.

Бородатый человек бесшумно затворил дверь.

Он улыбался.

— Ну что же ты, милый? — спросила Helene Брэдли в наступившей опять темноте.

— Я должен уйти.

— Ты не можешь уйти сейчас, как ты не понимаешь!

— Этот человек…

— Да это же только Томми, — сказала Helene. — Он все это давно знает. Не думай о нем. Ну же, милый. Я жду.

— Я не могу.

— Ты должен, — сказала Helene. Он чувствовал, как она дрожит всем телом. — Господи, неужели ты ничего не понимаешь? Надо же считаться с женщиной.

— Мне нужно идти, — сказал Ричард Гордон. В темноте он почувствовал удар по лицу, от которого в глазах у него блеснули вспышки. Потом еще удар. На этот раз по губам.

— Так вот что вы такое, — сказала она. — А я-то воображала, что имею дело с мужчиной. Убирайтесь вон.

Вот что сегодня произошло. Вот чем кончился вечер у Брэдли.

Теперь его жена сидела, опустив голову на руки, и оба они не говорили ни слова. Ричард Гордон

слышал тиканье часов, и внутри у него было так же пусто, как тихо было в комнате. Немного спустя его жена сказала, не глядя на него:

— Мне очень жаль, что так случилось. Но все кончено, разве ты не видишь?

— Да, если это так, как ты говоришь.

— Это не всегда так было, но уже давно это так.

— Я жалею, что ударил тебя.

— Ах, это не важно. Не в этом ведь дело. Это была просто форма прощания.

— Перестань.

— Мне нужно собираться, — сказала она очень устало. — Боюсь, мне придется взять большой чемодан.

— Утром соберешься, — сказал он. — Все можно сделать утром.

— Лучше я это сделаю сейчас, Дик, так будет легче. Но я очень устала. Я ужасно устала от всего этого, и у меня разболелась голова.

— Ну, как хочешь.

— Господи, — сказала она. — Как бы я хотела, чтоб этого не случилось. Но оно случилось. Я постараюсь тебе все тут устроить. Нужно будет взять кого-нибудь для услуг. Если б еще я не наговорила столько всего или если б ты меня не ударил, может, и можно было еще все уладить.

— Нет, все было кончено еще до этого.

— Мне так тебя жаль, Дик.

— Не смей жалеть меня, или я опять тебя ударю.

— Пожалуй, мне будет легче, если ты меня ударишь, — сказала она. — Мне очень жаль тебя. Очень.

— Иди к черту.

— Мне жаль, что я сказала, будто ты плохой любовник. Я в этом ничего не понимаю. Ты, наверно, замечательный.

— Думаешь, ты — совершенство? — ответил он. Она опять заплакала.

— Это хуже пощечины, — сказала она.

— А что ты про меня сказала?

— Не знаю. Не помню. Я была так зла, и ты мне сделал так больно.

— Так ведь все уже кончено, зачем же сердиться?

— А я не хочу, чтобы все было кончено. Но теперь ничего уже не поделаешь.

— Тебе остается твой пьяница-профессор.

— Перестань, — сказала она. — Давай кончим разговор и замолчим.

— Давай.

— Хорошо?

— Да.

— Я буду спать здесь.

— Нет. Можешь лечь на постели. Можешь. Я сейчас ухожу ненадолго.

— Не уходи.

— Мне нужно, — сказал он.

— До свиданья, — сказала она, и он увидел ее лицо, которое он всегда так любил и которое никогда не портили слезы, ее черные локоны, ее крепкие маленькие груди под свитером, касающиеся края стола; стол скрывал от него остальное, все, что он так любил, и, казалось ему, умел радовать, но, как видно, это ничего не спасло, и когда он выходил, она смотрела через стол ему вслед, опустив подбородок на сложенные руки, и плакала.

Глава двадцать вторая

Он не взял велосипеда и пошел пешком. Луна уже взошла, и деревья темнели на фоне неба, и он шел мимо деревянных домов с узкими двориками и запертыми ставнями, сквозь которые пробивался свет; немощеными переулками с двойным рядом домов; кварталами кончей, где все было чинно, надежно упрятано от посторонних взоров — добродетель, неудачи, недоедание, овсяная каша и вареная рыба, предрассудки, порядочность, кровосмесительство, утешения религии; мимо ярко освещенных, с распахнутыми дверьми, кубинских «болито», деревянных лачуг, в которых только и было романтического, что их имена: Чича, Красный домик; мимо церкви из каменных блоков, с треугольными остриями шпилей, безобразно торчавшими в лунном небе; мимо живописной в лунном свете громады монастыря с черным куполом и обширным садом; мимо заправочной станции и ярко освещенной закусочной возле пустыря, где когда-то была миниатюрная площадка для гольфа; по залитой светом главной улице с тремя аптеками, магазином музыкальных инструментов, пятью

еврейскими лавками, тремя биллиардными, двумя парикмахерскими, пятью пивными, тремя павильонами с мороженым, пятью скверными и одним хорошим рестораном, двумя газетными киосками, четырьмя лавками подержанных вещей (в одной из них также изготовлялись ключи), фотографией, одним большим домом с конторами внизу и четырьмя зубоврачебными кабинетами в верхних этажах, магазином стандартных цен, отелем на углу и стоянкой такси перед ним; и, обогнув отель, улицей, ведущей к «джунглям», мимо большого некрашеного деревянного дома, из окон которого доносились звуки пианолы и в дверях стояли девушки, а рядом на тротуаре сидел матрос; и потом задворками, мимо кирпичного здания суда с освещенным циферблатом часов, показывавших половину одиннадцатого, мимо тюрьмы, выбеленные стены которой блестели в лунном свете, к подъезду «Поры сирени» в глубине переулка, запруженного автомобилями.

«Пора сирени» была ярко освещена и полна народу, и когда Ричард Гордон вошел, он увидел, что игорный зал переполнен; рулетка вертелась, и маленький шарик звонко пощелкивал о металлические перегородки, рулетка вертелась медленно, шарик жужжал, потом, щелкнув,

подпрыгивал и останавливался, и тогда ничего не было слышно, кроме скрипа рулетки и стука фишек. В баре сам хозяин стоял у стойки вместе с двумя барменами и сказал ему:

— Привет, мистер Гордон. Что будете пить?

— Не знаю, — сказал Ричард Гордон.

— Вы плохо выглядите. Что такое? Вы нездоровы?

— Нет.

— Я знаю, что вам приготовить. Такое, что прямо — ух. Пили когда-нибудь испанский абсент — ojén?

— Давайте, — сказал Гордон.

— Выпьете, сразу станет хорошо. Захочется всех кругом поколотить, — сказал хозяин. — Ojén экстра для мистера Гордона.

Не отходя от стойки, Ричард Гордон выпил три экстра, но лучше ему не стало; мутный, сладковатый, отдающий лакрицей напиток никак на него не подействовал.

— Дайте мне что-нибудь другое, — сказал он бармену.

— Что такое? Вам не нравится ojén экстра? — спросил хозяин. — Вам не стало хорошо?

— Нет.

— После ojén экстра надо пить с разбором.

— Дайте мне чистого виски.

Виски согрел его язык и небо, но ничего не изменил в его настроении, и вдруг, глядя на себя в зеркало позади стойки, он понял, что теперь ему никогда не будет легче от вина. То, что произошло, — произошло, и всегда теперь будет с ним, и если он напьется до потери сознания, проснувшись, он все равно почувствует это опять.

Высокий, очень худой молодой человек с редкой порослью светлых волос на подбородке, стоявший у стойки рядом с ним, спросил:

— Скажите, вы не мистер Гордон?

— Да.

— Я Гарольд Спелмэн. Мы, кажется, познакомились на одном вечере в Бруклине.

— Возможно, — сказал Ричард Гордон. — Очень может быть.

— Мне очень понравилась ваша последняя книга, — сказал Спелмэн. — Мне все ваши книги нравятся.

— Очень рад слышать, — сказал Ричард Гордон. — Выпьете чего-нибудь?

— Вместе с вами, — сказал Спелмэн. — Вы пробовали этот ojén?

— Мне он не помог.

— А что с вами?

— Настроение скверное.

— Попробуйте еще.

— Нет. Я возьму чистого виски.

— Знаете, для меня целое событие, что я вас увидел, — сказал Спелмэн. — Вы, наверное, не помните нашу встречу на том вечере?

— Нет. Но, может быть, это был удачный вечер. Удачные вечера обычно не запоминаются, верно ведь?

— Пожалуй, вы правы, — сказал Спелмэн. — Это было у Маргарет Ван-Брунт. Вспоминаете? — спросил он с надеждой в голосе.

— Стараюсь.

— Это я тогда поджег дом, — сказал Спелмэн.

— Не может быть, — сказал Гордон.

— Да, — радостно сказал Спелмэн. — Именно я. Это был самый замечательный вечер из всех, какие я помню.

— Что вы теперь делаете? — спросил Гордон.

— Ничего особенного, — сказал Спелмэн. — Так, живу понемножку. Я уже привык к этому. А вы пишете новую книгу?

— Да. Половину уже написал.

— Превосходно, — сказал Спелмэн. — а о чем?

— Забастовка на текстильной фабрике.

— Великолепно, — сказал Спелмэн. — Ужасно,

знаете, люблю социальные темы.

— Что?

— Просто обожаю, — сказал Спелмэн. — Для меня нет ничего лучше. Вы, бесспорно, на голову выше всей писательской братии. Скажите, есть у вас там прекрасная еврейка-агитатор?

— А что? — спросил Ричард Гордон подозрительно.

— Это роль для Сильвии Сидней. Я в нее влюблен. Хотите посмотреть ее фотографию?

— Я видел, — сказал Ричард Гордон.

— Давайте выпьем еще, — радостно сказал Спелмэн. — Подумать только, как это мы с вами встретились. Вы знаете, я ведь счастливчик. Настоящий счастливчик.

— А что? — спросил Ричард Гордон.

— Я сумасшедший, — сказал Спелмэн. — Это просто замечательно. Все равно, что быть влюбленным, только все всегда кончается хорошо.

Ричард Гордон слегка отодвинулся.

— Это вы напрасно, — сказал Спелмэн. — Я не буйный. То есть я очень редко бываю буйный. Давайте выпьем еще.

— Давно это с вами?

— По-моему, всю жизнь, — сказал Спелмэн. — Уверяю вас, это единственная возможность быть

счастливым в наше время. Какое мне дело до того, как стоят акции «Дуглас Эйркрафт»? Или Телеграфно-телефонной компании? Меня все это не касается. Я читаю какую-нибудь из ваших книг, или пью, или смотрю на фотографию Сильвии, и я счастлив. Я — как птица. Я даже лучше птицы. Я… — Он помедлил, подыскивая слова, потом сразу заторопился. — Я хорошенький маленький аист, — выпалил он и покраснел. Он пристально глядел на Ричарда Гордона, шевеля губами, и тут рослый молодой блондин отделился от группы, сидевшей в другом конце бара, подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Пойдем, Гарольд, — сказал он. — Нам пора домой.

Спелмэн свирепо посмотрел на Ричарда Гордона.

— Он смеется над аистом, — сказал он. — Он сторонится аиста. Аиста, который кружит в свободном полете…

— Пойдем, Гарольд, — сказал высокий молодой человек.

Спелмэн протянул руку Ричарду Гордону.

— Я не обижаюсь, — сказал он. — Вы хороший писатель. Продолжайте и дальше писать так. Помните, я всегда счастлив. Не давайте сбить

себя с толку. До скорого свидания.

Рослый молодой человек обнял его за плечи, и оба они, протиснувшись через толпу, пошли к выходу. Спелмэн оглянулся и подмигнул Ричарду Гордону.

— Славный малый, — сказал хозяин. Он постучал себя по лбу. — Очень образованный. Заучился, должно быть. Любит бить посуду. Но он это не со зла. Платит за все, что разобьет.

— Он часто бывает здесь?

— Каждый вечер. Как он вам сказал, кто он? Лебедь?

— Аист.

— Вчера он был лошадь. С крыльями. Как та лошадь, что на бутылках «Белого коня», только с крыльями. А все-таки малый славный. Денег много. У него в голове неладно. Родные и держат его здесь под присмотром. Он мне все хвалил ваши книги, мистер Гордон. Чего вам налить? За счет заведения.

— Виски, — сказал Ричард Гордон. Он увидел, что к нему подходит шериф. Шериф был необыкновенно высокий, похожий на мертвеца и очень любезный человек. Ричард Гордон уже видел его сегодня, на вечере у Брэдли, и разговаривал с ним об ограблении банка.

— Мистер Гордон, — сказал шериф, — если вы ничем не заняты, поедемте потом со мной. Береговая охрана ведет из пролива лодку Гарри Моргана. Его заметил танкер недалеко от Матакумбе. Захватили всю банду.

— Что вы говорите? — сказал Ричард Гордон. — Всех захватили?

— В телеграмме говорится, что все они убиты, только один жив еще.

— Неизвестно, кто?

— Нет, об этом ничего не сказано. Что там произошло, один бог знает.

— Деньги при них?

— Никто не знает. Но, должно быть, все там, на лодке, раз они не добрались до Кубы.

— Когда они будут здесь?

— О, часа через два-три, не раньше.

— Куда приведут лодку?

— Вероятно, в Военный порт. На причал береговой охраны.

— Где мы с вами встретимся?

— Я заеду за вами сюда.

— Лучше к Фредди. Я здесь столько не высижу.

— У Фредди сегодня не особенно приятно. Там полно ветеранов войны с общественных работ на островах. Они всегда страшно буянят.

— Пойду взгляну, что там делается, — сказал Ричард Гордон. — У меня сегодня настроение неважное.

— Что ж, только держитесь в стороне, — сказал шериф. — Хотите, я вас туда подвезу?

— Спасибо.

Они протолкались через толпу, и Ричард Гордон сел в машину рядом с шерифом.

— Как вы думаете, что произошло на лодке Моргана? — спросил он.

— Один бог знает, — ответил шериф. — Во всяком случае, что-то страшное.

— Точнее ничего не известно?

— Ровно ничего, — сказал шериф. — Ну, вот, пожалуйста, полюбуйтесь.

Они поравнялись с ярко освещенной витриной Фредди и сразу увидели, что бар битком набит. Люди, одетые в дунгари[9], одни с непокрытой головой, другие в кепках, старых военных фуражках или картонных шлемах, в три ряда толпились у стойки, патефон с усилителем играл «Остров Капри». В ту минуту, как шериф затормозил, из открытой двери с грохотом вылетел человек, а за ним другой. Они упали и, сцепившись, катались

---

[9] Примечания: 9
Матросская одежда из грубой бумажной ткани.

по тротуару, и тот, который был сверху, держал нижнего обеими руками за волосы и с глухим отвратительным стуком ударял его головой об асфальт. В баре никто даже не обернулся.

Шериф вышел из машины и схватил за плечи того, который был сверху.

— Брось сейчас же, — сказал он. — Вставай. Тот выпрямился и посмотрел на шерифа.

— Какого черта вы лезете не в свое дело? Второй, — волосы у него были в крови, кровь лилась из уха и размазывалась по веснушчатой щеке, тоже накинулся на шерифа.

— Что вы пристали к моему приятелю? — сказал он хрипло. — Чего вам надо? Думаете, я не могу вытерпеть?

— Ты все можешь вытерпеть, Джой, — сказал тот, который колотил его. Затем шерифу: — Слушайте, не найдется у вас доллара взаймы?

— Нет, — сказал шериф.

— Ну так убирайтесь к черту. — Он повернулся к Ричарду Гордону. — А вы что скажете, приятель?

— Могу угостить вас, — сказал Гордон.

— Пошли, — сказал ветеран и подхватил Гордона под руку.

— Я скоро заеду, — сказал шериф.

— Хорошо. Я буду ждать вас.

Когда они стали протискиваться к стойке, первый ветеран, рыжий, веснушчатый человек с окровавленным ухом и щекой, схватил Гордона за локоть.

— А, старый друг.

— Он молодчина, — сказал второй ветеран. — Он все может вытерпеть.

— Я все могу вытерпеть, — сказал окровавленный. — Этим-то я им и утер нос.

— А сдачи дать не можешь, — сказал еще кто-то. — И перестань толкаться.

— Пустите нас, — сказал окровавленный. — Пустите меня и моего старого друга. — Он шепнул Ричарду Гордону на ухо: — Я и не хочу давать сдачи. Я ведь могу вытерпеть, понимаете?

— Слушайте, — сказал второй ветеран, когда они наконец добрались до залитой пивом стойки. — Вы бы на него посмотрели сегодня днем, у комиссара Пятого лагеря. Я его повалил и колотил по голове бутылкой. Прямо дробь отбивал, как на барабане. Ручаюсь, я стукнул его раз пятнадцать.

— Больше, — сказал окровавленный.

— А ему хоть бы что.

— Я все могу вытерпеть, — сказал первый. Он шепнул Ричарду Гордону на ухо: — Это мой секрет.

Ричард Гордон передал им два стакана пива, которые нацедил и подвинул к нему толстый негр-бармен в белой куртке.

— Что за секрет? — спросил он.

— У меня, — сказал окровавленный. — Мой секрет.

— У него есть секрет, — сказал второй ветеран. — Он не врет.

— Хотите, скажу, — сказал окровавленный на ухо Ричарду Гордону. Гордон кивнул.

— Мне не больно. Второй кивнул:

— Скажи ему всю правду.

Рыжий приложил свои окровавленные губы почти к самому уху Гордона.

— Иногда мне даже приятно, — сказал он. — Что вы на это скажете?

Рядом с Гордоном стоял высокий, худой человек, со шрамом на щеке от глаз до подбородка. Он посмотрел на рыжего и усмехнулся.

— Сначала это был спорт, — сказал он. — Потом перешло в удовольствие. Если б меня могло от чего-нибудь стошнить, меня бы от тебя стошнило, Рыжий.

— Очень тебя легко тошнит, — сказал первый ветеран. — Ты в какой части служил?

— Тебе до этого дела нет, забулдыга несчаст-

ный, — сказал высокий человек.

— Стакан пива? — предложил Ричард Гордон высокому.

— Спасибо, — сказал тот. — У меня есть.

— Про нас не забывайте, — сказал один из тех двоих, что вошли вместе с Гордоном.

— Еще три пива, — сказал Ричард Гордон, и негр нацедил пива и подтолкнул к нему стаканы. У стойки было так тесно, что рук не разведешь, и Гордон оказался притиснутым к высокому ветерану.

— Вы что, с парохода? — спросил высокий.

— Нет, я здесь живу. А вы — с островов?

— Мы сегодня приехали с Тортугас, — сказал высокий. — Мы там подняли такой шум, что нас побоялись держать там.

— Он красный, — сказал первый ветеран.

— Ты бы тоже был красным, если б имел голову на плечах, — сказал высокий. — Они загнали нас туда, чтобы от нас избавиться, но мы подняли слишком большой шум. — Он улыбнулся Ричарду Гордону.

— А ну дай ему, — заорал кто-то, и Ричард Гордон увидел, как совсем близко от него поднялся кулак и ударил кого-то по лицу. Двое людей схватили того, которого ударили, и оттащили его от

стойки. Когда они выбрались на свободное место, один снова изо всех сил ударил его по лицу, а другой ударил его в живот. Он упал на цементный пол и закрыл голову руками, и первый пнул его в спину. Все это время он не издал ни звука. Первый рывком поднял его на ноги и подтолкнул к стене.

— Вразумить надо сукиного сына, — сказал он, и, когда тот, весь побелев, прижался к стене, второй стал в позицию, слегка согнув колени, размахнулся правым кулаком чуть не до самого пола и хватил человека у стены по щеке. Тот упал на колени, потом медленно свалился на бок, на полу вокруг его головы образовалась лужица крови. Они оставили его там и вернулись к стойке.

— Вот это удар, — сказал первый.

— Этот сукин сын, как приедет в город, всю свою получку положит на книжку, а потом приходит сюда поживиться на чужой счет, — сказал второй. — Это уже второй раз я его вразумляю.

— На этот раз ты его крепко вразумил.

— Когда я его ударил, челюсть у него подалась, точно мешок с орехами, — с довольным видом сказал второй. Избитый лежал у стены, и никто не обращал на него внимания.

— А если б ты меня так хватил, мне хоть бы

что, — сказал рыжий ветеран.

— Закройся, трепло, — сказал вразумитель. — У тебя сифон.

— Вот и врешь.

— Мне на таких, как ты, и смотреть противно, — сказал вразумитель. — Стану я себе зря руки отбивать.

— Вот именно, что зря отобьешь, — сказал Рыжий. — Послушайте, приятель, — сказал он Ричарду Гордону, — может, повторим?

— Славный народ, а? — сказал высокий. — Война очищает и облагораживает человека. Вопрос вот в чем: только такие, как мы, годятся в солдаты, или же это служба нас сделала такими?

— Я не знаю, — сказал Ричард Гордон.

— Готов поручиться, что вы здесь не найдете и трех запасных, — сказал высокий. — Это все отборный народ. Самые сливки подонков; те самые, с которыми Веллингтон победил при Ватерлоо. Что ж, мистер Гувер прогнал нас с Антикости, а мистер Рузвельт сплавил сюда, чтоб избавиться от нас. В лагере все устроено для того, чтоб вызвать эпидемию, но бедняги, как назло, не хотят умирать. Некоторых отвезли на Тортугас, но там теперь местность стала здоровее. И потом, мы не захотели там оставаться. Так что пришлось нас

привезти обратно, сюда. Что они теперь выдумают? Надо же им как-нибудь от нас избавиться. Разве вы этого не понимаете?

— Почему?

— Потому что мы — отпетые, — сказал высокий. — Нам нечего терять. Мы дошли до точки. Мы хуже той голытьбы, с которой имел дело Спартак. И с нами многого не сделаешь, потому что нас столько били, что теперь единственное наше утешение — алкоголь и единственная гордость — уменье все вытерпеть. Но не все мы такие. Кое-кто из нас сумеет и сдачи дать.

— Много в лагере коммунистов?

— Человек сорок, не больше, — сказал высокий. — На две тысячи. Чтоб быть коммунистом, нужны дисциплина и воздержание; пьянчуга не может быть коммунистом.

— Не слушайте вы его, — сказал рыжий ветеран. — Он просто красный, ну его к черту.

У другого конца стойки один ветеран заспорил с Фредди из-за счета.

— Вот столько ты выпил, — сказал Фредди. Ричард Гордон посмотрел на ветерана. Он был сильно пьян, глаза у него налились кровью, и он явно лез на скандал.

— Врешь, — сказал он Фредди.

— Восемьдесят пять центов, — сказал ему Фредди.

— Смотрите, что сейчас будет, — сказал Рыжий. Фредди положил обе руки на стойку. Он не сводил с ветерана глаз.

— Врешь, — сказал ветеран и схватился за пивной стакан. Как только его пальцы сомкнулись вокруг стакана, правая рука Фредди описала над стойкой полукруг и обрушила на голову ветерана тяжелую солонку, обмотанную посудным полотенцем.

— Чисто сделано? — сказал рыжий ветеран. — Красиво сделано?

— Вы бы посмотрели, как он орудует спиленным кием, — сказал второй.

Два ветерана, стоявшие там, где свалился зашибленный солонкой, сердито оглянулись на Фредди.

— Это еще что?

— Успокойтесь, — сказал Фредди. — Ну-ка, по одной за счет заведения. Эй, Уоллэйс, — сказал он, — прислони-ка этого к стенке.

— Чисто сделано? — спросил рыжий ветеран Ричарда Гордона. — Не придерешься?

Широкоплечий детина выволок зашибленного солонкой из толпы. Он поставил его на ноги, и

тот взглянул на него невидящими глазами.

— Выкатывайся, — сказал он ему. — Пойди, проветрись. — У стены сидел, держась обеими руками за голову, тот, которого вразумили раньше. Широкоплечий молодой человек подошел к нему.

— Ты тоже выкатывайся, — сказал он ему. — С тобой тут вечно истории.

— У меня челюсть сломана, — хрипло сказал тот. Изо рта у него шла кровь и стекала по подбородку.

— Скажи еще спасибо, что ты жив после такого удара, — сказал плечистый молодой человек. — Ну, выкатывайся.

— У меня челюсть сломана, — тупо повторил тот. — Они сломали мне челюсть.

— Выкатывайся, тебе говорят! — сказал молодой человек. — С тобой вечно истории.

Он помог человеку со сломанной челюстью встать на ноги, и тот нетвердыми шагами вышел на улицу.

— Помню, раз выдался вечер, так тут у стенки лежало штук двенадцать, — сказал рыжий ветеран. — А как-то поутру я видел, как этот толстопузый оттирал тут пол шваброй. Видел я, как ты шваброй оттирал пол? — спросил он толстого

негра-бармена.

— Да, сэр, — сказал бармен. — Много раз. Да, сэр. Но вы никогда не видели, чтобы я бил кого-нибудь.

— Говорил я вам? — сказал рыжий ветеран. — Шваброй.

— Похоже, что и сегодня вечер будет не хуже, — сказал второй ветеран.

— Послушайте, приятель (Ричарду Гордону), может, повторим еще раз?

Ричард Гордон чувствовал, что пьянеет. Его лицо в зеркале позади стойки уже начало казаться ему чужим.

— Как вас зовут? — спросил он высокого коммуниста.

— Джекс, — сказал высокий. — Нельсон Джекс.

— Где вы жили до того, как попали сюда?

— О, везде, — сказал тот. — В Мексике, на Кубе, в Южной Америке, везде.

— Завидую вам, — сказал Ричард Гордон.

— Почему вы мне завидуете? Почему вы не работаете?

— Я написал три книги, — сказал Ричард Гордон. — Сейчас пишу четвертую, о Гастонской стачке.

— Это хорошо, — сказал высокий. — Отлично.

Как, вы сказали, ваша фамилия?

— Ричард Гордон.

— А! — сказал высокий.

— Что это значит, «а!»?

— Ничего, — сказал высокий.

— Вы читали мои книги? — спросил Ричард Гордон.

— Да.

— Они вам не понравились?

— Нет, — сказал высокий.

— Почему?

— Не хочется говорить.

— Скажите.

— По-моему, все они — дерьмо, — сказал высокий и отвернулся.

— Сегодня, кажется, мой вечер, — сказал Ричард Гордон, — мой бенефис. Вы что будете пить? — спросил он рыжего ветерана. — У меня еще осталось два доллара.

— Пиво, — сказал Рыжий. — Слушайте, я ваш друг. По-моему, ваши книги — отличные книги. К черту этого паршивого красного.

— Нет ли у вас с собой какой-нибудь книжки? — спросил второй ветеран. — Я бы охотно почитал вашу книжку. Вы никогда не печатались в «Западных рассказах» или «Героях войны»? Я этих

«Героев войны» готов читать хоть каждый день.

— Что это за птица, этот высокий? — спросил Ричард Гордон.

— Я же говорю, он просто паршивый красный, — сказал второй ветеран. — Лагерь кишит такими. Мы бы их выставили, но я же говорю, у нас там народ чаще всего не помнит.

— Чего не помнит? — спросил Ричард Гордон.

— Ничего не помнит, — сказал второй.

— Вы меня видите? — спросил Рыжий.

— Да, — сказал Ричард Гордон.

— Вы бы поверили, что у меня самая славная женка на свете?

— Отчего же.

— Да, представьте себе, — сказал Рыжий. — И до чего же эта девчонка в меня влюблена. Она у меня прямо как рабыня. «Налей-ка мне еще чашку кофе», — говорю я. «Сейчас, папочка», — говорит. И чашка уже на столе. И так во всем. Она от меня без ума. Всякая моя прихоть для нее закон.

— А ты скажи, где она? — спросил второй ветеран.

— Вот то-то и есть, — сказал Рыжий. — То-то и есть, приятель. Где она?

— Он не знает, где она, — сказал второй ветеран.

— Мало того, — сказал Рыжий. — Я не знаю, где я ее последний раз видел.

— Он даже не знает, в какой она стране.

— Но послушайте, приятель, — сказал Рыжий. — Где бы она ни была, эта девчонка мне верна.

— Это святая истина, — сказал второй ветеран. — Можешь голову прозакладывать, что это так.

— Иногда, — сказал Рыжий, — я думаю, что, может быть, она — Джинджер Роджерс и снимается теперь в кино.

— Что ж, может быть, — сказал второй.

— Потом опять мне кажется, что она сидит смирно дома и дожидается меня.

— Поддерживает огонь в домашнем очаге, — сказал второй.

— Вот, вот, — сказал Рыжий. — Она самая славная маленькая женка на свете.

— Слушайте, — сказал второй ветеран. — Моя старуха тоже ничего.

— Правильно.

— Она умерла, — сказал второй ветеран. — Не будем о ней говорить.

— А вы женаты, приятель? — спросил Рыжий Ричарда Гордона.

— Как же, — ответил тот.

У другого конца стойки, человека через четыре от него, виднелось красное лицо, голубые глаза и рыжеватые, мокрые от пива усы профессора Мак-Уолси. Профессор Мак-Уолси смотрел прямо перед собой, и Ричард Гордон видел, как он допил свой стакан и, выпятив нижнюю губу, обсосал пену с усов. Он заметил, какие ярко-голубые у него глаза.

Глядя на него, Ричард Гордон почувствовал неприятное стеснение в груди. И в первый раз он понял, что чувствует мужчина, когда он смотрит на другого мужчину, к которому уходит его жена.

— Что с вами, приятель? — спросил рыжий ветеран.

— Ничего.

— Вам нехорошо. Я вижу, вам совсем плохо.

— Нет, — сказал Ричард Гордон.

— Можно подумать, что вы увидели привидение.

— Видите вон того, с усами? — спросил Ричард Гордон.

— Этого?

— Да.

— Ну и что же? — спросил второй ветеран.

— Ничего, — сказал Ричард Гордон. — Черт с ним. Ничего.

— Он вам мешает? Можно его вразумить. Мы втроем уложим его, а вы его каблуками.

— Нет, — сказал Ричард Гордон. — Это не поможет.

— Мы его сцапаем, когда он выйдет на улицу, — сказал рыжий ветеран. — Не нравится мне его физиономия. По-моему, он сильно смахивает на штрейкбрехера.

— Я его ненавижу, — сказал Ричард Гордон. — Он отнял у меня жизнь.

— А вот мы ему пропишем, — сказал второй ветеран. — Шпик усатый! Слушай, Рыжий, захвати-ка парочку бутылок. Мы его изобьем до полусмерти. И когда только он это успел? Скажите-ка, приятель, может, повторим еще?

— У нас есть еще доллар семьдесят центов, — сказал Гордон.

— Тогда не взять ли нам лучше бутылку? — сказал рыжий ветеран. — А то я только-только разошелся.

— Нет, — сказал второй. — Пиво из бочки тебе полезнее. Уж держись пива из бочки. Пойдем, вздуем этого гуся и вернемся выпить еще пива.

— Нет. Не трогайте его.

— Нет, приятель. Это мы не можем. Вы сказали, этот усатый отнял у вас жену.

— Жизнь. Жизнь, а не жену.

— Тьфу, виноват. Вы уж меня простите, приятель.

— Это он ограбил банк, — сказал второй ветеран. — Пари держу, что за него объявлена награда. Ей-богу, я его фотографию видел сегодня на почтамте.

— А что ты делал на почтамте? — спросил второй подозрительно.

— Что, я не могу письмо получить?

— Разве в лагерь письма не доходят?

— Уж не думаешь ли ты, что я был в сберегательной кассе?

— Что ты делал на почтамте?

— Просто зашел по дороге.

— На, получай, — сказал его приятель и так размахнулся, как только можно было в толпе.

— Ну, сцепились друзья-приятели, — сказал кто-то. Их стали подталкивать к двери, и они, лягаясь и бодаясь, колотя и тузя друг друга, вывалились на улицу.

— Пусть дерутся на тротуаре, — сказал широкоплечий молодой человек. — Эти сучьи дети по три-четыре раза в вечер затевают драку.

— Пара забулдыг, — сказал другой ветеран. — Рыжий умел драться когда-то, но теперь у него сифон.

— У них у обоих сифон.

— Рыжий схватил это от одного парня на ринге во время борьбы, — сказал низенький, коренастый ветеран. — У этого парня был сифон, и у него вся спина и плечи были в сыпи. При каждой схватке он терся плечом об нос Рыжего.

— Все враки. Зачем Рыжему было лезть туда лицом?

— А он всегда так держал голову, когда боролся. Вниз, вот так. Тот парень и терся об него.

— Все враки. Расскажи своей бабушке. Никогда такого не было, чтобы на ринге подцепить сифон.

— Это ты так думаешь. А я тебе скажу, что Рыжий был такой чистюлька, каких свет не создавал. Я его знаю, мы с ним в одном отряде были. И он был очень хороший борец. Кроме шуток, хороший. И у него была славная жена. Кроме шуток, славная. А сифон он схватил от этого Бенни Сампсона, это так же верно, как то, что я стою здесь.

— Так сядь, — сказал другой ветеран. — А где Барбос подцепил его?

— Барбос — в Шанхае.

— А ты где?

— Нигде.

— А Пузырь где?

— От девки в Бресте, на пути домой.

— Все вы любите говорить об этом. Сифон. А какая разница, есть у человека сифон или нет?

— Теперь для нас никакой, — сказал один ветеран. — С ним не хуже, чем без него.

— Для Барбоса даже лучше. Он не понимает, что с ним делается.

Ричард Гордон стоял теперь у стойки рядом с профессором Мак-Уолси. Когда Рыжий и Барбос затеяли драку, его оттеснили сюда, и он не пытался сопротивляться.

— Привет, — сказал ему профессор Мак-Уолси. — Стакан пива?

— Только не с вами, — сказал Ричард Гордон.

— Пожалуй, вы правы, — сказал профессор Мак-Уолси. — Видели вы где-нибудь такое?

— Нет, — сказал Ричард Гордон.

— Это очень любопытно, — сказал профессор Мак-Уолси. — Они удивительные люди. Я каждый вечер сюда прихожу.

— И ни разу не попали в историю?

— Нет. А почему?

— Бывают пьяные драки.

— Со мной никогда никаких историй не было.

— Несколько минут тому назад двое моих приятелей собирались избить вас.

— Вот как?

— Очень жалею, что я им помешал.

— Думаю, это бы ничего не изменило, — сказал профессор Мак-Уолси, как всегда очень странно выговаривая слова. — Если вам неприятно мое присутствие, я могу уйти.

— Нет, — сказал Ричард Гордон. — Я даже испытываю некоторое удовольствие от вашего соседства.

— Вот как, — сказал профессор Мак-Уолси.

— Вы были когда-нибудь женаты? — спросил Ричард Гордон.

— Да.

— Ну и чем кончилось?

— Моя жена умерла во время эпидемии инфлюэнцы в тысяча девятьсот восемнадцатом году.

— Зачем вы хотите опять жениться?

— Я думаю, на этот раз будет удачнее. Я думаю, может быть, я теперь сумею быть лучшим мужем.

— И для этого вы выбрали мою жену?

— Да, — сказал профессор Мак-Уолси.

— Скотина! — сказал Ричард Гордон и ударил

его по лицу.

Кто-то схватил его за руку. Он вырвал руку, и кто-то с силой хватил его по голове около самого уха. Он увидел, что профессор Мак-Уолси все еще стоит у стойки, весь красный, моргая глазами. Профессор Мак-Уолси потянулся за другим стаканом, потому что его пиво расплескал Гордон, и Ричард Гордон занес руку, чтобы ударить его еще раз. В эту минуту что-то опять взорвалось над самым его ухом, и все огни в баре ярко вспыхнули, закружились и потом погасли.

Потом он увидел, что стоит на пороге бара. В голове у него был звон, и переполненная комната не стояла на месте, а слегка кружилась, и его тошнило. Толпа смотрела на него. Широкоплечий молодой человек стоял с ним рядом.

— Слушайте, — говорил он, — нечего вам тут скандалить. Довольно, что эти пьяницы дерутся тут целый вечер.

— Кто меня ударил? — спросил Ричард Гордон.

— Я вас ударил, — сказал дюжий молодой человек. — Этот господин — наш постоянный посетитель. Нечего вам бесноваться по-пустому. Нечего затевать тут драки.

Нетвердо стоя на ногах, Ричард Гордон увидел, что профессор Мак-Уолси отделился от толпы у

стойки и идет к нему.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я вовсе не хотел, чтоб вас били. Я вполне понимаю ваши чувства…

— Скотина! — сказал Ричард Гордон и шагнул к нему. Это было последнее, что он мог вспомнить, потому что дюжий молодой человек стал в позицию, слегка опустив плечи, и двинул его снова, и на этот раз он повалился ничком на цементный пол. Дюжий молодой человек повернулся к профессору Мак-Уолси.

— Теперь все в порядке, док, — сказал он гостеприимным тоном. — Больше он к вам не будет приставать. А чего он, собственно, хотел?

— Я должен отвезти его домой, — сказал профессор Мак-Уолси. — Он оправится?

— Еще бы.

— Помогите мне втащить его в такси, — сказал профессор Мак-Уолси. Они подхватили Ричарда Гордона с двух сторон и с помощью шофера уложили его на сиденье допотопного фордика.

— Вы уверены, что он оправится? — спросил профессор Мак-Уолси.

— Когда захотите привести его в чувство, дерните его как следует за уши. И спрысните водой. Как бы только он не начал драться, когда придет

в себя. Смотрите, чтобы он не схватил вас, док.

— Нет, — сказал профессор Мак-Уолси. Голова Ричарда Гордона, неестественно запрокинутая, лежала на сиденье, и при каждом дыхании из горла у него вырывался хриплый, прерывистый шум. Профессор Мак-Уолси подложил ему руку под голову и поддерживал ее, чтобы она не колотилась о стенку машины.

— Куда ехать? — спросил шофер.

— На другой конец города, — сказал профессор Мак-Уолси. — Мимо парка. Потом по той улице, где торгуют краснобородками.

— Роки-Род? — спросил шофер.

— Да, — сказал профессор Мак-Уолси. У первого кафе, которое попалось им по дороге, профессор Мак-Уолси велел шоферу остановиться. Он хотел зайти купить сигарет. Он осторожно опустил голову Ричарда Гордона на сиденье и пошел в кафе. Когда он вернулся и хотел снова сесть в машину, Ричарда Гордона там не оказалось.

— Где он? — спросил он шофера.

— Вон идет по улице, — сказал шофер.

— Догоните его.

Когда такси поравнялось с Ричардом Гордоном, который, шатаясь, шел по тротуару, профессор Мак-Уолси вылез и подошел к нему.

— Садитесь, Гордон, — сказал он. — Мы едем домой. Ричард Гордон посмотрел на него.

— Мы? — сказал он, покачнувшись.

— Я хочу, чтобы вы сели в такси и поехали домой.

— Убирайтесь к черту.

— Вы все-таки сядьте, — сказал профессор Мак-Уолси. — Я хочу, чтоб вы благополучно добрались до дому.

— Где ваша банда? — спросил Ричард Гордон.

— Какая банда?

— Ваша банда, которая избила меня.

— Это вышибала. Я не знал, что он хочет вас ударить.

— Врете, — сказал Ричард Гордон. Он нацелился кулаком в красное лицо человека, стоявшего перед ним, но промахнулся. Он потерял равновесие и упал на колени, потом медленно встал. Он ободрал колени о камень тротуара, но не заметил этого.

— Становитесь, будем драться, — сказал он запинаясь.

— Я никогда не дерусь, — сказал профессор Мак-Уолси. — Садитесь в такси, я с вами не поеду.

— Идите к черту, — сказал Ричард и пошел по улице.

— Пусть идет, — сказал шофер. — Ничего с ним не случится. Он уже вполне оправился.

— Вы думаете?

— Конечно, — сказал шофер. — Он уже как ни в чем не бывало.

— Я все-таки неспокоен за него, — сказал профессор Мак-Уолси.

— Без драки вы его не заставите сесть, — сказал шофер. — Пускай идет. Он в полном порядке. Это что, ваш брат?

— В некотором роде, — сказал профессор Мак-Уолси.

Он смотрел, как Ричард Гордон, пошатываясь, шел по улице и наконец скрылся в тени больших деревьев, ветви которых спускались так низко, что вросли в землю, точно корни. В мыслях профессора Мак-Уолси при этом было мало приятного. Это смертный грех, подумал он, тяжкий и незамолимый грех, и величайшая жестокость, и если даже формально все это в конце концов может быть узаконено религией, я сам не могу себе этого простить. С другой стороны, хирург не может прерывать операцию из страха причинить пациенту боль. Но почему все эти операции в жизни делаются без наркоза? Если бы я был лучше, чем я есть, я позволил бы ему избить меня.

Ему бы стало легче от этого. Бедный, глупый человек. Бедный, бездомный человек. Мне не надо было отпускать его, но я знаю, что это для него слишком тяжело. Я полон стыда и отвращения к самому себе, и я жалею о том, что сделал. Все это еще может обернуться очень скверно. Но не нужно думать об этом. Я сейчас опять прибегну к наркозу, который спасал меня семнадцать лет, но теперь уже скоро мне не понадобится. Хотя возможно, что это уже стало пороком и я только придумываю для него оправдания. Но, во всяком случае, я к этому пороку хорошо приспособлен. Если б только я мог как-нибудь помочь этому бедному человеку, которого я обидел.

— Отвезите меня назад, к Фредди, — сказал он.

Глава двадцать третья

Катер береговой охраны, ведший на буксире «Королеву Кончей», шел узким проходом между рифом и островами. Во время прилива поднялся легкий северный ветер, и катер качало на волнах, но белая лодка легко и послушно шла за буксиром.

— Если ветер не покрепчает, все будет в порядке, — сказал командир катера береговой охраны. — Лодка очень легка на ходу. Хорошие лодки строил покойный Робби. Вы что-нибудь поняли из того, что он говорит?

— Он просто заговаривается, — сказал помощник. — Он в бреду.

— Умрет, вероятно, — сказал командир. — Такая рана в живот. Как вы думаете, этих четырех кубинцев он убил?

— Кто знает? Я его спрашивал, но он не понял, о чем я говорю.

— Может, еще раз попытаться его расспросить? Пойдем взглянем, как он там.

Оставив рулевого у штурвала, они вошли в командирскую каюту за штурвальной рубкой. Там на железной койке лежал Гарри Морган. Глаза у

него были закрыты, но он открыл их, как только командир тронул его за плечо.

— Как вы себя чувствуете, Гарри? — спросил его командир. Гарри посмотрел на него и ничего не сказал.

— Что-нибудь вам нужно, скажите? — спросил его командир.

Гарри Морган смотрел на него.

— Он вас не слышит, — сказал помощник.

— Гарри, — сказал командир. — Может, вам дать чего-нибудь?

Он смочил полотенце водой из графина, укрепленного в гнезде у койки, и приложил его к растрескавшимся губам Гарри Моргана. Они были сухие и черные. Глядя на него, Гарри Морган заговорил.

— Человек, — сказал он.

— Понимаю, — сказал командир. — Говорите, говорите.

— Человек, — сказал Гарри Морган очень медленно, — не имеет не может никак нельзя некуда. — Он остановился. Его лицо по-прежнему ничего не выражало.

— Говорите, Гарри, — сказал командир. — Расскажите нам, кто это сделал? Как это все случилось?

— Человек, — сказал Гарри, пытаясь что-то объяснить, глядя прямо на него своими узкими глазами.

— Четыре человека, — сказал командир, желая помочь ему. Он снова смочил ему губы, выжимая полотенце, так что несколько капель попало в рот.

— Человек, — поправил Гарри; потом остановился.

— Ну, хорошо. Человек, — сказал командир.

— Человек, — сказал Гарри снова, очень медленно, без всякого выражения, с трудом шевеля пересохшими губами. — Как все идет теперь как все стало теперь что бы ни было нет.

Командир посмотрел на помощника и покачал головой.

— Кто это сделал, Гарри? — спросил помощник. Гарри посмотрел на него.

— Не надо себя морочить, — сказал он. Командир и помощник оба наклонились над ним. Вот сейчас он скажет. — Все равно что на машине переваливать через горы. По дороге там, на Кубе. По всякой дороге. Везде. Так и тут. Как все идет теперь. Как все стало теперь. Ненадолго да конечно. Может быть. Если повезет. Человек. — Он остановился. Командир опять покачал головой,

глядя на помощника; Гарри Морган посмотрел на него без всякого выражения. Командир снова смочил Гарри губы. На полотенце остался кровавый след.

— Человек, — сказал Гарри Морган, глядя на них обоих. — Человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек один. — Он остановился. — Все равно человек один не может ни черта.

Он закрыл глаза. Потребовалось немало времени, чтобы он выговорил это, и потребовалась вся его жизнь, чтобы он понял это.

Он лежал неподвижно, глаза его снова открылись.

— Пойдем, — сказал командир помощнику. — Вам правда ничего не нужно, Гарри?

Гарри Морган посмотрел на него, но не ответил. Он ведь сказал им, но они не услышали.

— Мы еще зайдем, — сказал командир. — Лежите спокойно.

Гарри Морган смотрел им вслед, когда они выходили из каюты.

В штурвальной рубке, глядя, как небо темнеет и от маяка Сомбреро ложится на воду светлая дорожка, помощник сказал:

— Страх берет, когда он вот так начинает бредить.

— Жалко парня, — сказал командир. — Ну, теперь мы уже скоро будем на месте. В первом часу мы его доставим. Если только не придется убавить ход из-за лодки.

— Вы думаете, он выживет?

— Нет, — сказал командир. — Хотя — кто знает.

Глава двадцать четвертая

Большая толпа собралась на темной улице за железными воротами, преграждавшими доступ в бухту, где прежде была база подводного флота, а теперь гавань для морских яхт. Сторож-кубинец получил распоряжение никого не пропускать, и толпа напирала на ограду, чтобы сквозь железный переплет заглянуть в темное пространство, освещенное огнями яхт, стоявших у причалов. Толпа была спокойна — насколько может быть спокойна толпа в Ки-Уэст. Яхтсмены, работая плечами и локтями, протолкались к воротам и хотели пройти.

— Эй! Входить не разрешается, — сказал сторож.

— Что еще за новости? Мы с яхты.

— Никому не разрешается, — сказал сторож. — Отойдите от ворот.

— Не валяйте дурака, — сказал один из молодых людей и, оттолкнув его, пошел к пристани.

Толпа осталась за воротами, и маленький сторож смущенно и беспокойно прятал от нее свою фуражку, длинные усы и попранный авторитет, жалея о том, что у него нет ключа, чтобы запереть

ворота; а яхтсмены, бодро шагая к пристани, увидели впереди и потом миновали группу людей, ожидавших у причала береговой охраны. Они не обратили на нее внимания и, минуя причалы, где стояли другие яхты, вышли на причал номер пять, дошли до трапа и при свете прожектора поднялись с грубо сколоченных досок причала на тиковую палубу «Новой Экзумы».

В кают-компании они уселись в глубокие кожаные кресла, у длинного стола с газетами и журналами, и один из них позвонил стюарду.

— Шотландского виски с содовой, — сказал он. — А тебе, Генри?

— Тоже, — сказал Генри Карпентер.

— Зачем поставили этого остолопа у ворот?

— Понятия не имею, — сказал Генри Карпентер. Стюард в белой куртке принес два стакана.

— Поставьте пластинки, которые я вынул после обеда, — сказал Уоллэйс Джонстон, владелец яхты.

— Простите, сэр, я, кажется, их убрал, — сказал стюард.

— А, черт бы вас побрал, — сказал Уоллэйс Джонстон. — Ну, тогда поставьте Баха из нового альбома.

— Слушаю, сэр, — сказал стюард. Он подошел

к шкафчику с пластинками, вынул один альбом и направился с ним к патефону. Раздались звуки «Сарабанды».

— Ты сегодня видел Томми Брэдли? — спросил Генри Карпентер. — Я его видел вечером на аэродроме.

— Я его терпеть не могу, — сказал Уоллэйс. — Как и эту потаскуху, его жену.

— Мне Helene нравится, — сказал Генри Карпентер. — Она умеет наслаждаться жизнью.

— Ты это испытал на себе?

— Конечно. И остался очень доволен.

— Ни за какие деньги я бы не стал с ней связываться, — сказал Уоллэйс Джонстон. — И зачем она вообще здесь живет?

— У них здесь прекрасная вилла.

— Очень славная эта гавань, уютная, чистенькая, — сказал Уоллэйс Джонстон. — А правда, что Томми Брэдли — импотент?

— Не думаю. Про кого это не говорят. Он просто лишен предрассудков.

— Хорошо сказано. Она, во всяком случае, их лишена.

— Она удивительно приятная женщина, — сказал Генри Карпентер. — Она бы тебе понравилась, Уолли.

— Едва ли. Она — воплощение всего, что мне особенно противно в женщине, а Томми Брэдли — квинтэссенция всего, что мне особенно противно в мужчине.

— Ты сегодня очень решительно настроен.

— А ты никогда не бываешь решительно настроен, потому что в тебе нет ничего определенного, — сказал Уоллэйс Джонстон. — У тебя нет своего мнения. Ты даже не знаешь, что ты сам такое.

— Не будем говорить обо мне, — сказал Генри Карпентер. Он закурил сигарету.

— Почему, собственно?

— Хотя бы потому, что я разъезжаю с тобой на твоей дурацкой яхте и достаточно часто делаю то, что ты хочешь, и тем избавляю тебя от необходимости платить за молчание матросам и поварятам и многим другим, которые знают, что они такое, и знают, что ты такое.

— Что это на тебя нашло? — сказал Уоллэйс Джонстон. — Никогда я никому не платил за молчание, и ты это знаешь.

— Да, верно. Ты для этого слишком скуп. Ты предпочитаешь заводить таких друзей, как я.

— У меня больше нет таких друзей, как ты.

— Пожалуйста, без любезностей, — сказал Ген-

ри. — Я сегодня к этому не расположен. Слушай тут Баха, ругай стюарда и пей шотландское с содовой, а я пойду спать.

— Какая муха тебя укусила? — спросил Джонстон, вставая. — Что это ты вдруг стал говорить гадости? Не такое уж ты сокровище, знаешь ли.

— Знаю, — сказал Генри. — Завтра я буду в самом веселом настроении. Но сегодня нехороший вечер. Разве ты никогда не замечал, что вечера бывают разные? Может быть, когда человек богат, они все одинаковые?

— Ты разговариваешь, как школьница.

— Спокойной ночи, — сказал Генри Карпентер. — Я не школьница и не школьник. Я иду спать. К утру я повеселею, и все будет хорошо.

— Ты много проиграл? Оттого ты такой мрачный?

— Я проиграл триста.

— Вот видишь! Я сразу сказал, что все дело в этом.

— Ты всегда все знаешь.

— Но послушай. Ты же проиграл триста?

— Я больше проиграл.

— Сколько еще?

— Много, — сказал Генри Карпентер. — Мне вообще за последнее время не везет. Только сего-

дня я почему-то задумался об этом. Обычно я об этом не думаю. Ну, теперь я иду спать, а то я тебе уже надоел.

— Ты мне не надоел. Зачем ты хамишь?

— Потому что я хам и потому что ты надоел мне. Спокойной ночи. Завтра все будет хорошо.

— Ты ужасный хам.

— Приходится мириться, — сказал Генри Карпентер. — Я, например, всю жизнь только это и делаю.

— Спокойной ночи, — сказал Уоллэйс Джонстон с надеждой в голосе.

Генри Карпентер не ответил. Он слушал Баха.

— Неужели ты в самом деле пойдешь спать, — сказал Уоллэйс Джонстон. — Нельзя же так поддаваться настроению.

— Не будем об этом.

— Почему, собственно? С тобой уже это бывало, и все обходилось.

— Не будем об этом.

— Выпей еще и повеселеешь.

— Я не хочу больше пить, и я от этого не повеселею.

— Ну, тогда иди спать.

— Иду, — сказал Генри Карпентер.

Вот как обстояло дело в этот вечер на яхте «Но-

вая Экзума», состав команды двенадцать человек, капитан Нильс Ларсен, пассажиры: владелец, Уоллэйс Джонстон, тридцать восемь лет, магистр искусств Гарвардского университета, композитор, источник доходов — шелкопрядильные фабрики, холост, interdit de séjour в Париже,[10] хорошо известен от Алжира до Бискры, и один гость, Генри Карпентер, тридцати шести лет, магистр искусств Гарвардского университета, источник доходов — наследство после матери, в настоящее время двести в месяц из опекунского совета, прежде — четыреста пятьдесят, пока банк, ведающий фондами опекунского совета, не обменял одно надежное обеспечение на другое надежное обеспечение, затем на ряд других, не столь надежных обеспечений, и в конце концов на солидную недвижимость, которая оказалась и вовсе ненадежной. Еще задолго до этого сокращения доходов о Генри Карпентере говорили, что, если его без парашюта сбросить с высоты пяти тысяч пятисот футов, он благополучно приземлится за столом какого-нибудь богача. Правда, за свое содержание он платил полноценной валютой приятного общества, но хотя такие настроения

---

[10] Примечания: 10
Пребывание в Париже воспрещено (франц.).

и реплики, как в этот вечер, прорывались у него очень редко, и то лишь в последнее время, друзья его уже давно стали чувствовать, что он сдает. Они почувствовали это безошибочным инстинктом богачей, которые всегда вовремя угадывают, когда с одним из членов компании неладно, и тотчас же проникаются здоровым стремлением вышвырнуть его вон, если уж нельзя его уничтожить; и только это заставило его принять гостеприимство Уоллэйса Джонстона. По сути дела, Уоллэйс Джонстон, с его несколько своеобразными вкусами, был последним прибежищем Генри Карпентера, и своими честными попытками положить конец этой дружбе он, сам того не зная, избрал лучший способ самозащиты: появившаяся у него за последнее время резкость выражений и искренняя неуверенность в завтрашнем дне придавали ему особый интерес и привлекательность в глазах Джонстона, тогда как, постоянно уступая, он бы ему, вероятно, давно надоел — принимая во внимание его возраст. Так Генри Карпентер отодвигал свое неизбежное самоубийство если не на месяцы, то, во всяком случае, на недели.

Месячный доход, при котором ему не стоило жить, был на сто семьдесят долларов больше

того, на что должен был содержать свою семью рыбак Элберт Трэйси, пока его не убили три дня тому назад.

На других яхтах, стоявших у дощатых причалов, были другие люди и другие заботы. На одной из самых больших яхт, красивом черном трехмачтовом судне, шестидесятилетний хлебный маклер ворочался на постели, встревоженный полученным из конторы отчетом о ходе обследования, назначенного Бюро внутренних доходов. В другое время он бы давно уже приглушил свою тревогу хайболлом из шотландского виски и пришел бы в то состояние, когда все нипочем, как старым береговым пиратам, с которыми, кстати сказать, у него было много общего в характере и принципах поведения. Но доктор запретил ему пить в течение месяца, или, вернее, трех месяцев, иначе говоря, ему было сказано, что он не проживет и года, если не откажется от употребления алкоголя хотя бы на три месяца, так что месяц он решил воздержаться; теперь его тревожил еще и полученный из Бюро накануне выезда запрос о том, куда именно он направляется и не намерен ли покинуть воды Соединенных Штатов.

Он лежал, одетый в пижаму, на широкой постели, под головой у него были две подушки,

настольная лампа горела, но он не мог сосредоточиться на книге — описании путешествия в Галапагос. В былые годы он ни одной женщины никогда не приводил сюда. Он оставался у нее в каюте, а потом приходил сюда и ложился на эту постель. Это была его личная каюта, такая же священная для него, как и его контора. Женщинам здесь, у него, нечего было делать. Если ему нужна была женщина, он шел к ней, и когда все было кончено, то все было кончено, и теперь, когда все было кончено навсегда, его сознание постоянно сохраняло ту холодную ясность, которая в былые годы появлялась потом. И он лежал без спасительной путаницы в мыслях, лишенный искусственно созданной отваги, которая столько лет успокаивала его мозг и согревала сердце, и думал о том, что будет делать комиссия, что они нашли и что сумеют подтасовать, что сочтут правильным и что объявят противозаконным; и он не боялся их, а только ненавидел их и ту власть, которую они теперь не задумаются применить так дерзко, что вся его собственная небольшая, крепкая, задорная и несокрушимая дерзость — единственное, что у него было вечного и по-настоящему ценного, — даст трещину и, если только он поддастся страху, разлетится вдребезги.

Он мыслил не абстрактными понятиями, а сделками, балансами, векселями и чеками. Он мыслил акциями, кипами, тысячами бушелей, названиями держательских компаний, трестов и монополий, и, перебирая все в памяти, он видел, что найти можно немало, достаточно для того, чтобы на много лет лишить его покоя. Если они не пойдут на компромисс, будет скверно. В былые годы он не стал бы тревожиться, но способность к борьбе иссякла в нем вместе с другой способностью, и он был теперь совсем один среди всего этого и лежал на большой, широкой постели и не мог ни читать, ни спать.

Жена развелась с ним десять лет тому назад после двадцати лет соблюдения внешних приличий, и он никогда не чувствовал ее отсутствия, точно так же, как прежде никогда не чувствовал к ней любви. Он начал свою карьеру на ее деньги, и она родила ему двух отпрысков мужского пола, которые, как и мать их, не отличались умом. Он обходился с ней хорошо, пока нажитое им состояние не превысило вдвое ее первоначальный капитал, а тогда он мог позволить себе перестать замечать ее. После того как его состояние достигло этой цифры, ему уже никогда больше не докучали ее головные боли, ее жалобы и ее

планы. Он просто игнорировал их.

У него были блестящие данные для карьеры спекулянта, потому что он обладал необычайной сексуальной силой, дававшей ему уверенность хорошего игрока, здравым смыслом, безукоризненным математическим умом, постоянным, но сдержанным скептицизмом, который был чувствителен к надвигающимся катастрофам, как точный барометр-анероид к атмосферному давлению; и, наконец, безошибочным чувством времени, не позволявшим ему действовать слишком рано или слишком поздно. Все это, вместе с отсутствием нравственных правил, неспособностью к раскаянию или жалости и уменьем внушать людям симпатию, не платя за нее ни взаимностью, ни доверием, но в то же время искренне и горячо уверяя их в своей дружбе — дружбе человека, настолько заинтересованного в преуспеянии друзей, что они у него автоматически превращались в сообщников, — все это сделало его тем, чем он был теперь. А был он теперь стариком в шелковой полосатой пижаме, прикрывавшей впалую старческую грудь, вздутый животик, дряблые ножки и то, ныне бесполезное, чем он так когда-то гордился; и он лежал на кровати и не мог заснуть, потому что

наконец, впервые в жизни, узнал раскаяние.

Раскаивался он в том, что так ловко схитрил пять лет тому назад. Он мог тогда уплатить налог без всяких фокусов, и если б он это сделал, не о чем сейчас было бы беспокоиться. Он лежал и думал об этом и в конце концов заснул; но так как раскаяние нашло уже трещину и все время просачивалось в нее, он не знал, что спит, потому что его мозг продолжал ту же работу, что и наяву. Таким образом, он не имел отдыха, и в его возрасте немного нужно было таких ночей, чтобы доконать его.

Он часто говорил раньше, что тревоги — участь простачков, и умел гнать от себя тревоги до тех пор, пока не познакомился с бессонницей. Он и теперь спасался от тревог во сне, но стоило ему проснуться, они наступали со всех сторон, и оттого, что он был стар и немощен, им нетрудно было одолеть его.

Ему незачем было тревожиться о том, до чего он довел других людей, о том, что с ними случилось из-за него и как они кончили; кто из них расстался с особняком в аристократическом квартале и держит теперь дешевый пансион на окраине; у кого дочери, едва начавшие выезжать в свет, работают теперь ассистентками зубного

врача, если только есть работа; кто в шестьдесят три года пошел в ночные сторожа, в результате очередного ажиотажа на бирже; кто застрелился в одно прекрасное утро перед завтраком, и кем из детей был обнаружен труп, и что творилось после этого в доме; кто теперь каждое утро ездит надземкой на службу, если только есть служба; кто пытался продавать сначала акции, потом автомобили, потом хозяйственные принадлежности и приборы (торговцев не пускаем, уходите отсюда, и дверь с силой захлопнута перед носом), и наконец, в некоторое отличие от отца, бросившегося с сорок второго этажа — камнем, как ястреб, только без шороха крыльев, — ступил на третий рельс перед проходом ороро-элджинского поезда, не вынув из карманов пальто не находящие сбыта отжималки для фруктового сока, они же сбивалки для яичных белков. *Разрешите только продемонстрировать вам, сударыня. Вы прикрепляете вот здесь, завинчиваете вот этот маленький винтик. Теперь смотрите.* Нет, мне не нужно. *Да вы только попробуйте.* Не нужно. Уходите.

Тогда он вышел на улицу, и ряд голых деревьев, лысых двориков и стандартных домов, где никто ничего не хотел покупать, привел его прямо к

рельсам Ороро-Элджинской.

Одни выбирали длительное падение из окна конторы или жилого дома; другие наглухо запирали двери гаража и запускали мотор; третьи прибегали к отечественной традиции кольта или смит-и-вессона — этих остроумных механизмов, позволяющих покончить с бессонницей, забыть о раскаянии, излечиться от рака, избежать банкротства и сразу разделаться с самыми безвыходными положениями одним нажимом указательного пальца; этих великолепных изделий американской промышленности, таких портативных, таких надежных, так хорошо приспособленных для того, чтобы положить конец американскому радужному сну, когда он переходит в кошмар, и имеющих только одно неудобство — для родственников, которым приходится потом все приводить в порядок.

Люди, которых он разорил, прибегали ко всем этим разнообразным выходам, но его это не тревожило. Кто-нибудь должен же проигрывать, а тревожатся только простачки.

Стоит только задуматься о том, насколько лучше было бы, не схитри он так ловко пять лет тому назад, и в его возрасте этого достаточно, чтобы через несколько минут желание изменить

то, что уже не может быть изменено, открыло лазейку тревоге. Только простачки тревожатся. Но тревогу можно приглушить, если выпить шотландского с содовой. К черту доктора и его советы. И вот он звонит стюарду, и тот, заспанный, приносит стакан, и когда все выпито, спекулянт уже не простачок больше; ни перед кем, кроме смерти.

А на соседней яхте спит симпатичное, добропорядочное и скучное семейство. У отца совесть чиста, и он спит крепким сном, повернувшись на бок, шхуна борется с ураганом в рамке над его изголовьем, настольная лампа горит, книга упала и лежит на полу у постели. Мать спит спокойно и видит во сне свой садик. Ей под пятьдесят, но это красивая, здоровая, хорошо сохранившаяся женщина, и она еще привлекательна, когда спит. Дочке снится жених, который завтра должен прилететь самолетом, и она ворочается во сне и чему-то улыбается и, не просыпаясь, подтягивает колени чуть не к самому подбородку, и, свернувшаяся, как котенок, вся в светлых кудряшках, с гладкой и нежной кожей, она похожа во сне на свою мать в юности.

Это счастливое семейство, и все члены его любят друг друга. Отец — человек с сильно раз-

витым чувством гражданского достоинства и со многими заслугами, в свое время противник сухого закона, не ханжа, великодушен, разумен, добр и почти никогда не выходит из себя. Команда яхты получает хорошее жалованье, хорошее помещение и сытную пищу. Все они высоко ценят хозяина и любят его жену и дочку. Жених — член общества «Череп и кости»,[11] подающий надежды, пользующийся всеобщим уважением, который пока еще больше думает о других, чем о себе, и был бы слишком хорош для всякой девушки, кроме прелестной Фрэнсис. Вероятно, он и для Фрэнсис чуточку слишком хорош, но пройдут годы, прежде чем она это узнает, а если все сложится удачно, может и совсем не узнать. Мужчины, которые всегда на высоте в «Черепе», редко оказываются на высоте в постели; но для прелестных девушек вроде Фрэнсис замысел значит не меньше, чем исполнение.

Как бы то ни было, все они спят спокойно, но откуда же взялись те деньги, которые они расходуют с такой пользой и удовольствием, чувствуя себя при этом вполне счастливыми? Эти деньги взялись от продажи миллионов бутылок одного

[11] Примечания: 11

Студенческая организация, куда доступ открыт только отпрыскам аристократических семейств.

широко распространенного продукта, который обходится фабриканту в три цента кварта, а продается по доллару за большую бутылку, пятьдесят центов за среднюю и двадцать пять за маленькую. Но выгоднее покупать большую, и если вы зарабатываете десять долларов в неделю, вы платите совершенно ту же цену, как если бы вы были миллионером, а качество продукта в самом деле высокое. Он дает тот именно эффект, который обещан, и еще многие другие. Благодарные клиенты со всех концов света пишут письма об открытых ими новых случаях применения, а старые клиенты так же верны ему, как Гарольд Томкинс, жених, «Черепу и костям», или Стэнли Болдуин — Хэрроуской школе[12]. Там, где деньги наживаются таким путем, самоубийств не бывает, и каждый спит спокойным сном на яхте «Альзира», капитан Ион Якобсон, команда четырнадцать человек, пассажиры: владелец с семьей.

У четвертого причала стоит двухмачтовая яхта тридцати четырех футов в длину, на борту которой находятся двое из тех трехсот двадцати четырех эстонцев, которые плавают по всем морям мира на судах от двадцати восьми до

[12] Примечания: 12
Аристократический колледж в Англии.

тридцати шести футов в длину и отовсюду шлют корреспонденции в эстонские газеты. Эти корреспонденции весьма популярны в Эстонии, и авторы их получают от доллара до доллара тридцати центов за столбец. Они занимают место в американских газетах, отводимое бейсбольной и футбольной хронике, и печатаются под общим заголовком «Саги наших бесстрашных путешественников». Ни одна гавань для морских яхт в южных водах не обходится без парочки загорелых, просоленных белобрысых эстонцев, мирно ожидающих гонорара за последнюю корреспонденцию. Как только гонорар будет получен, они распустят паруса и отправятся в другую гавань, где напишут другую сагу. Они тоже вполне счастливы. Почти так же счастливы, как пассажиры «Альзиры». Великое дело быть бесстрашным путешественником.

На «Иридии» спит сам хозяин, по профессии зять богатого тестя, и его любовница Дороти, жена высокооплачиваемого голливудского режиссера Джона Холлиса, который еще надеется, что его мозг переживет печень, и готовится под конец объявить себя коммунистом во спасение своей души, так как прочие органы уже настолько прогнили, что спасти их невозможно. Зять,

могучего сложения, плакатно-красивый, лежит на спине и храпит, но Дороти Холлис, жене кинорежиссера, не спится, и она, накинув халат, выходит на палубу и всматривается в темные воды гавани, пересеченной прямой линией волнолома. На палубе прохладно, и ветер развевает ее волосы, и она отводит их с загорелого лба и, плотнее запахнув халат, потому что от холода у нее отвердели соски, замечает огни катера, подходящего к волнолому со стороны моря. Она видит, как они быстро и неуклонно подвигаются вперед, и у самого входа в гавань на катере зажигается прожектор, и сноп света, ослепив ее по пути, скользит к причалу береговой охраны, где выхватывает из темноты группу ожидающих и черный лак санитарного автомобиля, принадлежащего похоронному бюро, так что ему случается также служить катафалком.

Придется в конце концов принять люминал, подумала Дороти. Должна же я поспать. Бедный Эдди пьян как стелька. Он меня любит, и он очень славный, но он всегда так напивается, что сразу же засыпает. Он такой милый. Конечно, если б я вышла за него замуж, он бы спутался с кем-нибудь еще. А все-таки он милый. Бедный мальчик, он совсем пьян. Хоть бы его не мутило утром. Пойду

уложу волосы и постараюсь все-таки немножко поспать. А то стану совсем страшилищем. Я хочу быть красивой для него. Он милый. Как жаль, что я не взяла горничной. Нельзя было. Даже Бэйтс и то нельзя было. Как-то бедный Джон себя чувствует? Он тоже очень милый. Надеюсь, ему лучше. Эта несчастная печень. Без меня там некому о нем позаботиться. Надо хоть немного поспать, не то буду выглядеть завтра совершенным страшилищем. Эдди милый. И Джон тоже, и его печень. Ах, эта несчастная печень. Эдди милый. Как жаль, что он так сильно напился. Он такой большой, и веселый, и сильный, и вообще. Может быть, завтра он так не напьется.

Она спустилась вниз, добралась до своей каюты и, сидя у зеркала, принялась щеткою расчесывать волосы. Ежевечерняя сотня взмахов. Она улыбалась себе в зеркале, когда густая щетка погружалась в ее красивые волосы. Эдди милый. Да, милый. Как жаль, что он так напился. У мужчин всегда что-нибудь неладно. Взять хотя бы печень Джона. Как же это печень взять? Слава богу, это невозможно. А если б можно было — вот ужас, наверно. Хотя в мужчине нет ничего по-настоящему безобразного. Смешно, что этого не понимают. Хотя вот печень или почки. Почки в

мадере. Сколько их, почек? У нас почти всего по два, только желудок один и сердце. Да, и еще мозг. Ну вот. Уже сто взмахов. Я люблю расчесывать волосы. Это, кажется, единственное, что делаешь потому, что так нужно, а вместе с тем это приятно. Когда бываешь одна, конечно. Ах, Эдди очень милый. Может быть, пойти к нему? Нет, он слишком пьян. Бедный мальчик. Приму люминал.

Она посмотрела на себя в зеркало. У нее было удивительно красивое лицо и миниатюрная, изящная фигура. Еще ничего, подумала она. Кое-что получше, кое-что похуже, но в целом пока ничего. Но все-таки надо же поспать. Я люблю спать. Если б можно было хоть раз уснуть крепким, настоящим, здоровым сном, как мы спали, когда были маленькими. Вот потому-то и скверно, что становишься взрослой, и выходишь замуж, и рожаешь детей, и потом слишком много ешь и делаешь много такого, что не нужно делать. Может быть, если бы хорошо спать, все это не было бы вредно. Только вот пить слишком много не годится. Бедный Джон со своей печенью, а теперь еще Эдди. Эдди все-таки прелесть, что бы там ни было. Он молодец. Придется мне принять люминал.

Она состроила себе гримасу в зеркале.

— Придется тебе принять люминал, — сказала она шепотом. Она проглотила таблетку и запила ее водой из стакана, который вместе с графином-термосом стоял на шкафчике у кровати.

Это очень плохо для нервов, подумала она. Но надо же человеку спать. Интересно, что бы Эдди делал, если б мы были мужем и женой. Наверно, нашел бы себе какую-нибудь помоложе. Наверно, они так уж устроены и ничего тут не могут поделать, все равно как и мы. Мне просто нужно, чтобы этого было побольше, и тогда мне хорошо, а с кем это, все с тем же или с кем-нибудь другим, в конце концов не важно. Главное, чтоб это было, и всегда будешь любить того, кто тебе это дает. Даже если это один и тот же. Но у них иначе. Им всегда нужна новая, или потому, что она моложе, или потому, что она недоступна, или потому, что она похожа на кого-то. Если ты брюнетка, им хочется блондинку. Если ты блондинка, им непременно нужно рыжую. Если ты рыжая, им хочется еще чего-нибудь. Еврейку, например, а когда уже больше, кажется, ничего не придумаешь, так им захочется китаянку, или лесбийку, или бог весть кого еще. Не знаю сама. Может быть, они просто устают. Что ж тут делать, раз у них природа такая, ведь я тоже не виновата,

если у Джона печень или если он столько пил, что теперь уже ни на что не годен. Он был молодцом. Он был просто прелесть. Был. В самом деле был. И Эдди тоже прелесть. Но сейчас он пьян. Я, наверно, в конце концов сделаюсь сукой. Может быть, я уже сука. Наверно, этого сама не замечаешь, пока тебе подруги не скажут. У мистера Уинчелла об этом не прочтешь. А интересный был бы для него сюжет! Сучья жизнь. Миссис Джон Холлис после длительного пребывания на побережье всобачилась в родной город. Занятнее, чем новорожденные младенцы. Хотя не более оригинально. Но женщины в самом деле несчастные. Чем лучше обращаешься с мужчиной, чем больше выказываешь ему любви, тем скорее надоедаешь ему. Хорошему мужчине нужен десяток жен, но это тоже утомительно, когда сама пытаешься быть десятком жен сразу, а потом все равно находится какая-нибудь без затей и, как только ты ему надоешь, она тут как тут. Все мы в конце концов становимся суками, но кто в этом виноват? Сукам веселее живется, но хорошей сукой может быть только круглая дура. Вроде Helene Брэдли. Дура, и притом большая эгоистка. Вероятно, и я теперь такая. Говорят, этого никогда сама не знаешь, всегда кажется, что ты не такая.

Наверно, есть такие мужчины, которым никогда не надоедает женщина и никогда не надоедает это. Должны быть. Но где они? Все те, кого мы знаем, испорчены воспитанием. Не стоит сейчас задумываться об этом. Не стоит вспоминать. Все эти танцы и автомобильные прогулки. Хоть бы скорее подействовал люминал. Противный Эдди. Все-таки бессовестно так напиваться. Просто бессовестно. Если у них природа такая, с этим ничего не поделаешь, но при чем тут пьянство? Наверно, я самая настоящая сука, но если я буду лежать тут всю ночь и не засну, я сойду с ума, а если я слишком наглотаюсь этой гадости, я завтра весь день буду скверно себя чувствовать, и потом иногда это не помогает, и все равно я завтра весь день буду злиться, и нервничать, и чувствовать себя отвратительно.

Наконец она заснула, не забыв в последнюю минуту повернуться на бок, чтобы не спать, уткнувшись в подушку. Как бы ей ни хотелось спать, она не забывала, что это страшно портит лицо, спать вот так, уткнувшись в подушку.

В порту стояли еще две яхты, но и там все уже спали, когда катер береговой охраны привел в темную гавань «Королеву Кончей», лодку Фрэдди Уоллэйса, и пришвартовался у причала берего-

вой охраны.

Глава двадцать пятая

Гарри Морган ничего не слышал и не видел, когда с причала подали носилки и при свете прожектора два человека поставили их на палубу серого катера у дверей командирской каюты, а два других подняли его с командирской койки, осторожно вынесли и уложили на носилки. С тех пор как стемнело, он был без сознания, и тяжесть его тела сильно оттянула холст, когда все четверо подняли носилки, чтобы нести на причал.

— Ну, поднимай.

— Придержи его ноги. Как бы он не соскользнул.

— Поднимай.

Носилки вынесли на причал.

— Ну, как он, доктор? — спросил шериф, когда носилки вдвигали в санитарную машину.

— Пока жив, — сказал доктор. — Больше ничего сказать нельзя.

— С тех пор как мы его подобрали, он то бредит, то без сознания, — сказал боцманмат, командовавший катером береговой охраны. Это был плотный, приземистый человек в очках, которые блестели в лучах прожектора. Он был небрит. —

Все трупы там, в моторной лодке. Мы ничего не трогали. Только двоих перенесли на другое место, потому что они могли упасть за борт. Все в точности так, как было. И деньги и оружие. Все.

— Пойдем, — сказал шериф. — Нельзя ли навести туда прожектор?

— Сейчас я это устрою, — сказал начальник пристани. Он пошел за прожектором и шнуром.

— Пойдем, — сказал шериф. Они взошли на корму моторной лодки, светя себе карманным фонарем. — Я хочу, чтоб вы мне показали в точности, как все было, когда вы нашли их. Где деньги?

— Вот в этих сумках.

— Сколько тут?

— Не знаю. Я открыл одну сумку и увидел, что в ней деньги, и сейчас же закрыл. Я не хотел их трогать.

— Правильно, — сказал шериф. — Правильно сделали.

— Тут все как было, только вон те два трупа мы переложили на пол, чтоб они не вывалились за борт, а этого здоровенного быка Гарри перенесли на катер и уложили на мою койку. Я не ожидал, что мы довезем его живым. Он очень плох.

— Он все время без сознания?

— Сначала он бредил, — сказал командир. — Просто заговаривался. Мы слушали, слушали, но понять ничего нельзя было. Потом он совсем потерял сознание. Ну вот вам вся картина. Все так и было, только там, где теперь лежит вон тот, похожий на негра, тогда лежал Гарри. А этот лежал на скамье, над правым баком, свесившись за борт, а второй черномазый, который рядом с ним, лежал на другой скамье, у левого борта, ничком и весь скорчившись. Осторожно. Не зажигайте спичек. Здесь полно бензину.

— Должен быть еще один убитый, — сказал шериф.

— Больше не было. Деньги здесь, в сумках. Оружие все там, где лежало.

— Нужно, чтобы кто-нибудь из банка присутствовал, когда мы будем вскрывать сумки, — сказал шериф.

— Верно, — сказал командир. — Так и сделаем.

— Можно отнести их ко мне в кабинет и там запечатать.

— Так и сделаем, — сказал командир. При свете прожектора белая с зеленым лодка блестела, как только что выкрашенная. Так казалось оттого, что палуба и тент были покрыты росой. Вокруг пробоин белая краска растрескалась. Вода за

кормой была светло-зеленая при электрическом свете, и у самых свай сновала мелкая рыба.

Раздувшиеся лица убитых тоже блестели при свете и в тех местах, где засохла кровь, были словно покрыты темным лаком. Вокруг трупов валялись пустые патроны. Автомат Томпсона лежал на корме, там, где его положил Гарри. Два кожаных портфеля, в которых кубинцы принесли на лодку деньги, были прислонены к одному из баков.

— Когда мы взяли лодку на буксир, я было хотел перенести деньги на катер, — сказал командир. — Потом я решил, что лучше оставить все, как есть, тем более что погода хорошая.

— И правильно сделали, — сказал шериф. — Но куда же девался пятый, рыбак Элберт Трэси?

— Не знаю. Здесь все так, как было, мы только переложили этих двух, — сказал шкипер. — Они все изрешечены пулями, кроме вон того, что лежит у штурвала. Этот был убит сразу. Пуля попала в затылок и прошла навылет. Вон, на лбу видно.

— Это тот, что был совсем еще мальчик с виду, — сказал шериф.

— Теперь и не поймешь, каков он был с виду, — сказал командир.

— А вот — тот длинный, с автоматом, который

убил адвоката Роберта Симмонса, — сказал шериф. — Что здесь, по-вашему, произошло? Как это случилось, что они все убиты?

— Наверно, передрались между собой, — сказал командир. — Поспорили, наверно, из-за дележа денег.

— Надо их пока чем-нибудь прикрыть, — сказал шериф. — Сумки я возьму с собой.

В это время, прежде чем они успели сойти с лодки, на причале показалась женщина, она бежала мимо катера береговой охраны, и за ней бежала вся толпа. Женщина была костлявая, немолодая, без шляпы, ее прическа развалилась, и жидкие косицы съехали на шею, хотя концы их еще держались на одной шпильке. Когда она увидела трупы в лодке, она пронзительно закричала. Она стояла на самом краю и кричала, запрокинув голову, а две другие держали ее под руки. Толпа, прибежавшая вслед за ней, сгрудилась вокруг нее, теснилась поближе, во все глаза глядя на лодку.

— А, черт, — сказал шериф. — Какой дурак оставил ворота открытыми? Дайте сюда что-нибудь, чем закрыть трупы; одеяла, простыни, что угодно, и потом нужно очистить причал от публики.

Женщина перестала кричать и заглянула в

лодку, потом запрокинула голову и закричала опять.

— Куда они его дели? — сказала одна из тех, что стояли рядом. — Куда они девали Элберта?

Женщина, которая кричала, умолкла и снова заглянула в лодку.

— Его тут нет, — сказала она. — Эй, Роджер Джонсон, — крикнула она шерифу. — Где Элберт? Где Элберт?

— Его не было в лодке, миссис Трэси, — сказал шериф.

Женщина запрокинула голову и закричала опять, все жилы вздулись на ее худой шее, кулаки были сжаты, голова тряслась.

Сзади в толпе толкались и напирали на передних, пытаясь протиснуться к краю причала.

— Пустите. Дайте и другим посмотреть!

— Их сейчас накроют. — И по-испански: — Дайте пройти. Дайте взглянуть. Hay cuatro muertos. Todos muertos. Дайте посмотреть.

Женщина теперь кричала:

— Элберт! Элберт! Боже мой, боже мой, где Элберт?

Сзади в толпе два молодых кубинца, которые только что прибежали и не могли пробраться вперед, отошли на несколько шагов, потом раз-

бежались и вместе врезались в толпу. От толчка те, кто был сзади, навалились на стоявших впереди, миссис Трэси и ее две соседки покачнулись, на мгновенье повисли над водой, в отчаянной попытке сохранить равновесие, и, в то время как соседки неистовым усилием удержались на ногах, миссис Трэси, крича, рухнула в зеленую воду, и ее крик потерялся в раздавшемся всплеске.

Двое матросов бросились в освещенную прожектором светло-зеленую воду, где с шумом и плеском барахталась миссис Трэси. Шериф, наклонившись с кормы, протянул ей багор, и наконец соединенными усилиями матросов, подталкивавших снизу, и шерифа, тянувшего сверху, удалось втащить ее на корму. Никто в толпе не шевельнулся, чтобы прийти к ней на помощь, и, стоя на корме, вся мокрая, она обернулась к ним и закричала, потрясая кулаками:

— Шволочи! Шукины дети! — Потом, взглянув вниз, она завопила: — Элберт! Где Элберт?

— Его нет на лодке, миссис Трэси, — сказал шериф, взяв одеяло, чтобы закутать ее. — Успокойтесь, миссис Трэси. Возьмите себя в руки.

— Мои жубы, — сказала миссис Трэси трагически. — Я потеряла жубы.

— Мы их выловим утром, — сказал ей командир

катера береговой охраны. — Они не пропадут.

Матросы вылезли на корму лодки, вода с них стекала ручьями.

— Идем, — сказал один из них. — Мне холодно.

— Ну как вы, ничего, миссис Трэси? — спросил шериф, закутывая ее в одеяло.

— Ничего? — сказала миссис Трэси. — Ничего? — Потом сжала оба кулака и запрокинула голову, чтобы закричать громче. Горе миссис Трэси было сверх ее сил.

Толпа слушала ее в почтительном молчании. Крики миссис Трэси как нельзя лучше подходили к зловещему виду четырех мертвых тел, на которые шериф и его помощники набрасывали в эту минуту одеяла, скрывая от глаз зрелище, какого город не видел уже несколько лет, с тех самых пор, как Исленьо линчевали на Каунти-Род и потом повесили на телеграфном столбе при свете фар автомобилей, съехавшихся со всей округи.

Толпа была разочарована, когда трупы накрыли, но все-таки из целого города только те, кто был здесь, видели все. Они видели, как миссис Трэси упала в воду, и еще раньше, когда они стояли за воротами, они видели, как увезли в Морской госпиталь Гарри Моргана. Когда шериф приказал очистить пристань, они ушли, спокойные и

довольные. Они сознавали, какая удача выпала на их долю.

Между тем в приемной Морского госпиталя Мария, жена Гарри Моргана, и ее три дочери сидели на скамье и ждали. Все три девочки плакали, а Мария кусала носовой платок. Она с утра не могла заплакать.

— Папа ранен в живот, — сказала одна из девочек сестре.

— Ужас, — сказала сестра.

— Тише, — сказала старшая сестра. — Я молюсь за него. Не мешайте мне.

Мария не говорила ничего и только кусала носовой платок и нижнюю губу.

Немного спустя вышел доктор. Она посмотрела на него, и он покачал головой.

— Можно мне туда? — спросила она.

— Нет еще, — сказал он. Она подошла к нему.

— Кончено? — спросила она.

— Боюсь, что так, миссис Морган.

— Можно мне взглянуть на него?

— Нет еще. Он сейчас в операционной.

— А, черт, — сказала Мария. — А, черт. Я отвезу девочек домой. Потом я вернусь.

В горле у нее что-то вдруг вздулось и встало поперек, так что она не могла глотнуть.

— Идем, девочки, — сказала она. Все три девочки пошли за ней к старой, потрепанной машине, и она села за руль и включила мотор.

— Как папа? — спросила одна из девочек. Мария не ответила. — Мама, как папа?

— Не разговаривайте со мной, — сказала Мария. — Только не разговаривайте со мной.

— Но…

— Молчи, дочка, — сказала Мария. — Молчи и молись за него.

Девочки опять заплакали.

— Ну вас, — сказала Мария. — Перестаньте плакать. Я сказала: молитесь за него.

— Мы молимся, — сказала одна из девочек. — Я все время молюсь, с самой больницы.

Когда они свернули на Роки-Род, фары осветили впереди фигуру человека, который нетвердым шагом брел по тротуару.

Пьянчуга какой-то, подумала Мария. Какой-то несчастный пьянчуга.

Они поравнялись с ним и увидели, что лицо у него окровавлено, и когда машина скрылась за поворотом, он все еще брел нетвердым шагом в темноте. Это был Ричард Гордон, возвращавшийся домой.

У дверей дома Мария остановила машину.

— Ложитесь спать, девочки, — сказала она. — Идите наверх и ложитесь спать.

— Мама, но как же папа? — спросила одна из девочек.

— Не спрашивайте меня, — сказала Мария. — Ради всего святого, не разговаривайте вы со мной.

Она развернулась и поехала назад, к госпиталю.

Возвратясь в госпиталь, Мария Морган одним духом взбежала на крыльцо. На пороге она столкнулась с доктором, только что отворившим дверь. Он устал и торопился домой.

— Все кончено, миссис Морган, — сказал он.

— Он умер?

— Умер на столе.

— Можно мне взглянуть на него?

— Да, — сказал доктор. — Он умер очень спокойно, миссис Морган. Он не чувствовал боли.

— Господи, — сказала Мария. Слезы потекли у нее по щекам. — О-о, — простонала она. — О-о, о-о, о-о!

Доктор положил ей руку на плечо.

— Не трогайте меня, — сказала Мария. Потом: — Я хочу взглянуть на него.

— Пойдемте, — сказал доктор. Он прошел вме-

сте с ней по коридору и вошел в белую комнату, где Гарри Морган лежал на высоком столе, под простыней, прикрывавшей все его большое тело. Свет в комнате был очень яркий и не давал теней. Мария остановилась в дверях, испуганная этим светом.

— Он совсем не мучился, миссис Морган, — сказал доктор. Мария как будто не слышала его.

— А, черт, — сказала она и опять заплакала. — Что за проклятое лицо!

Глава двадцать шестая

Не знаю, думала Мария Морган, сидя в столовой у стола. Может быть, терпеть понемногу, день за днем, ночь за ночью, и тогда ничего. Хуже всего эти проклятые ночи. Если бы еще я любила наших девочек, тогда бы ничего. Но я их не люблю, наших девочек. И все-таки нужно о них подумать. Нужно найти какую-нибудь работу. Я совсем как мертвая, но, может быть, это пройдет. Не все ли равно? Все-таки нужно взяться за работу. Сегодня ровно неделя. Боюсь, если я нарочно буду все время думать о нем, я забуду, какой он. Это было самое страшное, когда я вдруг забыла, какое у него лицо. Нужно взяться за работу, как мне ни тяжело. Если б он оставил деньги или если б выдали награду, было бы легче, но мне бы легче не было. Первым делом нужно продать дом. Сволочи, убили его. Сволочи проклятые! Только это я и чувствую! Ненависть и еще будто у меня пусто внутри. Так пусто, как в пустом доме. Придется все-таки искать работу. Нехорошо, что я не пошла на похороны. Но я не могла. Нужно искать работу. Кто умер, тот уже не вернется.

Такой он был задорный, сильный, быстрый, по-

хожий на какого-то диковинного зверя. Я никогда не могла спокойно смотреть, как он двигается. Я была всегда так счастлива, что он мой. В первый раз ему счастье изменило на Кубе. Потом все пошло хуже и хуже, и вот кубинец убил его.

Кубинцы приносят несчастье кончам. Кубинцы всем приносят несчастье. И потом, слишком там много черномазых. Я помню, как он меня один раз взял с собой в Гавану, еще когда он хорошо зарабатывал, и мы гуляли в парке и один черномазый сказал мне словечко, и Гарри так дал ему по уху, что соломенная шляпа слетела у него с головы, а Гарри подхватил ее и отшвырнул за полквартала, и ее переехало такси. Помню, я так хохотала, что у меня живот заболел. Как раз тогда я в первый раз выкрасила волосы в салоне красоты на Прадо. Парикмахер полдня провозился с этим, они были такие черные, что сначала он не брался, и я боялась, что стану похожа на чучело, но все просила, нельзя ли сделать их чуть светлее, и парикмахер держал гребень и деревянную палочку с ватой на конце, и обмакивал вату в чашку с жидкостью, и от нее как будто дым шел; и он гребнем и другим концом палочки отделял по одной прядке и смазывал этой жидкостью, а потом ждал, пока высохнет, а я сидела, и у меня

даже под ложечкой сосало от страха, что я наделала, и я только все просила, нельзя ли сделать их чуть-чуть светлее.

И наконец он сказал: «Вот, мадам, светлее уже сделать нельзя». И потом он вымыл их шампунем и уложил, а я боялась даже взглянуть от страха, что буду похожа на чучело, и он причесал их, сделал пробор сбоку и зачесал за уши, а сзади сделал тугие маленькие локончики, и я еще не могла увидеть, как вышло, потому что они были мокрые, но я уже видела, что они стали другие, и я как будто не я. И он завязал их сеткой и посадил меня под сушилку, и я все время боялась взглянуть. А потом, когда они высохли, он снял сетку, и вынул шпильки, и расчесал, и они были совсем как золото.

И я вышла на улицу, и посмотрела на себя в зеркало, и они так блестели на солнце и были такие мягкие и шелковистые, когда я их потрогала, что мне просто не верилось, что это я, и было даже трудно дышать от волнения.

Я пошла по Прадо в кафе, где меня ждал Гарри, и я так волновалась, что внутри у меня все стянуло, — вот-вот упаду, и когда он увидел меня в дверях, он встал и не мог отвести от меня глаз, и у него был такой смешной, сдавленный голос,

когда он сказал:

— Черт подери, Мария, ты прямо красавица!

А я сказала:

— Я тебе нравлюсь блондинкой?

— Не спрашивай ничего, — сказал он. — Идем домой, в отель. А я сказала:

— Что ж. Идем, если так. — Мне тогда было двадцать шесть.

И такой он был со мной всегда, и я всегда была с ним такая. Он говорил, что у него никогда не было такой женщины, как я, а я знаю, что лучше его нет мужчины на свете. Я слишком хорошо знаю это, а теперь он умер.

Теперь мне нужно взяться за какую-нибудь работу. Знаю, что нужно. Но когда всю жизнь проживешь с таким мужем, а потом вдруг какая-то кубинская сволочь убьет его, не так-то легко сразу взяться за дело, потому что внутри у тебя все умерло. Я не знаю, что делать. Когда он уходил в рейс, было иначе. Тогда он всегда возвращался домой, а теперь я всю жизнь буду одна. И я уже старая, и толстая, и некрасивая, и никто мне не скажет, что это не так, потому что его уже нет. Придется мне нанимать себе кого-нибудь за деньги, только едва ли я захочу. Так-то оно теперь. Так-то оно теперь и будет.

А он так меня любил, и так заботился обо всех нас, и всегда умел заработать деньги, и мне никогда не нужно было заботиться о деньгах, а только о нем, а теперь это все кончено.

Тому, кто убит, гораздо легче. Если б это меня убили, мне было бы все равно. Доктор сказал, что Гарри просто устал под конец. Он даже не проснулся. Я рада, что он умер легко — ведь как же он должен был мучиться там, на лодке. Думал он обо мне или о чем-нибудь еще? Наверно, когда так, уже ни о чем не думаешь. Наверно, очень уж ему было больно. Но под конец он просто слишком устал. Как бы я хотела, чтобы это я умерла. Но что толку хотеть. Хотеть никогда не помогает.

Не могла я пойти на похороны. Люди этого не понимают. Они не знают, каково это. Потому что хороших мужей мало, вот они и не знают. Они ничего про это не знают. Я знаю. Я слишком хорошо знаю. А если я еще двадцать лет проживу, что мне тогда делать? Никто мне этого не скажет, и теперь только и остается, что терпеть понемногу, день за днем, и сейчас же взяться за какую-нибудь работу. Так и нужно сделать. Но, господи боже мой, как же быть ночью, вот что я хотела бы знать.

Как прожить ночь, если не можешь уснуть?

Наверно, в конце концов узнаешь и это, узнаешь ведь, как бывает, когда теряешь мужа. Наверно, узнаешь в конце концов. В этой проклятой жизни все узнаешь. Кажется, я уже начинаю узнавать. Просто внутри все умирает, и тогда все очень легко. Живешь, не живя, как очень многие люди почти всю жизнь. Наверно, так оно и бывает. Наверно, так оно и должно быть. Что ж, у меня хорошее начало. У меня хорошее начало, если это так, если это нужно. Я думаю, так оно и есть. Я думаю, этим кончится. Ну, что ж. У меня хорошее начало. Я ушла дальше всех.

Был ясный прохладный субтропический зимний день, и ветви пальм шевелились под легким северным ветром. Туристы на велосипедах проезжали мимо дома. Они смеялись. Во дворе напротив кричал павлин.

Из окна видно было море, оно казалось твердым, новым и голубым в свете зимнего дня.

Большая белая яхта входила в гавань, а на горизонте в семи милях от берега виден был танкер, маленький и четкий на фоне голубого моря, огибавший риф с запада, чтобы не расходовать лишнего топлива в ходе против течения.